

Фонд исторической перспективы
Центр исследований и аналитики

Перспективы

Электронный журнал

№ 2
(апрель–июнь)

2015

CENTER FOR RESEARCH AND ANALYTICS
OF FOUNDATION FOR HISTORICAL OUTLOOK

PERSPECTIVES AND PROSPECTS

E-JOURNAL

Nº 2
(APRIL–JUNE)

2015

УДК [32+316.3+94](051.2)
ББК 66.2я52+60.5я52+63.3я52
П27

Фонд исторической перспективы
Центр исследований и аналитики

Рецензируемый научный сетевой журнал
«Перспективы. Электронный журнал»
№2 (апрель–июнь)

E-journal «Perspectives and prospects»
2015
№2 (April–June)

journal.perspektivy.info

Издается с 2015 г.
(provisional) ISSN 2411-3417 = Perspektivy (Moskva. 2015)
Выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия:

Е.А. Нарочницкая — кандидат исторических наук, главный редактор;
Н.А. Нарочницкая — доктор исторических наук;
Е.Н. Рудая — кандидат исторических наук;
В.Г. Федотова — доктор философских наук;
Л.Н. Шишелина — доктор исторических наук;
П.П. Яковлев — доктор экономических наук;
А.В. Щербина — кандидат филологических наук, ответственный секретарь.

УДК [32+316.3+94](051.2)
ББК 66.2я52+60.5я52+63.3я52

Москва
2015

Содержание:

К 70-летию Великой Победы

Наталья НАРОЧНИЦКАЯ . От войны к миру. Ялта и контр-Ялта	5
Александр НАУМОВ . Истоки и уроки Второй мировой войны: некоторые вопросы современного общественно-политического дискурса	19
Франсуа-Ксавье КОКЕН . Размышления об отождествлении сталинизма с гитлеризмом	30
Елена СЕНЯВСКАЯ . Фронтовое поколение Великой Отечественной: социально-психологический феномен	50
Вера ДУБИНА . Сексуальное насилие в годы Второй мировой войны: память, дискурс, орудие политики	62
Ричард САКВА . От Ялты до Мальты и обратно	74
<hr/>	
Петр ЯКОВЛЕВ . Россия и Латинская Америка на фоне западных санкций	82
Александр САЛИЦКИЙ , Светлана ЧЕШОКОВА , Алексей ШАХМАТОВ . Китай: мощный старт экологической революции	98
Владимир КОНДРАТЬЕВ . Глобальная экономика и ее отрасли в 2014–2015 гг.	109
Authors	126
Abstracts and Keywords	127

Contents:

70 Years of the Great Victory

Natalia NAROCHNITSKAYA . From War to Peace. Yalta and Counter-Yalta	5
Alexander NAUMOV . The Origins and Lessons of the Second World War: Some Issues of Current Public and Political Discourse	19
François-Xavier COQUIN . Reflections on the Equation of Stalinism with Hitlerism	30
Elena SENYAVSKAYA . Front-line Generation of the Great Patriotic War as a Social Psychological Phenomenon	50
Vera DUBINA . Sexual violence in World War II: Memory, Discourse, Political Instrumentalization	62
Richard SAKWA . From Yalta to Malta and Back?	74
<hr/>	
Petr YAKOVLEV . Russia and Latin America against the Background of Western Sanctions	82
Aleksander SALITSKY , Svetlana CHESNOKOVA , Alexey SHAKHMATOV . China: Ecological Revolution Strong Start	98
Vladimir KONDRATEV . The Global Economy and its Sectors in 2014–2015	109
Authors	126
Abstracts and Keywords	127

УДК 94; 327

НАТАЛИЯ НАРОЧНИЦКАЯ

От войны к миру. Ялта и контр-Ялта

Аннотация. В ходе реинтерпретации истории Второй мировой войны подменяются сам смысл и значение этого крупнейшего события XX в. Ставятся под вопрос и перечеркиваются именно те итоги войны, которые были благоприятны для СССР. В этом контексте особое значение приобретает оценка Ялтинско-Потсдамской системы. Важнейшим итогом Ялты и Потсдама было восстановление фактического преемства СССР по отношению к геополитическому ареалу Российской империи в сочетании с новообретенными военной мощью и влиянием. Великая Победа 1945 г. возродила на месте исторической России силу, способную сдерживать амбиции Запада. Это, в свою очередь, предопределило последующее «холодное» противодействие ее результатам, а затем — усиливающееся геополитическое давление на уже некоммунистическую Россию. Еще до 1945 г. эта стратегия была сформулирована в ряде секретных британских и американских разработок, посвященных послевоенному устройству. Вместе с тем Ялта стала выражением духа компромисса, признания реальностей и ответственности, которые проявили тогда все участники «большой тройки» и в которых мир так нуждается в XXI в.

Ключевые слова: итоги Второй мировой войны, Ялтинско-Потсдамская система, Ялтинская конференция, проекты послевоенного устройства, переход к холодной войне, геополитические конфигурации, стратегия США, геополитические реальности.

История всегда подвергалась сложной и противоречивой интерпретации. Однако редко ее превращали в инструмент политики столь одиозно, как теперь, когда подменяются значение и смысл Второй мировой войны, ее итогов, Великой Победы мая 1945-го. Новым поколениям внушается, что кровопролитная борьба велась не за историческое существование народов, а исключительно за торжество «американской демократии». В общественное сознание внедряются представления о тождестве гитлеровского рейха и сталинского СССР, о войне как схватке двух тоталитаризмов, соперничавших за мировое господство.

В такой логике Ялтинско-Потсдамскую систему следовало объявить сначала реликтом устаревшей политики баланса сил, а затем — временным итогом борьбы с двумя тоталитарными режимами: Запад вынужден был временно смириться с одним из них, чтобы сначала разгромить другого, а потом в течение полувека ослаблять и разрушать прежнего союзника. Собственно говоря, именно таков подтекст известной фразы пре-

Сведения об авторе: НАРОЧНИЦКАЯ Наталия Алексеевна — президент Фонда исторической перспективы, руководитель Института демократии и сотрудничества в Париже, доктор исторических наук; nn@stoletie.ru.

зидента США Дж. Буша, произнесенной им в 2002 г. в Вильнюсе по случаю приглашения Литвы в НАТО: «Мы знали, что произвольные границы, начертанные диктаторами, будут стерты, и эти границы исчезли. *Больше не будет ни Мюнхена, ни Ялты*». Симптоматично, что не только в России, но и на Западе эти слова предпочли не анализировать и не комментировать. Однако в них — квинтэссенция атлантической геополитики в Старом Свете. В устах американского президента формула «ни Мюнхена, ни Ялты» означает: «Восточная Европа не будет отныне сферой влияния Германии или России — она будет сферой влияния США».

Не будем следовать политической моде и приравнивать цели других членов антигитлеровской коалиции к устремлениям Гитлера. Однако трудно не заметить: то, что не удалось немцам за две мировые войны, успешно осуществили англосаксы к концу XX в. Карта расширения НАТО буквально повторяет карту пангерманистов 1911 г., которые раздвигали границы кайзеровской Германии далеко на восток, мечтая об Украине, Кавказе, Прибалтике, контроле над Черным морем.

Важнейшим, хотя никогда вслух не акцентировавшимся итогом Ялты и Потсдама было восстановление фактического преемства СССР по отношению к геополитическому ареалу Российской империи в сочетании с новообретенными военной мощью и международным влиянием. Наша Победа восстановила на месте великой России силу, способную сдерживать устремления Запада. Это, в свою очередь, предопределило последующее «холодное» противодействие ее результатам. Сегодня все усиливающееся геополитическое давление испытывает на себе уже некоммунистическая Россия.

Симптоматично, что через 70 лет переоцениваются и перечеркиваются именно те итоги Второй мировой войны, которые были благоприятны для СССР. А ведь они — как в большой степени и остальные результаты войны — были оплачены жертвенной борьбой советского народа с гитлеровской агрессией. О какой демократии в Европе, о каком Европейском союзе говорили бы сегодня, если бы большинство европейских народов превратились в сырье для чужого проекта, нацистского проекта, потеряли собственные язык и культуру?

Подвергается сомнению статус Калининградской области и Курильских островов, но только не изменение в пользу Франции итало-французской границы или передача Додеканесских островов Греции. Возвращение территорий, утраченных Россией в ходе революции 1917 г. и иностранной интервенции, объявляется оккупацией, а присоединение к некоторым государствам земель, вообще никогда не бывших в их составе, никаких сомнений не вызывает.

Глубокие умы на Западе никогда не сводили холодную войну к борьбе тоталитаризма и демократии. Тем более эта парадигма не подходит для объяснения атлантической стратегии в Восточной Европе в 1990-х г.г или развернутого в новом тысячелетии грандиозного евразийского проекта США, пытающихся отождествить собственные интересы с универсальными канонами и установить «глобальное управление». А. Тойнби еще несколько десятилетий писал о всемирных претензиях Запада: «Западная цивили-

лизация имеет своей целью не больше и не меньше, как включение всего человечества в единое общество и контроль над всем, что есть на земле, в воздухе и на воде. То, что Запад совершает сейчас с исламом, он одновременно делает и со всеми существующими ныне цивилизациями — православно-христианским миром, индуистским и дальневосточным... Таким образом, современное столкновение.. глубже и интенсивнее, нежели любое из прежних» [13, с. 116].

В этом контексте оценка итогов Второй мировой войны, и прежде всего Ялтинской (Ялтинско–Потсдамской) системы, приобретает особое значение. Ялта стала не просто высшей точкой взаимодействия «большой тройки». Это было взаимодействие государств, которые объективно сделались системообразующими элементами международной архитектуры, сохраняя при этом свои имманентные особенности и импульс к исторической инициативе.

Осмысление ялтинской эпопеи, изучение самой Ялтинской конференции не сводится к уточнению деталей переговоров. Ялтинские решения есть тонкое равновесие компромиссов, где будущая борьба прежних союзников уже витала в воздухе, вбирая все, что приходилось отложить в сторону ради скорейшего достижения победы. Документы и обстоятельства бесед важны до последней детали, но не менее важен исторический контекст этого саммита.

И дух Ялты, и дух контр-Ялты рождались одновременно. Начавшаяся вскоре после Потсдама холодная война может быть понята лишь с учетом закулисных разработок, которые велись задолго до 1945 г.

Самого пристального внимания заслуживает не афишируемая до сих пор борьба вокруг Устава ООН. США и Британия стремились отойти от классических принципов суверенитета и создать нечто вроде мирового правительства [9]. Примечательна полная смена вех у Британии. В конце 1944 г. она напрочь отказалась от задачи, которую ставила еще в 1943 г.: навсегда «сдержать» или даже фрагментировать Германию. На смену пришел «фултонский» синдром. Борьба против новоприобретенных позиций СССР началась еще прежде, чем они были признаны де-факто и де-юре, а равновесие в регионе Проливов Черчилль упорно не желал даже обсуждать со Сталиным ни в Тегеране, ни в Ялте, ни в Потсдаме. Не без торга согласовывались границы в Восточной Европе.

Основными узлами послевоенной конфигурации, окончательно закрепленными в Ялте и на Потсдамской конференции, стали те геополитические точки, которые и за столетия до Второй мировой войны, и в настоящее время немедленно реагируют на изменение геополитического баланса. Именно по этим направлениям шло наступление кайзеровской и гитлеровской Германии в двух мировых войнах. Именно эти регионы стали объектом давления, а после крушения СССР, и контроля со стороны США и НАТО. Это Прибалтика, Балканы, Дунайский регион, стратегические зоны Средиземноморья и Проливов; Восточная Европа, где первым возникает «польский вопрос».

Польская тема звучала на секретных переговорах и в Москве в октябре 1944 г., и в Ялте. В Польше сегодня утверждают, что Черчилль «сдал» отстаиваемый польской эмиграцией проект «могучей» Польши только под нажимом диктатора Сталина. Однако британский премьер не однажды демонстрировал вполне циничное отношение к «польской карте». Свою беседу со Сталиным 14 октября 1944 г. Черчилль начал с оправданий: «Он упорно работал с поляками все утро, но не добился больших результатов. ... Он, Черчилль, изложил на бумаге то, что он зачитывал полякам. Поляки были весьма недовольны, но, как он, Черчилль, думает, они не особенно далеки от того, чтобы принять это» [7, с. 145]. Британский премьер убеждал поляков согласиться с тем, что союзники не дадут им голос на мирной конференции, ибо польский вопрос планировали обсудить без поляков не только «плохой» Сталин, но и «хороший» Черчилль. И на переговорах в Ялте, и в предшествующих документах очевиден настрой англичан не омрачать польским досье переговоры по куда более важным для них вопросам. Важнее всего для Британии была не Восточная Европа, куда уже в силу конфигурации фронтов вошла Советская армия, а положение в Средиземноморско-Черноморском регионе — извечном стратегическом «нерве» «владычицы морей».

Все это скрывалось от общественности. «Если сведения об этом проникнут в прессу, то поляки могут поднять большой шум, — отмечал Черчилль, — и это принесет большой вред Президенту (Рузвельту. — *Прим. авт.*) на выборах». «Поэтому, он, Черчилль, думает, что лучше было бы держать все это дело в строгом секрете, включая и тот документ, который он показал сейчас маршалу Сталину, в течение трех недель, пока не состоятся выборы в США».

Сталин предлагал в качестве основы восточной польской границы «линию Керзона», которая Черчилля вполне устраивала. Он лишь заметил Сталину, что «поляки были бы готовы принять документ, если бы было оговорено, что они согласны с линией Керзона как границей, но все же протестовали против нее». «Это не подходит», — невозмутимо отверг Сталин, и беседа закончилась заверением Черчилля в том, что «британское правительство полностью сочувствует желанию Маршала Сталина обеспечить существование дружественной Советскому Союзу Польши» [там же]. Так что в Ялте Черчилль заботился лишь о сохранении лица перед лондонской польской эмиграцией, которой Британия дала слишком много авансов.

Разрабатываемые в недрах внешнеполитических ведомств США и Британии проекты послевоенного мира менялись в 1942–1944 г.г., по мере того как менялась оценка потенциальной сферы влияния СССР. Достаточно сравнить несколько документов: меморандум британского министра иностранных дел А. Идена от 28 января 1942 г., переписку Идена с Д. Купером (представителем Британии при Временном правительстве Франции) от 25 июля 1944 г. и доклад (меморандум) «Безопасность Британской империи» от 29 июня 1945 г. [5].

В меморандуме 1942 г. Иден оценил идею создания западноевропейского блока как контрпродуктивную. Примечательно, что закрепление западных границ СССР в том виде, как они существовали на начало 1941 г., в Форин Офисе считали совершенно

естественным. Более того, Иден полагал правомерным со стороны СССР претендовать на большее — «контроль над Дарданеллами... доступ к Персидскому заливу и Атлантическому океану с предоставлением русским норвежской и финской территории». В откровенной записке нет и тени сомнения в легитимности территории СССР: «Он требует только того, что уже являлось русской территорией... Прибалтийские государства сами голосовали за присоединение к СССР... финская и румынская территория были предоставлены Советскому Союзу по договорам, законно заключенным с Финляндией и Румынией».

Что касается США, то Рузвельт был увлечен своей идеей создания всемирной организации — будущей ООН и уже ради этого признавал статус-кво в Европе без всяких возражений. Кроме того, этот выдающийся государственный деятель имел свое видение, отличное от стандартов американского внешнеполитического мышления, о чем еще будет сказано ниже.

Однако уже к 1945 г. в британских ведомствах, как теперь хорошо известно, созревает план перехода к холодной войне (причем вне зависимости от будущего поведения СССР в отношении европейских соседей). Отказ Лондона от союзнических отношений с Москвой был предрешен, но он вытекал вовсе не из идеологии, а из принципиально изменившейся геополитической архитектуры. Нерушимая традиция Британии — препятствовать превращению любой континентальной державы в доминирующий центр влияния.

Было бы наивно думать, что советское руководство еще до получения донесений разведки о грядущем повороте в англосаксонской политике не отдавало себе отчет в том, с кем придется иметь дело в послевоенном мире. К Ялте все союзники пришли с пониманием, что они рисуют мир, в котором тут же сами воздвигнут стены.

Еще 26 декабря 1941 г. заместитель наркома иностранных дел С. Лозовский пишет записку Сталину о создании комиссии «по послевоенным проектам государственного устройства стран Европы». В ней он подчеркивает необходимость начать подготовку к мирной конференции, «задачи которой будут гораздо сложнее Парижской мирной конференции, собравшейся после разгрома Германии в войне 1914–1918 гг.», ибо «мы будем иметь против себя... не только блок Соединенных Штатов и Великобритании, но и другие капиталистические страны, которые вместе будут, прежде всего, заботиться об удержании Советского Союза во что бы то ни стало в старых границах до 1939 г.» [6, с. 119–123]. Поскольку «Рузвельт и Черчилль уже объявили программу будущего устройства Европы и всего мира» (Атлантическая хартия), Лозовский предлагает «тоже заняться, хотя бы в предварительном порядке, подготовкой будущего мира». В Кремле, судя по архивам, в тот момент не придают этому слишком большого значения, полагая, что многое будет зависеть от положения войск к концу войны.

Так или иначе, разработки начались. Обращает на себя внимание, что все советские записки на эту тему исходят вовсе не из идеи экспансии в Западную Европу, в чем теперь часто обвиняют СССР, а наоборот, из задачи установить прочный модус вивенди

с партнерами по антигитлеровской коалиции. Так, и посол Майский ориентируется на «компромисс» с Англией в балканских делах, предлагая не вмешиваться в дела Греции, в которой СССР «заинтересован гораздо меньше», чем Англия.

Не в Москве, а в Лондоне возникает план послевоенного устройства, который и открывает новый период XX в., получивший наименование «холодная война». План был изложен в докладе «Безопасность Британской империи», подготовленном в июне 1945 г. в качестве директивы министерству иностранных дел и военным ведомствам. Доклад официально называл СССР главным противником и намечал ряд военно-политических программ, которые позднее были реализованы с удивительной точностью: «установление особых отношений» с США, создание блоков (коими стали НАТО, СЕНТО и СЕАТО) и сети военных баз по всему миру.

В кабинетах Вашингтона также прагматически и без риторики о «нации-искупительнице» и «знаменосце свободы» анализировали новое соотношение сил и новые геополитические реальности. Интересна секретная разработка Госдепартамента от 16 февраля 1944 г., посвященная сравнительному анализу геополитических устремлений Германии, Японии и СССР и их конфликту с американскими интересами. Сегодня США преподают Вторую мировую войну и свое участие в ней как святую борьбу за демократические ценности. На деле их вступление в войну было продиктовано стремлением не допустить чрезмерного усиления любой иной державы, независимо от характера ее политики.

США, как и прежде, экстраполировали на восточное полушарие свою доктрину Монро. В анализируемой разработке Госдепартамента эта доктрина интерпретируется как вариант геополитического мышления, позволяющего превращать «большие пространства» в зоны собственного решающего влияния.

Любопытно, что разработка откровенно признает тождественность доктрины Монро и немецкой доктрины Grossraum. Мы не встретим здесь осуждения ни тезиса о природной неравноценности людей и наций, ни нацистской идеологии в целом. Гитлеровская программа подчинения Европы, от Гибралтара до Урала, от Норвегии до Северной Африки, именуется просто «нацистской доктриной Монро» (!) и разбирается как родственный тип геополитической концепции. Как бы ни отличались идеологические и философские обоснования и средства реализации доктрин Grossraum и Монро, их объединяет стремление к господству над миром или значительной его частью.

Сравнивая американскую и гитлеровскую концепции «Америка для американцев» и «Европа для европейцев», аналитики Госдепартамента указывают, что «нацистская доктрина Монро» предполагает огромный район, управляемый господствующим народом, обосновывающим это «естественным правом». Возражение вызывает только тот факт, что для Гитлера «международное право теряет свое значение и означает узаконивание прав рейха править по усмотрению. Такой Гроссраум экспансивно динамичен и отвергает границы» [1].

В разработке ставится единственный вопрос: можно ли считать регион Восточной Европы пределом «советского Гроссраума» и не будет ли целью СССР постоянное его расширение, в силу «его военной мощи, экономического потенциала и тоталитарной философии»? Подобное допущение, поскольку, как подчеркивают авторы, «нет никаких ясных указателей на пределы того района, внутри которого советская политика должна быть решающей», со стороны американцев закономерно. Но это лишь допущение, не подкрепленное никакими доводами и фактами.

Весьма примечательно, что разработка от 16 февраля 1944 г., не содержащая никаких секретных данных, но грозившая подорвать своей более чем прагматической логикой доверие к идеалистическому пафосу Атлантической хартии, имела гриф: «Совершенно секретно. Из Государственного департамента не выносить».

Поняв, что СССР — это геополитический гигант с присущими такому феномену свойствами, США при Трумэне, то есть уже через считанные месяцы после Ялты, приняли стратегию всемерного сдерживания нового главного соперника. Западная Европа превратилась в их основной форпост и опору. Чтобы создать надежный плацдарм в Азии, США постарались не допустить перехода Корейского полуострова под стратегический контроль коммунистического Китая.

Небезынтересно, как оценил начавшуюся холодную войну Зб. Бжезинский. В одной из своих статей 1972 г., он, разделив послевоенное время на периоды, характеризует задачи и сравнительные возможности соперников (16). Так вот, ни в один из периодов Бжезинский не приписывает Москве завоевательных целей. Наоборот, он утверждает, что СССР в течение всего времени едва справлялся со своим наследием.

По итогам Второй мировой войны американские обретения значительно превышали советские, а контроль США над целыми регионами мира и их возможности были несравненны в глобальном масштабе. Именно об этом говорит Бжезинский, сетуя, что Соединенные Штаты не попытались отбросить СССР и решительно опрокинуть Ялтинскую систему сразу после Ялты и Потсдама.

Противостояние между США и СССР, считает Зб. Бжезинский, кристаллизовалось лишь в течение следующей фазы, в 1947–1952 гг. Этому способствовало формирование консенсуса в пользу конфронтационного курса как в американских правящих кругах, так и в советском руководстве, которое после возобновления репрессий нуждалось в атмосфере «осажденного лагеря». Однако, по оценке Бжезинского, Советам опять было не до экспансии, ибо сам «осажденный лагерь» переживал сотрясения (Чехословакия, Берлин, отход Югославии). Быстрое наращивание советских вооруженных сил было призвано компенсировать наличие атомной бомбы у США. В 1951 г. у СССР появился и небольшой ядерный арсенал, равный приблизительно одной десятой американского. Хотя в те годы СССР демонстрировал решительность и жесткость в ответ на вызовы, «эффективность его вооруженных сил ограничивалась лишь охраной советского политического доминирования в Восточной Европе — зоне, которая даже и не оспаривалась активно Западом» [16, р. 182–183].

В целом, по мнению Бжезинского, этот период выиграли США. Началась реализация лелеемых целей: организация зависимого экономического развития Западной Европы, оформление новой военно-политической коалиции — НАТО, ускоренное наращивание американской военной мощи. Противодействие Советскому Союзу оказывалось на трех направлениях — Берлин, Корея и Югославия. Амбиции Тито помогли англосаксам не пустить СССР на Балканы.

Этим во многом объясняется наступательная стратегия СССР тех лет, однако она не затрагивала принципов Ялтинско-Потсдамского мира. В пересмотре этих принципов были заинтересованы США. Была ли холодная война неизбежна в силу закономерностей мировой политики, в ситуации, когда весь мир стал единой ареной геополитической борьбы? Многое заставляет признать, что это так. Неизбежно было и превращение разгромленной и несамостоятельной Германии в инструмент разделения Европы.

Эфемерным оказался едва намеченный модус вивенди относительно Средиземного и Черного морей. В течение веков вокруг Проливов велись войны и разворачивались дипломатические интриги, и всегда за ними стояла Британия. Именно Черчилль играл главную скрипку в этих вопросах и в Тегеране, и в Ялте [10]. Упорно, хотя и внешне благожелательно, он настаивал на том, чтобы отложить их решение на будущее. Однако, по мере возрастания роли СССР в разгроме Германии, Сталин начал более настойчиво ставить эти вопросы. В конце переговоров «большой тройки» в Тегеране он заговорил о Дарданеллах и пересмотре Севрского договора с Турцией: о возвращении Карса и Ардагана, полученных Россией по Берлинскому трактату 1878 г. и оккупированных Турцией в 1918 г. (Турецкий суверенитет над ними большевики признали в Карском договоре 1921 г. в обмен на невмешательство Турции в советизацию меньшевистской Грузии и дашнакской Армении.) Черчилль счел обсуждение этой темы «несвоевременным», сославшись на свой замысел втянуть Турцию в войну, и добавил необязывающую фразу: «...русский военный и торговый флот будет бороздить океаны, и мы будем приветствовать появление русских кораблей» [14, с. 375]. Подобное он изрек и в Потсдаме в ответ на слова Сталина: «Если Вы считаете невозможным дать нам укрепленную позицию в Мраморном море, не могли бы мы иметь базу в Дедегаче?» (греческий порт Александруполис в Эгейском море неподалеку от турецкой границы) [17, р. 93].

Латентная холодная война продолжала разгораться на дипломатических форумах по послевоенному урегулированию. Всего через полг. после Ялты, на первой же сессии Совета министров иностранных дел осенью 1945 г. начались позиционные дипломатические бои с участием наркома В. Молотова, государственного секретаря США Дж. Бирнса и министра иностранных дел Великобритании Э. Бевина. Англосаксонская линия была неизменна: ни в коем случае не пустить СССР на Балканы и в Средиземное море. Граница «зоны безопасности» СССР ни в коем случае не должна была доходить до Средиземного моря. Ее надо было сдвинуть на Восток, полностью отделив Черное море от Южной Европы и оставив Средиземноморье под англо-американским контролем.

Противоборство по этой важнейшей линии было отложено в Ялте, но проявилось через несколько месяцев после капитуляции Германии, на конференции в рамках сес-

сии Совета министров иностранных дел. Беседа Молотова и Бевина 23 сентября 1945 г. началась с выяснения того, почему союзники не желают признавать новые «дружественные» правительства Болгарии и Румынии, а советская делегация уклоняется от согласия на передачу Додеканесских островов Греции. Стороны фактически признались, что используют свои «нет» лишь в качестве торга. За «маленьким вопросом», как охарактеризовал Молотов передачу Додеканесских островов Греции (которая «конечно же, получит их!») стояли стратегические параметры региона.

«Почему Великобритания интересуется Черноморскими проливами? Черное море — внутреннее море, и вместе с тем небезопасное для Советского Союза, как показала эта война... — говорил Молотов, предлагавший сделать бывшие итальянские колонии подмандатными территориями победителей. — В Черноморских проливах нас хотят держать за горло руками турок. А когда мы поставили вопрос о том, чтобы нам дали хотя бы одну мандатную территорию в Средиземном море — Триполитанию, то сочли, что мы покушаемся на права Великобритании... Между тем Великобритания не может иметь монополии в Средиземном море... Неужели Советский Союз не может иметь уголок в Средиземном море для своего торгового флота?»

В ответ Бевин прямо сослался на якобы данное Сталиным обещание не искать присутствия в Средиземном море: «Черчилль в свое время говорил, что в одной из бесед с ним Генералиссимус Сталин сказал, что у Советского Союза нет намерения двигаться в Средиземное море». Далее он поставил ребром вопрос о международных внутренних водных путях в Европе, четко указав, что «при установлении международного режима на водных путях британскому правительству должно быть возвращено то, что было потеряно Великобританией во время войны». Перекидывая тут же мостик к Балканам, Бевин прямо намекнул, что «Британия могла бы изменить свое негативное отношение к признанию румынского и болгарского правительств и посмотреть, не является ли политика Британского правительства по отношению к этим странам неправильной». Продолжая этот дипломатический торг, Бевин, наконец, изрек классическую для Великобритании позицию: «В вопросах присутствия в Средиземном море Британское правительство сильно опасается того, как бы чего не случилось в Средиземном море, что разделило бы Британскую империю на две части [4].

Когда прозвучала Фултонская речь Черчилля, для Сталина, уже знакомого с докладом «Безопасность Британской империи» и дипломатическими баталиями в СМВД, эта речь, потрясая мир, была лишь завершающим пропагандистским хлопком. В Мраморное море «на неопределенный срок» уже собирался американский морской отряд особого назначения, состоявший из самого мощного в мире линкора «Миссури», двух новейших авианосцев, нескольких крейсеров и дюжины эсминцев. Предлогом было сопровождение тела внезапно скончавшегося турецкого посла в Вашингтоне.

И в Ялте, и в Потсдаме Черчилль уклонился от ответа на вопрос Сталина о советской базе в Дарданеллах. Однако он сам пообещал пересмотреть в пользу СССР и черноморских стран Конвенцию о Черноморских проливах Монте от 1936 г. Как показали последующие события, союзники и не думали исполнять обещанное. Даже продвижение

сферы влияния СССР до Берлина не выглядело для англосаксов такой угрозой, как попытка возврата к временам Берлинского конгресса 1878 г. или кульминации успехов России в Восточном вопросе — Ункияр-Искелесийского договора с Турцией 1833 г. Тогда Англия и еще могущественная Франция повели дело к Крымской войне!

Контроль над Восточной Европой добавлял к могуществу СССР меньше, чем принято думать. Важнее было восстановление собственных российских территорий, утраченных в результате революции. Но вот это Конгресс США так и не признал. Над СССР нависла постоянная необходимость сдерживать нелояльных венгров и поляков, которые куда более, чем немцы, мечтали о реванше над Россией. Настоящим призом для нее было бы восстановление положений Берлинского трактата: Карс, Ардаган, беспрепятственный проход по Черноморским проливам, Прибалтика. Но именно этому воспротивились англосаксонские союзники СССР. Смысл антигитлеровской коалиции для них, как и Антанты, был не только в разгроме Германии, но и в предупреждении серьезных обретений России.

Таким образом Ялта всего лишь зафиксировала согласие и модус вивенди по главным геополитическим разломам европейской и азиатской истории практически по тем же линиям, которые сложились к рубежу XIX-XX вв. и потом на протяжении всего XX в. были необычайно чувствительны к любому изменению соотношения сил.

Это прежде всего линия от Балтики до Средиземного моря. И задача англосаксов, в первую очередь Черчилля, выступавшего активнее, чем США в этом направлении, была — предотвратить продолжение на юг по берлинскому меридиану до Средиземного моря «зоны безопасности Советского Союза», покрывавшей Восточную Европу. Неслучайно Черчилль на всех переговорах военных лет упорно предлагал Сталину правофланговое наступление на Балканы через Вену, чтобы предотвратить раздел сфер влияния именно на этом южном — очень важном военно-стратегическом фланге. И Советский Союз понял, что для Англии это слишком важный жизненный нерв. Сталин не стал пытаться вторгаться в эту сферу. СССР смирился с тем, что в Греции Британия устроила переворот и были свергнуты коммунистические силы.

Тем не менее сразу после войны Трумэн немедленно окружил южное подбрюшье Советского Союза военными базами, а Турция, как и «блистательная Порта» в XIX в., стала служить инструментом западной и прежде всего англосаксонской политики. Даже в разгар союзничества в самом первом официальном предложении создать «всемирную организацию безопасности» в письме И. Сталину У. Черчилль дал понять, что в послевоенной конструкции Европы будет участвовать Турция: «составными частями органа управления Европой будут «великие нации Европы и Малой Азии» [3] (выделено мной. — Н.Н.).

Вопрос о геополитической конфигурации Дальнего Востока был также намного важнее для США, чем Восточная Европа. Амбиции Японии давно воспринимались Вашингтоном как посягательство на тихоокеанские позиции США. Во время Гражданской войны в России американский корпус высадился на дальневосточных побережьях России не для того, чтобы свергнуть большевиков, а для того, чтобы предотвратить занятие

региона Японией. И Советский Союз по просьбе своих западных союзников дал в Ялте обязательство немедленно после капитуляции Германии вступить в войну с Японией. Через 70 лет после этого США уже открыто подвергают сомнению свое обязательство, данное взамен — вернуть Курильские острова Советскому Союзу.

Каковы же итоги 70 послевоенных лет в свете опыта Ялты?

На рубеже третьего тысячелетия на Западе пытаются совершить невиданную геополитическую трансформацию и смену основ международного права. Радикальность американского проекта Зб. Бжезинский сам признал в одной из статей: «В 2000 г. признают, что Робеспьер и Ленин были мягкими реформаторами» [8].

Превращение Восточной Европы в Западную, а западных территорий исторического Государства Российского в Восточную Европу стало звеном в системной геополитической стратегии США. Это становится очевидным после серии спонсированных цветных революций по периметру границ нынешней Российской Федерации, затем интервенций в Ираке, Афганистане, разрушения хрупкого равновесия на Ближнем Востоке, где была взорвана Ливия и еще сопротивляется разрушенная, но несломленная Сирия.

Именно эту цель ставил в качестве приза во Второй мировой войне американский Совет по международным отношениям в сентябре 1941 г. в секретной записке, направленной в Государственный департамент. Цинизму этого документа мог подивиться сам Талейран: в нем даже обсуждался вопрос, не целесообразно ли будет восстановить большевизм, если он рухнет. *«Военный результат этой войны может обусловить огромный процесс перегруппировки сил от Богемии до Гималаев и Персидского залива... Ключ к этому лежит в реорганизации Восточной Европы, в создании буферной зоны между тевтонами и славянами... В интересах Америки направить свои усилия на конструктивное решение этой проблемы»* [2].

Вот устремления, которые были временно укрощены ялтинским духом. Именно они предопределили холодную войну после Ялты, а вовсе не мифическое желание СССР войти с танками в Западную Европу. Ибо геополитические реальности, закрепленные в Ялте, сами по себе противоречили цели, сформулированной Советом по международным отношениям.

А вот то, что началось в 1990-е годы после распада Советского Союза и самоустранения России, напротив, весьма похоже на реализацию этой цели: создание буферной зоны между Германией и Россией из мелких несамостоятельных, подконтрольных США государств от Балтики до Черного моря. Это не только рычаг давления на Россию, но и гарантия против формирования «Mittleuropa», превращения Германии с тяготеющими к ней государствами в самостоятельный центр политики. Ялта обеспечила мир, а передел карты в 1990-е годы обрушил бомбы на суверенные государства, породил «терроризм» как структурный элемент мировой политики, как средство изменения границ. Сегодняшняя угроза самому Западу, и прежде всего Европе, от ИГИЛ порождена безответственным отношением самонадеянной силы к остальному миру.

Кольцо вокруг России, которое попытались сформировать в 1990-е годы, не замкнуто лишь благодаря восстановлению национально-государственной воли и геополитической миссии России. Этот аспект возрождения России как самостоятельного субъекта политики располагает наибольшим консенсусом в российском обществе и имеет огромный морально-политический резерв.

Но очевидно, что сохраняются планы и надежды замкнуть дугу вокруг России. Отсюда попытка не только сомкнуть ряды традиционных оппонентов и геополитических соперников России, но и вовлечь в них новообразованные государства из бывших частей исторического государства Российского. На этой дуге уже развернулись главные военно-стратегические и геоэкономические сценарии начала XXI в. Все ее элементы — Восточная Европа, Кавказ и Центральная Азия — поочередно становились с начала 90-х годов объектом внутреннего и международного соперничества за втягивание их в евроатлантическую «целостность», которая все еще мнит себя носителем «всемирной цивилизации», хотя динамику мировому развитию задает уже Азия. Настала очередь и Киева — «матери городов русских». Судьба многострадальной Украины тому последний и тревожный пример. Угроза для мира и стабильности, а также исторической роли Европы очевидна.

Все это заставляет еще раз высоко оценить величие духа компромисса и ответственности, проявленных в ходе Ялтинской конференции, когда мир и Европа лежали в руинах и нужно было склеить их в стабильную и жизнеспособную систему. Россия в лице СССР тогда продолжила преемственную двухсотлетнюю работу на своих рубежах. США в лице президента Ф.Д. Рузвельта осознанно приняли новое соотношение сил и проявили редкое стремление к равновесию ради мира. Его речь в Конгрессе вскоре после Ялты полностью опровергает утверждение, что США были обмануты Советским Союзом. Такое суждение не имеет обоснований и продиктовано задачей полностью изменить интерпретацию смысла и итогов Второй мировой войны и Ялтинской конференции.

Рузвельт, как писал блестящий знаток американской истории и внешнеполитической стратегии А.И. Уткин, считал Советский Союз прежде всего не идеологической, а геополитической величиной и уважал его законные интересы. Рузвельт мудро убеждал своих соратников и конгрессменов: «Мир такой, какой он есть. Россия определяет свою безопасность по своим границам. Спорить с ней по некоторым вопросам не только безнадежно, но и опасно пытаться подчинить русских американской воле». В глазах Рузвельта политика победоносной Москвы в 1945 г. совершенно обоснованно была похожа скорее на политику осторожной царской России, чем на троцкистский коммунистический авангард с универсалистскими претензиями. Поэтому он исходил из «ялтинской аксиомы» — дух союзничества и взаимного признания мог продолжать действовать и после окончания Второй мировой войны. Рузвельт полагал, что перед всеми, включая СССР, встают задачи восстановления, для выполнения которых нужны мир, стабильность и порядок. Самый выдающийся президент США в XX в. считал предотвращение взаимного недоверия одной из главных своих задач.

Именно к такой ответственности и признанию реальностей Россия призывает своих союзников по Второй мировой войне для того, чтобы достойно встретить вызовы XXI в.

Источники и литература:

- [1] АВП РФ. Фонд 0512, оп. № 4, док. № 212, папка № 25, листы 4, 7, 17, 26, 27–29.
- [2] АВП РФ. Фонд 0512, оп. № 4, док. № 213, папка № 25, лист 3.
- [3] АВП РФ. Фонд 0512, оп. № 4, док. № 304, папка № 31, лист 1.
- [4] АВП РФ. Фонд 0512, оп. № 4, док. № 304, папка № 31, листы 47–48, 49–50, 51–53.
- [5] Архив СВР РФ. Дело № 43106 «Спецсообщения из Англии». См. также: Царев О. И. СССР — Англия: от сотрудничества к конфронтации (1941–1945гг.) // Новая и новейшая история. 1998, №1.
- [6] Вестник Архива Президента Российской Федерации. Источник. Документы русской истории. 1995, № 4 (17).
- [7] Запись беседы тов. И.В. Сталина с Черчиллем. 14 октября 1944 г. // Вестник Архива Президента Российской Федерации. Источник. Документы русской истории. 1995, № 4 (17).
- [8] Максименко В.И. Происходит ли «глобализация»? // Pro et Contra. 1999. Т. 4, № 4.
- [9] Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории. М.: Международные отношения, 2005.
- [10] Нарочницкая Н.А. Великие войны XX столетия. За что и с кем мы воевали». М.: АЙРИС-пресс, 2007.
- [11] Семенов-Тянь-Шаньский В.П. О могущественном территориальном владении применительно к России. Очерк по политической географии. СПб., 1915.
- [12] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. VI. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (17июля — 2 августа 1945 г). Сборник документов. М., 1945.
- [13] Тойнби А. Дж. Византийское наследие России // А. Дж. Тойнби. Цивилизация перед судом истории. М.: Прогресс, 1996.
- [14] Черчилль У. Вторая мировая война. Том V: Кольцо смыкается. М.: Терра-Книжный клуб, 1998.
- [15] Brzezinski Z. Between two Ages: America's Role in the Technotronic Era. N.Y.: The Viking Press, Inc, 1970.
- [16] Brzezinski Z. How the Cold War Was Played // Foreign Affairs. October, 1972. Pp. 181–209.
- [17] Gilbert M. Never Despair: Winston S. Churchill, 1945–1965. London: Heinemann, 1988.
- [18] Laughland J. The Tainted Source. The Undemocratic Origins of the European Idea. London: Little, Brown, 1997.

Список литературы:

- АВП РФ. Фонд 0512, оп. № 4, док. № 212, папка № 25, листы 4, 7, 17, 26, 27–29.
- АВП РФ. Фонд 0512, оп. № 4, док. № 304, папка № 31, листы 1, 47–48, 49–50, 51–53.
- АВП РФ. Фонд 0512, оп. № 4, док. № 213, папка № 25, лист 3.
- Архив СВР РФ. Дело № 43106 «Спецсообщения из Англии».
- Вестник Архива Президента Российской Федерации. Источник. Документы русской истории. 1995, № 4 (17).
- Запись беседы тов. И.В. Сталина с Черчиллем. 14 октября 1944 г. // Вестник Архива Президента Российской Федерации. Источник. Документы русской истории. 1995, № 4 (17).
- Максименко В.И. Происходит ли «глобализация»? // Pro et Contra. 1999. Т. 4, № 4.

- Нарочницкая Н.А.* Великие войны XX столетия. За что и с кем мы воевали». М.: АЙРИС-пресс, 2007.
- Нарочницкая Н.А.* Россия и русские в мировой истории. М.: Международные отношения, 2005.
- Семенов-Тянь-Шаньский В.П.* О могущественном территориальном владении применительно к России. Очерк по политической географии. СПб., 1915.
- Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. VI. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 июля — 2 августа 1945 г). Сборник документов. М., 1945.
- Тойнби А. Дж.* Византийское наследие России // А. Дж. Тойнби. Цивилизация перед судом истории. М.: Прогресс, 1996.
- Царев О. И.* СССР — Англия: от сотрудничества к конфронтации (1941–1945 гг.) // Новая и новейшая история. 1998, №1.
- Черчилль У.* Вторая мировая война. Том V: Кольцо смыкается. М.: Терра-Книжный клуб, 1998.
- Brzezinski Z.* Between two Ages: America's Role in the Technotronic Era. N.Y.: The Viking Press, Inc, 1970.
- Brzezinski Z.* How the Cold War Was Played // Foreign Affairs. October, 1972. Pp. 181–209.
- Gilbert M.* Never Despair: Winston S. Churchill, 1945–1965. London: Heinemann, 1988.
- Laughland J.* The Tainted Source. The Undemocratic Origins of the European Idea. London: Little, Brown, 1997.

УДК 94; 327

АЛЕКСАНДР НАУМОВ

Истоки и уроки Второй мировой войны: некоторые вопросы современного общественно-политического дискурса

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые аспекты дискуссий об истоках и итогах Второй мировой войны, связанные с ролью СССР. В качестве основных вех автор выделяет Мюнхенское соглашение, «пакт Молотова-Риббентропа» и Крымскую конференцию, заложившую основы послевоенного порядка. Что предопределило начало войны, и оправданно ли, говоря о ее исходе, ставить на одну доску Мюнхенское соглашение и решения Крымской конференции в Ялте? Дать непредвзятый ответ на эти вопросы можно лишь в рамках системного анализа международных отношений. Война стала неизбежной в результате краха Версальской системы и той игры, которую вели Великобритания, Франция, Германия и другие державы. Нежелание европейских государств заключать военный союз с СССР против Гитлера подтолкнуло Москву к подписанию германо-советского пакта о ненападении 1939 г., который стал логичным завершением политики умиротворения, проповедуемой европейскими странами. Упоdobлять Версальскую модель, и тем более Мюнхенский сговор, послевоенной Ялтинской системе, имевшей свои пороки, но также и бесспорные достижения, совершенно неверно. А один из уроков предвоенного и послевоенного опыта состоит в том, что мирополитическая архитектура немыслима без активного участия России и в случае ее изоляции обречена на провал.

Ключевые слова: Вторая мировая война, причины Второй мировой войны, роль СССР во Второй мировой войне, Версальская система, Мюнхенское соглашение, политика умиротворения, пакт Молотова-Риббентропа, германо-советский договор о ненападении, Крымская конференция, Ялтинская система.

Все чаще предпринимаются попытки ревизии истории Второй мировой войны — прежде всего пересмотра традиционного освещения дипломатической борьбы кануна 1939 г. Результатом этой ревизии становится смещение акцентов при характеристике взаимодействия союзников на заключительном этапе войны. Особую тревогу вызывает тенденция переоценки роли СССР — многонациональной страны, внесшей решающий вклад в разгром нацизма, — накануне, в ходе и на завершающем этапе войны.

Сведения об авторе: НАУМОВ Александр Олегович — доцент факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, старший научный сотрудник Института проблем международной безопасности РАН, кандидат исторических наук;
anaimov@mail.ru.

Споры на эту тему выходят далеко за академические рамки. Западные (и не только) политики и ученые разного калибра все чаще обыгрывают тезис, выдвинутый Дж. Бушем-младшим. «Больше не будет Мюнхена, больше не будет Ялты», — заявил американский лидер на торжествах по поводу приглашения Литвы в НАТО 23 ноября 2002 г. Это весьма неоднозначное сравнение можно бы было списать на эпатажность бывшего американского президента, если бы за этим не наблюдалась устойчивая тенденция пересмотра Второй мировой войны и ее итогов.

Только системный анализ международных отношений 1939–1945 в целом и роли СССР в этом процессе в частности может дать объективный и непредвзятый ответ на поднимаемые вопросы, только такой подход позволит поставить точку в этой опасной для современной России дискуссии. Итак, попробуем с системной точки зрения разобраться в вопросе без его политизации. В качестве ключевых вех, связанных с ролью СССР, выделим Мюнхенское соглашение, пакт Молотова-Риббентропа и Ялтинскую конференцию.

Первые два события относятся к периоду Версальской системы международных отношений — самой недолговечной и непрочной модели организации мирового сообщества. До сих пор в научных и общественных кругах идут дебаты о том, когда и почему кризисные тенденции в развитии Версальской системы приобрели необратимый характер, а сам кризис перешел в фазу распада, когда началась мировая война и кто в ней виноват. Важно, что за этими спорами кроется отнюдь не академическое стремление снять с той или другой стороны ответственность за недалековидные, а подчас и преднамеренные действия, вылившиеся в колоссальную катастрофу, унесшую жизни десятков миллионов людей, повлекшую невиданные разрушения, массовые преступления против гражданского населения и геноцид целых народов.

Действительно, сегодня все чаще можно слышать, что германо-советский пакт стал едва ли не главной причиной начала Второй мировой, что именно Сталин, заключив преступный союз с Гитлером, предопределил начало Второй мировой войны. Так ли это на самом деле? Не вызывает сомнения тот факт, что германо-советское соглашение сыграло важную роль в ходе дипломатической борьбы накануне Второй мировой войны. Но было ли оно определяющим для начала этой самой войны? Было ли заключение пакта о ненападении вызвано решением двух диктаторов — Гитлера и Сталина — развязать войну или же пакт стал логичным и неизбежным завершением той игры, которую вели Великобритания, Франция, Германия и другие державы?

Нам представляется, что найти объективный и непредвзятый ответ на этот вопрос возможно, только рассматривая драматические события конца 30-х годов XX в. как совокупность элементов некой системы, а именно Версальской системы международных отношений. В 1936 г. она вступила в полосу системного кризиса, и всего за три года — с марта 1936 по март 1939 г. — кризис пожрал межвоенный порядок, дав старт процессу окончательного развала системы, который наступил в сентябре 1939-го.

Первой вехой кризиса стали события 7 марта 1936 г., когда окрепший режим Гитлера оккупировал демилитаризованную Рейнскую зону, созданную в 1919 г. на франко-

германской границе для предотвращения немецкого реванша. Это нарушение осталось абсолютно безнаказанным. Франция — главный гарант европейского баланса сил и основной пострадавший от агрессивных действий Рейха — не решилась на ответные действия, проявила слабость, хотя могла без особых проблем поставить Германию на место: общая численность вошедших в Рейнскую демилитаризованную зону германских войск не превышала двадцати тысяч, а постоянная французская армия насчитывала без всякой мобилизации полмиллиона.

В системе баланса сил межвоенного порядка наметился сдвиг в пользу Германии, а влияние Франции в Европе снизилось. По сути, Париж попал в зависимость от Великобритании, которая стремилась модернизировать Версальскую систему и не настаивала на сохранении статус-кво в континентальной Европе.

Следующим катализатором для развития кризиса Версальской системы стала начавшаяся 17 июля 1936 г. и мгновенно интернационализировавшаяся гражданская война в Испании. Буквально с первых месяцев войны Италия и Германия, с одной стороны, и Советский Союз, с другой, начали оказывать действенную помощь воюющим сторонам в испанском конфликте. Однако Великобритания и Франция, которые, следуя международным обязательствам, должны были поддержать законное республиканское правительство Испании, в качестве политической линии избрали невмешательство в испанские дела, надеясь таким образом локализовать конфликт. Тем самым они нанесли непоправимый удар по обороноспособности Испанской республики и косвенно содействовали победе профашистски настроенного генерала Франко.

Как и рейнский кризис, гражданская война в Испании сыграла очень важную роль в приближении европейского коллапса. Именно в результате испанского конфликта был образован союз двух тоталитарных государств Европы — нацистской Германии и фашистской Италии — «ось» Берлин-Рим. Более того, отвлекая внимание мирового сообщества испанская война в значительной степени помогла Третьему рейху осуществить грандиозное перевооружение и подготовиться к захвату Центральной Европы. Позиции Франции в Европе еще более ослабли. По сути, еще недавно ведущая европейская держава превратилась в младшего партнера Великобритании. Лига Наций — международная организация, призванная отвечать за поддержание мира, — полностью себя дискредитировала. Наконец, губительные разногласия между СССР, с одной стороны, и Англией и Францией, с другой, проявившиеся в ходе испанского конфликта, поставили крест на планах создания системы коллективной безопасности в Европе, способной остановить агрессоров. Все это побудило европейские государства действовать в одиночку перед лицом надвигавшейся военной опасности.

Пока шла гражданская война в Испании, основные события международной жизни переместились в самый центр Европы. В начале 1938 г. Гитлер почувствовал себя достаточно сильным, чтобы пересечь национальные границы, установленные после Первой мировой войны. В марте состоялся аншлюс (присоединение к Германии) Австрии. С одной стороны, аншлюс окончательно закрепил переход англо-французской политики на рельсы умиротворения агрессора, стратегии, которая объективно вела

к разрушению Версальской системы и началу войны. С другой — австрийские события устранили последние серьезные противоречия между фашистской Италией и нацистской Германией, укрепив их в мысли о целесообразности добиваться своих целей посредством грубой силы.

После австрийского кризиса Англия и Франция — гаранты существовавшего европейского порядка — оказались в состоянии стратегического паралича: у Лондона не осталось альтернативы продолжению курса на умиротворение Германии, а Парижу оставалось лишь следовать в фарватере Великобритании. К апрелю 1938 г. инициатива в международной политике была утеряна западными демократиями и безвозвратно перешла в руки фашистских держав. Попытка модернизации Версальской системы на основе ограниченных уступок Германии и Италии, к чему начиная с 1936 г. стремились Великобритания и Франция, провалилась.

Кульминацией европейского кризиса стала печально знаменитая Мюнхенская конференция 29–30 сентября 1938 г., вошедшая во многие учебники истории под названием «Мюнхенский сговор», что как нельзя лучше отражает суть этого наспех организованного саммита четырех стран — Германии, Италии, Великобритании и Франции. Используя шантаж и угрозы, Гитлеру удалось бескровно аннексировать стратегически важную Судетскую область Чехословакии — относительно крупного и сильного демократического государства в центре Европы. Не желая рисковать миром, Лондон и Париж бросили на произвол судьбы своего союзника, причем в унижительной для Праги форме: непосредственная жертва сговора по настоянию Гитлера от участия в конференции устранилась, а чехословацкие представители несколько часов ожидали в приемной, пока лидеры четырех стран вынесут окончательный приговор их стране. СССР — союзник и Франции, и Чехословакии по заключенному в 1935 г. договору о взаимопомощи — в Мюнхен вообще приглашен не был.

30 сентября и 6 декабря 1938 г. Германия подписала с Англией и Францией соответственно декларации о ненападении. Казалось, после урегулирования всех (или почти всех) «несправедливостей» Европу ждет долгий период мирного процветания. В реальности же в результате заключения Мюнхенского соглашения европейский баланс сил изменился кардинальным образом и резко приблизил начало Второй мировой войны. Захватив Австрию, а затем часть Чехословакии, Германия самым серьезным образом укрепила свои позиции, превратившись в гегемона Центральной Европы. После Мюнхена каждая страна предпочитала защищать суверенитет и безопасность, исходя исключительно из собственных сил и возможностей, не рассчитывая более на поддержку других стран и существование каких-либо договоров.

Потенциальный союзник Запада в борьбе с гитлеровской агрессией — Советский Союз — оказался исключен из многосторонней европейской политики. В условиях, когда основа советской внешнеполитической концепции — политика коллективной безопасности — была похоронена Великобританией и Францией, советское руководство еще более укрепило в мысли о целесообразности поиска альтернативных путей обеспечения собственной безопасности.

Соучастниками раздела Чехословакии стали малые страны с большими амбициями — Венгрия и Польша. Польское руководство, для которого результаты Мюнхена таили наибольшую угрозу, таким образом апробировало политическую линию, «с успехом» примененную в ходе августовского кризиса 1939 г. — политику торпедирования единого антигерманского фронта.

Мюнхенский сговор не случайно называют пиком политики умиротворения. В ходе чехословацкого кризиса Великобритания и Франция предпочли уступить Центральную Европу Германии ради иллюзорного шанса на сохранение мира на континенте, надеясь при этом направить германскую агрессию на Восток — против СССР. В результате геостратегические позиции самих западных демократий (особенно Франции) резко ухудшились; а Германия получила наилучшие возможности для дальнейшей экспансии, в том числе и для агрессии против Великобритании и Франции, что и было осуществлено Гитлером уже в 1940 г.

8 марта 1939 г. Гитлер выступил на совещании представителей военных, экономических и партийных кругов Германии, где заявил, что не позднее 15 марта оставшаяся часть Чехословакии должна быть оккупирована вермахтом. «Затем, — отметил фюрер, — последует Польша... В 1940 и 1941 гг. Германия раз и навсегда сведет счеты с извечным врагом — Францией... Когда Франция будет побеждена, Германия с легкостью установит господство над Англией... Используя британские и французские владения в Америке в качестве базы, мы сведем счеты с «еврейскими королями доллара» в Соединенных Штатах» [1].

Уже через неделю германский рейхсканцлер начал претворять свою воинственную внешнеполитическую программу (в которой, кстати, не было ни слова о СССР) в жизнь. 15 марта 1939 г. войска вермахта вошли в Прагу, тем самым Гитлер вероломно нарушил им же подписанные в Мюнхене договоренности.

3 апреля 1939 г. германским генштабом был окончательно разработан план «Вайс» — план нападения на Польшу [2]. Спустя полтора месяца, 23 мая 1939 г., Гитлер на секретном совещании с высшими военными чинами Рейха заявил, что напасть на Польшу необходимо «при первой подходящей возможности» [3]. В Европе явно запахло войной. В этих условиях вопрос, чью же сторону займет Советский Союз, еще недавно исключенный из европейской политики, внезапно приобрел чрезвычайную актуальность.

Осознавая тяжесть положения, в котором они оказались, западные державы — Англия и Франция — начали переговоры с СССР в марте 1939 г., то есть сразу после оккупации Чехословакии войсками вермахта. 21 марта посол Великобритании в СССР вручил советскому наркому иностранных дел «Проект декларации Великобритании, СССР, Франции и Польши», которая должна была положить начало созданию широкой антигерманской коалиции, способной остановить дальнейшую агрессию нацистов. Уже на следующий день СССР выразил согласие присоединиться к такому союзу, однако из-за враждебной, непримиримой антисоветской позиции польского правительства британский проект четырехсторонней декларации так и не был реализован.

17 апреля 1939 г. Москва выдвинула новый проект, предусматривавший заключение англо-франко-советского соглашения о взаимопомощи в случае агрессии в Европе против одной из стран, которое также подразумевало гарантии Польши от агрессии со стороны Германии. Началось обсуждение различных проектов, где ключевым стал вопрос о проходе войск СССР, не имевшего общей границы с Германией, к театру боевых действий. А то, что этим театром станет Польша, уже мало у кого вызывало сомнение. Однако, несмотря на объективную необходимость, которую подчеркивали многие политические и общественные деятели западных стран, официальные Лондон и Париж не торопились начинать военные консультации с СССР. Только 12 августа в Москве начались реальные переговоры военных миссий Великобритании, Франции и СССР с целью подписания военной конвенции, т.е. условий, по которым стороны окажут друг другу помощь в борьбе с нацистской агрессией.

Характерно, что Англия и Франция официально ответили согласием начать военные переговоры еще 25 июля, однако их военная миссия оказалась в Москве только 11 августа. Подобная медлительность в условиях постоянно и с калейдоскопической быстротой менявшейся геополитической реальности объяснялась тем, что британские и французские военные деятели добирались до Москвы... тихоходным грузовым кораблем!

Об истинных намерениях западных стран и их нежелании заключать военный союз против Гитлера красноречиво свидетельствовал и состав их делегаций. Если во главе советской миссии стоял нарком обороны К.Е. Ворошилов, то делегации западных «союзников» возглавляли фигуры второстепенные. Так, главой английской миссии являлся комендант Портсмута, по сути уже отошедший от дел адмирал Дракс, а французскую делегацию возглавлял преподаватель летного искусства генерал Думенк. И это при том, что в сентябре 1938 г. премьер-министр Британской империи, никогда прежде не пользовавшийся самолетом, трижды в течение одного месяца лично летал в Германию для переговоров с Гитлером, а начальник английского генштаба генерал Айронсайд с июля находился в соседней Польше. Как бы то ни было, успех переговоров вновь зависел от позиции второй Речи Посполитой, которая даже в условиях резкого ухудшения польско-германских отношений и чрезвычайного нарастания угрозы нацистского вторжения, отказывалась идти на уступки.

Говоря об англо-франко-советских переговорах лета 1939 г., историки часто забывают упомянуть один интересный факт. В начале июля французский посол в Москве предложил правительству СССР урегулировать спорные моменты в отношении стран Прибалтики с помощью... секретного протокола. В ответ советский нарком иностранных дел В.М. Молотов выразил недоумение и совершенно недвусмысленно назвал «принятие секретного списка уступкой со стороны Советского правительства» [4]. В итоге этот план так и остался на бумаге, однако идея секретного пакта, исходившая с Запада, осталась в умах кремлевских руководителей.

Одновременно, следуя логике сложной внешнеполитической игры, и советское руководство, и англо-французские государственные деятели вели активные переговоры

с нацистской Германией. Особенно активно действовало британское правительство; параллельно с московскими переговорами Лондон проводил не менее, а даже более энергичный курс на дальнейшее сближение с гитлеровской Германией — курс, которым Великобритания шла начиная с 1935 г.

В июле–августе 1939 г. англо-германские контакты вошли в новую стадию — начались активные секретные переговоры между гитлеровскими эмиссарами и влиятельными британскими политиками. Ближайшие соратники английского премьер-министра разработали и предложили немцам целую программу нового этапа умиротворения Германии, включавшую и военные, и экономические, и колониальные уступки. По сути, Лондон предлагал раздел Европы на сферы влияния: германскую на востоке и англо-саксонскую на западе. В начале августа вблизи датской границы прошла встреча ближайшего сподвижника Гитлера Г. Геринга и группы британских эмиссаров во главе с видным членом консервативной партии Ч. Спенсером. Наконец, на 23 августа уже был согласован прилет Геринга в Великобританию для встречи с Чемберленом и «урегулирования разногласий» на англо-германских переговорах [5]!

Однако на самом деле, подобная тайная дипломатия нацистов была лишь дезинформационной уловкой. Вместо полета Геринга в Лондон в тот же день состоялся полет министра иностранных дел Третьего рейха И. фон Риббентропа в Москву. Как справедливо заметил известный отечественный историк Л. Безыменский, «мюнхенские настроения» и спекуляции на них были для Гитлера лишь умелым маневром, в котором он шантажировал и Англию, и Польшу, и Советский Союз. Для Сталина же подобные англо-германские секретные переговоры стали желанным оправданием большой игры, которую он затеял, — в попытке обыграть Гитлера с целью выигрыша жизненно важного для СССР времени на реконструкцию Красной Армии и воссоздания ее мощи [6].

Некоторое потепление между Москвой и Берлином началось еще весной 1939 г., причем по инициативе германской стороны. Получив же в середине августа информацию о возможности успешного завершения московских переговоров, Риббентроп немедленно поручил германскому послу в Москве заверить его советского коллегу Молотова в готовности Германии восстановить «германо-советскую дружбу» и совместно решить территориальные вопросы, связанные с Восточной Европой. С этого момента и начались советско-германские переговоры, завершившиеся подписанием пакта о ненападении.

Отметим, что Сталин до последнего не давал позитивного ответа на предложения Берлина. Дело дошло до того, что 20 августа Гитлер направил личное послание Сталину с просьбой принять главу германского МИД для подписания германо-советского пакта. Сталин все еще надеясь на заключение военного соглашения с западными демократиями: в Кремле наиболее выигрышным вариантом считали именно заключение англо-франко-советского договора. Не вызывает сомнения, что советские руководители презирали и ненавидели нацистский режим в гораздо большей степени, чем правящие режимы западных демократий. Кроме того, нельзя забывать и о том, что в это же время на восточных рубежах СССР шли ожесточенные бои у реки Халхин-Гол

с армией Японии — союзницы Германии по Антикоминтерновскому пакту. Именно поэтому, ожидая согласия Парижа и Лондона на подписание предложенной СССР военной конвенции и решения вопроса о пропуске советских войск для борьбы с немцами в случае их вторжения в Польшу, Москва до самого последнего момента отклоняла заманчивые предложения Рейха.

21 августа Сталин дал согласие на приезд в Москву Риббентропа. По злой иронии судьбы именно в этот день глава французской делегации, наконец, получил согласие правительства на подписание военной конвенции. Однако английская сторона хранила молчание, что неудивительно в свете готовившегося в тайне от всего мира, в том числе и от собственных ближайших союзников, визита Геринга в Лондон. Что еще более удивительно, продолжала хранить молчание и Польша, ставшая разменной монетой в большой геополитической игре. 22 августа Ворошилов был вынужден заявить: «Французские и английские правительства теперь слишком затянули политические переговоры. Ввиду этого не исключена возможность некоторых политических событий...» [7].

И действительно, 23 августа в Москву прибыл Риббентроп. В условиях нежелания западных демократий и их союзников в Восточной Европе идти на уступки сталинской дипломатии германо-советское сближение, наконец, получило логичное завершение: в ночь на 24 августа 1939 г. в Кремле был подписан договор о ненападении с СССР, вошедший в историю под названием пакт Молотова–Риббентропа. (Напомним, что Германия, в отличие от СССР, уже имела похожие пакты о ненападении с Англией и Францией, подписанные в конце 1938 г.). В духе того времени помимо пакта был подписан и секретный протокол, определявший сферу геополитических интересов СССР, которая во многом совпадала с границами бывшей Российской империи [8].

Германо-советский пакт был выгоден обеим сторонам, хотя и был только временной мерой, продиктованной обстоятельствами. (Неизвестно, кстати, кому из двух диктаторов он внушал большее отвращение: ненавидевшему русских Гитлеру или коммунисту Сталину, презиравшему нацизм). Выигрыш Германии был очевиден: Берлин заручился нейтралитетом Москвы в грядущей германо-польской войне. СССР же в результате пакта снова, как и накануне Первой мировой войны, вошел в круг великих держав, став важным игроком в системе международных отношений. Договор о ненападении позволял Москве не быть втянутой в войну, ставил предел германскому продвижению на восток, позволял урегулировать конфликт с Японией. Таким образом, СССР получил защитные гарантии, по крайней мере, на ближайшую перспективу.

Следует согласиться, что пакт Молотова–Риббентропа был не самым благородным явлением в политической истории нашего Отечества. К сожалению, однако, в истории не всегда действуют нормы и законы морали. Не стоит забывать, что еще весной 1939 г. СССР считался изгоем в семье европейских народов, а советское руководство было буквально вынуждено играть по правилам, навязанным теорией и практикой межгосударственных противоречий и борьбы в условиях системного кризиса межвоенного порядка.

Гитлер не раз высказывал намерение в любом случае уничтожить Польшу, и не вызывает сомнения, что он рано или поздно осуществил бы свои намерения, даже не подписав пакта с Москвой. Кроме того, пакт не был из ряда вон выходящим явлением в мировой политике. «Если Чемберлен поступил честно и благородно, умиротворив Гитлера и отдав ему в 1938 г. Чехословакию, — пишет известный американский журналист и историк У. Ширер, — то почему же Сталин повел себя нечестно и неблагородно, умиротворяя через год Гитлера Польшей, которая все равно отказалась от советской помощи?» [9] По сути, Кремль буквально скопировал английскую политику умиротворения, проводимую с середины 1930-х годов. «Русские, — писал еще в середине 1960-х годов крупнейший западный историк Э. Тейлор, — на самом деле, осуществили то, чего надеялись добиться государственные мужи Запада» [10].

В Москве прекрасно понимали, что альтернативой советско-германскому пакту могло быть только англо-германское соглашение за счет СССР, которое неизбежно вело бы к совместному «крестовому походу» объединенной Европы против советского государства и, как следствие, к разрушительной войне.

Не оправдывая моральную сторону советской политики в последние дни накануне Второй мировой войны, следует признать, что действия СССР были продиктованы логикой системного кризиса, тем сценарием, который на протяжении второй половины 1930-х годов реализовывали все великие европейские державы. Правила той грандиозной геополитической игры были очень суровы, а ставка в ней — очень высока. Прогрыш был равносителен уничтожению страны и ее народа; победа, пусть относительная и на коротком историческом отрезке, по крайней мере, давала шанс.

В ходе Второй мировой войны произошла уникальная по своим масштабам и последствиям перегруппировка сил на международной арене. Державы «Оси», инспирировавшие войну, были полностью разбиты и временно утратили свой суверенитет. В результате образовался вакуум силы. Его, по логике вещей, должны были заполнить державы-победительницы. Однако Англия и Франция, хотя и входили в их число, оказались настолько ослаблены войной, перед ними стояло столько сложнейших внутриполитических проблем, а их репутация была так подорвана предвоенной политикой, что они не в состоянии были нести бремя лидерства. Лишь два государства к концу войны обладали достаточным потенциалом для того, чтобы взять в свои руки дело послевоенного урегулирования и конструирования новой — модели международных отношений: СССР, внесший решающий вклад в разгром нацизма и США.

Важнейшей вехой в этом конструировании стала Ялтинская (Крымская) конференция 4–11 февраля 1945 г. Именно в Ялте были согласованы планы окончательного разгрома Третьего рейха, выработаны базовые принципы отношений с побежденной Германией, очерчен круг вопросов, касавшихся территориально-политического переустройства Европы, решен вопрос о создании ООН, достигнута договоренность о подключении СССР к войне против Японии, санкционировано возвращение Франции в разряд великих держав, намечены контуры послевоенного устройства мира. Несмотря на противоречия союзников, Ялтинская конференция стала важнейшей вехой на

пути строительства нового мирового порядка, основанного на согласованной политической линии трех великих держав Антигитлеровской коалиции в будущем, порядка, который, к огромному сожалению, так и не был создан.

Судьба Ялтинской системы, в основе которой лежит Крымская конференция, также вызывает острейшие общественно-политические дискуссии. Здесь основной вектор дискурса лежит, в первую очередь, в плоскости оценки данной модели. Была ли биполярность второй половины XX в. негативным или позитивным явлением — вот основной вопрос. Конечно, биполярная система была образованием, имевшим очевидные пороки. Пока она функционировала, не было дня, чтобы ее не подвергали критике и у нас в стране, и в США, и в стане нейтральных государств. Политики, ученые, журналисты утверждали, что столь примитивная конструкция, как биполярная модель, основанная на глобальном противостоянии двух сверхдержав, постоянно держит весь мир под угрозой катастрофы, ибо любой локальный кризис всегда мог привести к неконтролируемому ядерному конфликту. Много говорилось об органическом экспансионизме коммунистического СССР, стремившегося взорвать мировой порядок.

Однако ничего подобного не произошло, мир не был ввергнут в ядерную войну, а многие конструкции Ялтинской системы достаточно успешно функционируют до сих пор. Биполярная система имела несомненные достоинства, особенно по сравнению с Версальской. Это и стабильность, и устойчивость, и предсказуемость, и жестко определенные правила игры, по сути, исключавшие глобальный военный конфликт сверхдержав. Несмотря на постоянную грозную риторику с обеих сторон, эта модель оказалась весьма устойчивым, хорошо прогнозируемым образованием, главные действующие лица которого подчинялись жестким правилам поведения. Советский Союз, в свое время несправедливо исключенный из Версальской системы в самый разгар кризиса, теперь выполнял функцию одного из двух примерно равновеликих центров силы, что объективно поддерживало стабильность системы. И во многом СССР определял предел прочности биполярного мира. И только после падения Советского Союза в международных отношениях вновь воцарился хаос.

В заключение следует сказать, что спекуляции на тему «нового Мюнхена и новой Ялты» не имеют под собой научных оснований. Сравнить Версальскую модель миропорядка, рожденную на национальном унижении целого ряда держав и погрязшую в кризисе во многом по вине собственных творцов, и биполярную модель, основанную на триумфе над человеконенавистническим злом нацизма, разумеется, нельзя. Тем более выглядит странным, когда на одну полку ставятся Мюнхенский сговор, отдавший на растерзание нацистам демократическое государство в самом центре Европы, и Ялтинская конференция, давшая жизнь глобальной организации человечества в области безопасности (ООН) и предрешившая судьбу агрессора, развязавшего мировую бойню и устроившего невиданный в истории геноцид.

Еще раз отметим, что, говоря о роли СССР в предвоенном кризисе и становлении нового послевоенного миропорядка, мы должны быть максимально объективны. В конце 1930-х годов СССР не меньше, а больше других желал мира. В 1945 г. Москва готова

была сотрудничать с Западом, хотя бы для уничтожения нацизма. Конечно, как и другие великие державы, СССР преследовал свои узкоэгоистические цели на мировой арене, но то, что активное участие советского государства в функционировании международной системы цементировало ее основы, а изоляция Москвы ее разрушала, — исторический факт.

В канун второго десятилетия XXI в. некоторым западным партнерам России нелегко признать, что именно Советский Союз внес решающий вклад в победу над нацизмом, что он являлся непреложным системообразующим фактором послевоенной международной системы. Но историческая реальность остается реальностью. Формирующаяся мирополитическая архитектура, которая все больше напоминает глобальный концерт великих держав, немислима без участия России и в случае ее изоляции обречена на провал, а мир — на новый виток хаоса в международных отношениях с непредсказуемыми последствиями.

Примечания:

- [1] СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны (сентябрь 1938 — август 1939 гг.). Документы и материалы. М., 1971. С.225.
- [2] Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Т.1. М., 1973. С.359.
- [3] Год кризиса. Документы и материалы в двух томах. М., 1990. Т.1. С.493–495.
- [4] Documents on British Foreign Policy 1919–1939. Ser. 3. V.6. L., 1979. Pp.230–232.
- [5] Мировые войны XX века. Книга 3. М., 2002. С.60.
- [6] Безыменский Л. Гитлер и Сталин перед схваткой. М., 2002. С.238.
- [7] Черчилль У. Вторая мировая война. Т.1. М., 1997. С.187.
- [8] Год кризиса. Т.2. С.321.
- [9] Ширер У. Взлет и падение третьего рейха. М., 1991. Т.1. С.577.
- [10] Taylor A.J.P. The Origins of the Second World War. Middlesex, 1964. P.318.

Список литературы:

- Безыменский Л. Гитлер и Сталин перед схваткой. М., 2002.
- Год кризиса. Документы и материалы в двух томах. М., 1990. Т.1. — 2.
- Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Т.1. М., 1973. Мировые войны XX века. Книга 3. М., 2002.
- СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны (сентябрь 1938 — август 1939 гг.). Документы и материалы. М., 1971.
- Черчилль У. Вторая мировая война. Т.1. М., 1997.
- Ширер У. Взлет и падение третьего рейха. М., 1991. Т.1.
- Documents on British Foreign Policy 1919–1939. Ser. 3. V.6. L., 1979.
- Taylor A.J.P. The Origins of the Second World War. Middlesex, 1964.

УДК 94; 327

ФРАНСУА-КСАВЬЕ КОКЕН

Размышления об отождествлении сталинизма с гитлеризмом¹

Аннотация. Автор проводит разносторонний разбор концепции, ставящей знак равенства между советским коммунизмом сталинского периода и германским фашизмом. Рассматриваются истоки возникновения данной концепции, ее соотношение с исторической реальностью и ее современный политический подтекст. Несмотря на ряд формальных сходств, сталинизм и гитлеризм имели множество различий, включая фундаментальные. В том числе это относится к такому ключевому их сходству, как насилие, которое в Третьем Рейхе было имманентно присуще режиму, вытекающая из расистской идеологии и программы нацизма, а в СССР — являлось искажением идеи социализма, отходом от нее. Не выдерживает анализа среди прочего и тезис о германо-советском пакте 1939 г. как свидетельстве родства двух режимов. Уподобление, вопреки исторической объективности, сталинизма гитлеризму, получившее распространение в последнее время, имеет в своей основе целый спектр политических мотивов. Оно используется, чтобы утвердить монопольную историческую легитимность западной модели демократии, свести с Россией исторические счеты, лишить ее, скомпрометировав весь советский опыт, моральных результатов победы во Второй мировой войне и статуса великой державы, а также обосновать надзор за ее внутриполитическим развитием.

Ключевые слова: отождествление нацизма и коммунизма, нацизм, гитлеризм, сталинизм, германо-советский пакт, демократия.

Редакция журнала и Фонд исторической перспективы благодарят профессора Ф.-Кс. Кокена за разрешение опубликовать перевод статьи.

*Сравнивайте отличия и идите до противопоставлений;
сходства никуда не ведут.*

Ален. О театральном искусстве, XXIII.

*Существовать значит быть иным.
Реми де Гурмон. Книга масок.*

¹ Перевод с французского. Оригинал см.: Coquin Fr.-X. Réflexions sur l'assimilation du stalinisme à l'hitlérisme // Europe. — 2006, janvier — février. — P. 283–307.

Сведения об авторе: КОКЕН Франсуа-Ксавье (Coquin, François-Xavier) — французский историк, славист, почетный профессор «Коллеж де Франс»; francois-xavier.coquin@college-de-france.fr

Само по себе сравнение коммунизма и фашизма не ново; одним из первых, если не первым, отождествил коммунизм и фашизм в начале 1930-х годов не кто иной, как французский социолог Марсель Мосс в своих статьях о большевизме. Это предупреждение не помешает французским и британским политикам играть в 30-е годы то на стороне Гитлера против Сталина, то на стороне СССР против нацистской Германии. Но лишь с окончанием войны Ханна Аренд четко сформулирует и начнет популяризировать идею тождества, осуждая и гитлеризм, и сталинизм в своих трудах о тоталитарных системах, которые, если верить ей, «превратили зло в нечто обыденное». В воцарившейся атмосфере холодной войны отождествление двух режимов было благоприятно встречено во многих кругах западного мира, в частности в среде русской эмиграции, некоторые представители которой (в частности украинские и грузинские) не гнушались в период оккупации поддерживать нацистов против Сталина. Историк-меньшевик Борис Николаевский, уехавший в 1940 г. в США, спустя восемь лет написал, что Сталин даже «хуже Гитлера» и что новая, «более разрушительная, чем предыдущая, война вследствие этого неизбежна» [1].

По обе стороны железного занавеса полным ходом шла гонка вооружений. Каждый лагерь совершенствовал свой военно-промышленный комплекс, а западные стратеги отработывали концепцию «упреждающего удара», чтобы опередить предполагаемое внезапное нападение противника. В начале 50-х годов, в атмосфере идей превентивной войны и маккартизма, американский еженедельник «Тайм» рисовал читателям картину будущей оккупации СССР, показывая на карте даже дислокацию американских гарнизонов в главных жизненных центрах Советского Союза, чья вина состояла в том, что он лишил своего бывшего союзника монополии на ядерное, а вскоре и термоядерное оружие. Поражение СССР представлялось тогда логическим продолжением поражения Гитлера.

Уподобление двух систем продолжалось. В конце концов оно проникло даже в СССР, где еще в добрежневскую эпоху Василий Гроссман одним из первых провел эту мысль в своей автобиографии «Жизнь и судьба». Его примеру последовала когорта диссидентов, особенно выросшая после Хельсинских договоренностей (август 1975г). Хельсинкские соглашения гарантировали границы СССР и способствовали культурным обменам между двумя блоками («третья корзина»), но в то же время открыли для западной пропаганды первую лазейку, которую принялись расширять противники советского режима. Результат известен. «Черная книга коммунизма» забила еще один гвоздь: занимая название сборника свидетельств об истреблении евреев нацистами на территории Восточной Европы, оккупированной вермахтом [2], эта книга-памфлет негласно отождествляла с нацистской оккупацией коммунистические режимы, представляя их наследниками и последователями нацистов. А некоторые дошли до того, что заговорили о гитлеро-коммунизме, подобно тому как сталинисты в свое время изобличали гитлеро-троцкизм.

Короче, Гитлер настолько стал эталоном варварства и преступлений против человечества, что некоторые публицисты с самым серьезным видом говорят сегодня о «нацизмо-исламизме» или же делают из Саддама Хусейна «нового Гитлера». Красно-ко-

ричная пара превращается в зелено-коричневую или красно-зеленую в зависимости от того, какими очками пользуется смотрящий. И это «*reductio ad hitlerum*», по выражению либерального философа Лео Стросса, захватило все медиа-пространство.

* * *

Вернемся к Гитлеру и Сталину. Да, сходство между двумя режимами есть. Вначале их сближало враждебное отношение к диктату Версальского договора, жертвами которого оба себя считали и против которого оба так или иначе выступали в духе Рапалльского договора (апрель 1922г.), ознаменовавшего возвращение обоих государств на мировую арену.

Во главе обоих режимов, независимо от даваемого им определения, стояла единственная партия диктаторского типа, отвергавшая любую форму классической парламентской демократии. Обе системы провозглашали более или менее сходный культ личности своих лидеров, которые персонифицировали режим. Тот, кто по политическим, моральным или религиозным причинам отказывался подчиняться, более или менее жестко преследовался, о чем свидетельствовали существовавшие при обоих режимах концентрационные лагеря. Даже если нацистские лагеря смерти отличались от советских лагерей по перевоспитанию, и те, и другие противоречили правовому государству, были его отрицанием.

Кроме того, оба режима являлись пропагандистскими государствами, где послушные властям СМИ стремились заглушить любое критическое выступление и распространяли только официальные точки зрения, подаваемые как единственно верные. Не избежало этой участи даже искусство; оно служило пропаганде, отрицавшей любую форму «дегенеративного» искусства, и прославляло, в одном случае, германскую расу и культуру, в другом — социалистический реализм. Как показала недавняя выставка советского искусства в Москве, сходство между двумя «школами» поразительно: образ пышущего здоровьем и излучающего оптимизм советского колхозника напоминал лучшие образцы германской расы.

В обоих случаях результатом стало появление официального искусства, отдававшего предпочтение помпезности и неумеренности. Об этом свидетельствуют, например, планы модернизации Берлина близкого к Гитлеру германского архитектора Альберта Шпеера, а также планы строительства Дворца советов в Москве на месте храма Христа Спасителя. Здание предполагалось увенчать огромной статуей Ленина в стиле статуи Свободы над куполом американского Капитолия.

Советско-германский пакт 1939 г., который обычно рассматривают как прелюдию ко Второй мировой войне, тоже используют для доказательства родства двух режимов, ожесточенно противостоявших друг другу в ходе гражданской войны в Испании. По мнению некоторых историков, пакт якобы свидетельствует о сообщничестве и природном сходстве обеих диктатур. А один из самых знаменитых современных русских писателей даже обвинил Сталина в том, что он доверял одному лишь Гитлеру, которого

именно советские чистки 30-х годов будто бы вдохновили в 1934 г. на «ночь длинных ножей», на ликвидацию Рема и его коричневорубашечников.

Последствия пакта — захват Польши и быстрая оккупация прибалтийских стран, совершенные с пренебрежением к нормам естественного права — приводятся как иллюстрация жестокости и цинизма, присущих в большей или меньшей степени обоим режимам на протяжении войны. Однако имелось и существенное различие: нацистское насилие осуществлялось прежде всего против народов других стран, в то время как насилие Сталина было в значительной степени направлено против собственного народа и даже против собственных военнопленных, оставляемых врагу без защиты Женевской конвенции и Красного Креста: советский солдат не должен был живым попадать в руки врага.

Другое сходство — недавно во Франции опубликовали материал о захвате произведений искусства в годы Второй мировой войны. Под заголовком «Большой грабеж: от военной добычи нацистов до советских трофеев» автор [3] перечисляет произведения искусства и интеллектуального творчества, присвоенные, в частности во Франции, нацистами, а затем конфискованные советскими представителями, которые как будто следовали провокационному лозунгу Троцкого, выдвинутому в ноябре 1917 г.: «Грабь награбленное». Красная Армия, пожалуй, еще могла привести в свое оправдание какие-то аргументы, когда речь шла о немецких культурных ценностях, сочтенных трофеями, военной добычей, но это не относится к достоянию других, о возвращении которого печется не одна только Франция и пока безрезультатно...

Даже победа Красной Армии не положила конец отождествлению обоих режимов. В глазах многих публицистов, эта победа лишь привела к смене одной оккупации другой, к смене одного угнетения другим, на этот раз советским, к установлению новых марионеточных режимов вместо прежних, основанных в обоих случаях на страхе и репрессиях. С этой точки зрения советская оккупация могла завершиться только с крушением самого режима, которое некоторые без колебаний сравнивают с разгромом режима нацистского, первым оказавшегося на свалке Истории.

* * *

Завершим на этом краткое перечисление явных признаков сходства, в общем-то хорошо известных, между двумя режимами, таких как монополия власти и единственная государственная партия, политическая полиция, государственная пропаганда, господство секретности и цензуры, тоталитарная диктатура, культ (здесь — фюрера, там — генерального секретаря), атомизация общества, не забудем о преследованиях по религиозным причинам, культуре насилия, всеобщем страхе, будь-то реально обоснованном или нагнетаемом и т.д. Одного этого достаточно для сопоставления двух режимов и легитимности такого сравнения. Однако следует ли их отождествлять? Можно ли из этих аналогий сделать какой бы то ни было окончательный вывод?

Давайте сравним кита и слона. Возможно ли вообразить более сходных животных? Разве не являются они со всех точек зрения похожими, причем не только своими ог-

ромными размерами и кожей серо-стального цвета? Оба животные — млекопитающие, позвоночные и живородящие, рождающие одного детеныша; оба, к тому же, «биологически корректны» и притом (еще одно сходство) находятся на грани исчезновения из-за тоталитарной диктатуры, установленной человеком над природой. Но это уже другая история. Добавим, что кит некогда был четвероногим, что ноги слона и плавники кита дарят гурманам мгновения незабываемого блаженства, и вот их тождественность кажется полной.

Значит ли это, что их нельзя отличить одного от другого? Откровенно говоря, кто в такое поверит? Здесь как раз и стоит вспомнить об Алене, рекомендовавшем меньше думать о сходствах, чем о различиях, учитывая (уточнял он), что наши истины — всего лишь имеющие видимость правды ощущения. Действительно, различий между двумя этими животными видами сколько угодно, как и между двумя «тоталитаризмами», и эти различия в глазах историка не менее многочисленны и значимы, чем сходства. Ограничимся кратким упоминанием некоторых самых разительных, начиная с условий, при которых две эти силы возникли и пришли к власти.

Как известно, Гитлер оказался у власти в стране, побежденной в Первой мировой войне, — в определенном смысле жертве Версальского договора. При этом Германия на своей территории не испытала (в отличие, например, от Франции и России) ужасов войны, ее экономика и общество пострадали сравнительно мало. Именно большинство немцев из различных социальных слоев, от элиты до широких масс, подталкиваемое чувством национальной обиды, духом реванша или националистическими амбициями, продемонстрировало своего рода «моральное банкротство» [4] и привело к власти Гитлера и его партию, созданную своим лидером и служившую ему.

Ничего похожего не было в России, где Первая мировая и тем более Гражданская войны уничтожили значительную часть элиты и образованных классов, а также раздробили гражданское общество, находившееся в стадии формирования в последние десятилетия царизма. Не говоря уже об изгнании цвета интеллигенции, летом 1922 г. принудительно высланного, по распоряжению Ленина, Троцкого и Политбюро, на «философском пароходе» [5]. Из-за этого кровопускания общество оказалось отброшенным на несколько десятилетий назад. Потеря его самой просвещенной части, безусловно, сыграла роль в победе большевистской партии, призвавшей Сталина ее возглавить. Сама партия отнюдь не была сталинским творением. Очевидно, что возвышение и всевластие ее генерального секретаря были, по меньшей мере, облегчены исчезновением всех тех, кто мог бы противостоять ему извне и предостеречь страну от перегибов сталинской политики. Интеллектуальные и моральные (а не только социальные) силы сопротивления страны, то, что можно назвать иммунной защитой общества от абсолютизма, оказались очевидно ослабленными, в несравненно большей степени, чем в Германии. Отсутствие противовеса не могло не сказаться на характере режима.

Едва ли можно ссылаться, как это иногда делают, на капиталистический режим нацистской Германии и советский «государственный капитализм», настаивая на сходстве двух стран. Гитлер и нацистская партия не нанесли никакого ущерба капиталистиче-

скому режиму и крупной буржуазии своей страны. Те пережили Первую мировую войну, а некоторые представители деловых кругов (причем вовсе не малозаметные) даже оказывали финансовую поддержку нацистской партии как до, так и после 1933 г. Что касается государственного капитализма в СССР, иногда именуемого «государственным феодализмом», то он являлся капиталистическим только по названию: в отсутствие всякой свободы предпринимательства, частных капиталов и инвесторов, а также рынка, сколько-нибудь заслуживающего такого определения, советская экономика была на самом деле приказной, руководимой централизованным и всемогущим партийно-государственным аппаратом, в противоположность германскому капитализму, который пережил и Вторую мировую войну и которому даже не пришлось возрождаться из пепла. Следовательно, СССР не был капиталистическим государством, так же как нацистская Германия не была государством социалистическим, и не было ничего общего между образованным, грамотным германским буржуа (или мелким буржуа) и полуграмотным советским пролетарием-полукрестьянином.

Главное же различие двух режимов коренилось, прежде всего, в идеологии. Как известно, нацистский режим утверждал главным образом превосходство предполагаемой чистой германской расы, для которой требовалось жизненное пространство, соответствующее ее амбициям... за счет соседних народов. Взяв на вооружение романтическую тему оригинальности и особой миссии каждого народа и используя ее в целях агрессивного национализма, нацистские идеологи, вслед за Розенбергом, восхваляли особые права германского народа. Мало того, что они отвернулись от универсализма эпохи Просвещения во имя иррациональных ценностей крови и расы, они отвергли идеи равенства и братства, провозглашенные Французской революцией; их (пан) германский мессианизм вылился в деление человечества на две категории: арийскую «расу господ», с одной стороны, и низшие виды «недочеловеков», предназначенных быть порабощенными или истребленными.

Излишне более подробно рассматривать эту хорошо известную идеологию, на основании которой, среди прочего, оказались уничтожены, к счастью лишь частично, европейские евреи. Но нельзя не отметить, что претензия на превосходство германской расы вместе с требованиями все большего жизненного пространства придавала внешней политике нацистской Германии бесспорно наступательную и даже агрессивно-авантюристическую направленность.

В этом у Германии тоже не было ничего общего со сталинским СССР, о чем среди прочего свидетельствовала даже символика двух стран. Свастика, языческий знак, возникший как эмблема космической стихии, но ассоциируемый в данном контексте с расистскими идеями, и имперский орел, занимавший столь почетное место среди нацистских символов, совершенно противоположны советской эмблематике. Достаточно вспомнить павильоны обеих стран на Всемирной выставке 1937 г. в Париже, разместившиеся друг напротив друга: с одной стороны — нацистский орел, сжимающий в когтях оберегаемую им свастику, с другой — хорошо известная пара «рабочий и колхозница» (скульптура В.И. Мухиной), «вооруженная» лишь серпом и молотом. Уже тогда их впечатляющее противостояние, в глазах комментаторов, предвещало будущее столкновение.

Серп колхозницы и молот рабочего, как бы они ни использовались, несовместимы с любым расизмом, воинственным или иным. Они сами по себе олицетворяют мирный труд. Название «СССР» тоже не несет в себе никакой этнической или расистской ноты. Наоборот, юристы и правоведы еще недавно любили подчеркивать, что СССР, из самого наименования которого было изъято всякое упоминание о национальном, был открыт всему миру и готов принять любую страну, изъявившую желание вступить в него. Выбрав название «Союз Советских Социалистических Республик», страна хотела построить некое социалистическое содружество, где (в отличие от «доминионов» Британской Империи, неравноправной по природе) все — русские, татары, буряты, поволжские немцы, евреи, грузины, чеченцы, осетины, армяне, азербайджанцы и другие — были по крайней мере теоретически равны перед законом и где благодаря этому удалось на долгое время погасить этнические конфликты между разными национальностями. Разумеется, теория и практика не всегда совпадали, уважение законности не было основным качеством сталинского режима; однако символ остается символом, со всем эмоциональным зарядом, заключенным в таком провозглашении принципов.

Возможно, некоторые предубежденные умы готовы предъявить режиму Сталина симметричное обвинение в социальном и даже идеологическом расизме. Да, претензия на установление «диктатуры пролетариата», ликвидация кулаков «как класса», уничтожение всех противников социализма в его сталинской версии, казалось бы, в определенной мере дают основания для обвинения в расизме, по крайней мере в переносном смысле. Но эта параллель на самом деле не отражает характер сталинского режима.

Вне всякого сомнения, режим Сталина, ставивший задачу с помощью известных мер установить в СССР социализм, был режимом принуждения, его так называемая волюнтаристская политика состояла в том, чтобы человек служил социализму вместо того, чтобы социализм был на службе у человека. И все же советский режим, в том числе и сталинский, вопреки всему оставался социалистическим. Пусть даже искаженная Сталиным и его приближенными, социалистическая идея, составлявшая саму основу многонационального режима, а также учение о классовой борьбе не могут быть отождествлены с какой бы то ни было формой расизма.

Какова бы ни была их окраска, социалисты XIX в., ставившие задачу уничтожения любой формы эксплуатации, как известно, единодушно видели в социализме идеологию индивидуального и коллективного освобождения. Утопическая или нет, идея социальной (и экономической) эмансипации, по крайней мере коллективной, несмотря ни на что, оставалась характерной для социализма даже в сталинский период, оказывая спланированное и идеологически цементирующее действие. Только это объясняет международное влияние СССР в 30–40-е, а также в 50–60-е годы, когда Сталина и его режим воспевали бесчисленные представители зарубежной интеллигенции, как это делали философы эпохи Просвещения в адрес Екатерины Второй, приветствуя в ней «северную Семирамиду», невзирая на наличие крепостного права и социальное угнетение в годы ее царствования. Так же, как можно было говорить о характерном для Франции XVIII в. «русском мираже», перед которым не устояли многие французские фи-

лософы, следует говорить и о «советском мираже» в среде, в частности, французской интеллигенции, видевшей свой долг в антифашизме и не устоявшей перед фантомом просвещенной диктатуры Сталина «с приветливой улыбкой».

Будь-то «друзья СССР» или нет, рабочие, профсоюзные активисты, писатели и многие другие их попутчики — все эти «революционеры по доверенности» были убеждены, что перед лицом расистской и антисемитской Германии СССР олицетворяет дружбу и равенство между народами, а также вытекающую из этих принципов волю к миру. Все эти «люди доброй воли» и другие простофили, вольно или невольно давшие себя одурачить, известные под именем «прогрессивное человечество», считали советскую пропаганду в целом правдивой и уверяли себя в том, что социализм, даже сталинский, не мог полностью предать ни свой изначальный дух братства, ни свою приверженность служению человеку и всем людям. Не будем забывать, что во время войны в Испании СССР считался главным оплотом в борьбе против фашизма. И даже такие, как Бердяев, в 30-ые годы могли задумываться о соотношении ложного и истинного в коммунизме, будь это коммунизм сталинский или иной. Иными словами, «родина социализма» в то время, в разгар мирового кризиса, выглядела лабораторией будущего.

Средства, применявшиеся Гитлером и Сталиным, могли быть в определенной степени сходными, но их цели были совершенно противоположными. Более того, в то время как средства уничтожения и подавления полностью соответствовали нацистской идеологии, они являлись искажением идеи социализма, отходом, отречением от нее. В этом контексте отождествление «диктатуры пролетариата» и борьбы Сталина за «построение социализма» с некой формой социального или идеологического расизма отдает софизмом и является ложным.

Чтобы в этом убедиться, достаточно привести свидетельство бывшего противника франкизма, коммуниста и участника Соппротивления, переквалифицировавшегося в члена Французской академии, который недавно говорил по радио о том, что и сегодня можно пожать руку бывшему коммунисту, пусть даже сталинцу, а к бывшему нацисту остается только повернуться спиной, ибо первый всего лишь ошибался, а второй являлся преступником. Сотрудничество с нацистской Германией, по его мнению, было преступлением против человечества; сталинистами же становились скорее в угаре либо по недомыслию... Признаем положительным хотя бы то, что этот человек не замалчивает свое прошлое и не пытается, как многие другие, компенсировать его нарочитым антисталинизмом.

Надо ли напоминать, что пролетарии, согласно учению и практике Советского Союза, никогда не отождествлялись с «расой»? Отвергая капиталистические правила игры и призывая эксплуатируемых «всех стран» взять судьбу в свои руки, стать творцами собственной истории вместо того, чтобы быть ее объектом, пролетарии, по мнению марксистов, предвосхищали будущее человечество, наконец-то освободившееся от угнетения и способное использовать природу во благо всех людей. Предвестник бесклассового человечества, достигнувшего примирения с самим собой, — и в этом состояла его всеобщая миссия — пролетарий воплощал предполагаемый «смысл Истории»,

главным субъектом которой он становился. И пусть реальность жестоко опровергла эти распрекрасные предвидения, это ничего не меняет в том, что чистокровные арийские сверхлюди, обутые в сапоги и с касками на голове, ни в коей мере не могут отождествляться с «пролетариями всех стран», чьей задачей по определению было преодолеть социальные и национальные антагонизмы в своих странах и тем самым уменьшить неурядицу в мире.

Точно так же нельзя отождествлять нацистскую партию и ее пропагандистское государство с коммунистической партией и «диктатурой пролетариата». В то время как Гитлер и нацистская пропаганда всемерно толкали страну к агрессивной политике и мобилизовали силы общества на непрерывное расширение жизненного пространства Третьего Рейха, коммунистическая партия (в СССР — ред.) ставила задачу совершенно иную: привлечь трудовые массы (а значит большинство населения) к строительству их собственного будущего, привлечь их к управлению собственным государством, по крайней мере пока оно... не начнет «отмирать». Иначе говоря, ввести народные слои в Историю и позволить русскому народу явить миру то «новое слово», носителем которого его издавна считали революционеры. Конечно, каждый волен отвергать подобные проекты как химерические или неискренние. Однако остается главное: по своему характеру и деятельности две партии служили настолько диаметрально противоположным целям, что отождествлять их невозможно.

Несопоставимо, в свою очередь, и отношение двух режимов к праву и насилию. Германия — страна с традицией римского письменного права, известная целой плеядой именитых юристов, таких как Савиньи, один из создателей исторической школы права, — имела все основания гордиться своей богатой юридической культурой. Поэтому незаконные приговоры, уничтожение политических противников, чрезвычайные трибуналы, не говоря уже о расовых преследованиях, нарушали укоренившиеся юридические нормы страны и бросали вызов правовому сознанию населения. В России, издавна строившейся на началах неограниченной автократической власти, многое было иначе: крестьянство, составлявшее подавляющее большинство населения царской Империи, вплоть до 1917 г. не знало другого права, кроме устного права и обычая, которые менялись в зависимости от места жительства и обстоятельств, а письменное право, оформленное в законы, запаздывало. Жителям этой империи, где народ долгое время почитал в царе источник не права, а «справедливости», не были свойственны ни культ права, ни его фетишизация, а «народное чувство справедливости» превалировало над формальным правом, которое очень часто ассоциировалось с несправедливостью, формализмом и притеснением. Юридические нормы отнюдь не отличались незыблемостью, а вмешательство власти в ходе чисток и политических процессов никого особенно не шокировало; и то, в чем за рубежом видели бы явное нарушение закона, в России, где терпимость или даже «фатализм», смирение по отношению к произволу были, так сказать, естественны, рассматривалось просто как одна из перипетий бытия и не вызывало мгновенно таких принципиальных протестов, как за рубежом.

Из этого следует, что насилие, осуществлявшееся нацистами, и насилие коммунистическое, несмотря на внешнюю схожесть, имеют разный характер, хотя ни то, ни

другое не подлежит оправданию. Нацистское насилие, основанное прежде всего на расизме (отметим это еще раз), было поставлено на службу идеи превосходства германской расы и восхваления германского национализма; архаичное и абсолютно деструктивное, это имманентно присущее режиму насилие шло против течения истории и потому заслуживает осуждения вдвойне. Что касается коммунистического насилия, то оно творилось во имя прогресса и высшей социальной справедливости, наступление которых революционеры, как они считали, в нетерпении «торопили». В глазах руководства и большей части населения это насилие выглядело ответом на реальное насилие существовавшего порядка и, следовательно, конструктивным действием, соответствующим историческому ходу. И потому, если мы его и не оправдываем, оно, по крайней мере, несло в себе идею, зачатки будущего и «созидания». Конечно, несчастные жертвы насилия с одной и с другой стороны не были обязаны замечать разницу, однако разница все же была. В частности, с 1918 г. советские руководители объясняли, оправдывали революционное насилие и даже принимали необходимость стать его жертвами, когда это насилие оборачивалось против них самих. Таким образом, две формы насилия в действительности имели разные мотивы, разные цели, и их нельзя ставить в один ряд.

* * *

Что же касается германо-советского пакта как свидетельства родства двух режимов, движимых желанием поработить Европу к собственной выгоде, то и этот тезис не выдерживает анализа. Как вполне единодушно признают в настоящее время немцы, нацизм был проникнут намерением расширить свое господство на всю Европу, Гитлер проводил авантюристическую агрессивную политику, то блефуя, то бросаясь в рискованные операции, ее успехи заставляли молчать его генералов, в результате, фюрер потерял всякое чувство меры. По сравнению с ним Сталин, чья политика — построение социализма в одной стране — носила, главным образом, оборонительный характер, выглядит скорее прагматиком и реалистом, не хотевшим идти на неразумный риск даже «под крышей Коминтерна» [6]. Заключение в августе 1939 г. советско-германского пакта, который развязывал Гитлеру руки на Западе и окончательно ставил крест на Версальском договоре, говорило о желании Сталина выиграть время в надежде на то, что обе воюющие «империалистические» стороны истощат друг друга [7].

По мнению западных комментаторов, этот пакт представляет собой образец цинизма и макиавеллизма. Но в определенном смысле он был лишь ответом западным державам, которым заплатили их же монетой за сговор с Гитлером в момент аншлюса Австрии и соглашения в Мюнхене, ставшего в глазах таких, как Ромен Роллан, настоящим «дипломатическим Седаном». Западные державы пытались повернуть гитлеровский экспансионизм на Восток. Ведь далеко не один Сталин вел двойную игру: британские дипломаты в предвоенные годы явно не гнушались искать пути сближения с Гитлером, стремясь направить его амбиции в сторону СССР с помощью политики «умиротворения». Так или иначе, подписанный за спиной франко-британских переговорщиков пакт вызвал всеобщее удивление: его тогда сочли противоестественным, никто или почти никто из современников не путал в то время агрессивный режим Гитлера с режимом

«гениального отца народов», чья близорукая стратегия выглядела в сущности оборонительной и исходившей из обстоятельств [8].

Правда, никто в то время не знал о подписанном в сентябре 1939 г. секретном протоколе, по которому Советский Союз мог аннексировать прибалтийские государства и целый кусок восточной Польши, еще в 1917 г. входившие, отметим попутно, в состав почившей царской империи. Эта аннексия, однако, не помешала Англии, а затем и США предложить в начале лета 1941 г. союз СССР, на чью территорию уже вторглись гитлеровские войска. В то время они нисколько не смешивали Советский Союз с нацистской Германией, даже если у обеих сторон и были свои задние мысли. Тем не менее агрессия против Польши и прибалтийских стран имела последствия и вместе с Катынью и многими другими случаями уничтожения людей послужила основанием в дальнейшем, после войны, представлять СССР как оккупационную державу, которая стремилась к господству с помощью силы и концентрационных лагерей, как ранее — Германия. Это было только отчасти верно, потому что СССР вступил в Центральную Европу в соответствии с соглашениями, достигнутыми в Тегеране и Ялте, и, истощенный войной, рассматривал этот регион не как базу для агрессии, а скорее как опору для обороны, позволяющую разорвать капиталистическое окружение.

Однако распри с титовской Югославией, затем события 1956 г. (усмирение Польши и трагедия в Будапеште) и, наконец, «пражский переворот» 1968 г. способствовали формированию концепции сталинского и постсталинского империализма, взявшего эстафету у Гитлера. В действительности же контроль над странами народной демократии был не преимуществом, а тормозом: «железный занавес» — своего рода «линия Мажино» — мешал СССР и КПСС эволюционировать и избавляться от сталинизма, который сохранял свое влияние и в СССР, и в странах-сателлитах, обеспечивая единство социалистического лагеря и сохранение общего стратегического равновесия. Как показали последующие события, на самом деле трудно было либерализовать режим после смерти Сталина, не возвратив рано или поздно независимость народным демократиям. Два эти фактора были тесно связаны — в результате смягчение режима и модернизация страны, обреченной вариться в своем марксистском соку, оказались заблокированы.

Лишь после восстановления гражданского общества в сочетании с экономическим и интеллектуальным развитием страны стало возможным свергнуть советский режим, который не сумел вовремя освободиться от сталинских методов. Вопреки предсказаниям большинства западных прорицателей, русский народ сам, без вмешательства извне и бескровно покончил с выдыхавшимся режимом, переставшим олицетворять в его глазах прогресс.

И наконец, последнее различие: трудно себе представить больший контраст, чем контраст между самоубийством Гитлера в его бункере под вагнеровские раскаты советской артиллерии и залпы советских «Катюш», после того, как он привел немецкий народ к катастрофе, и похоронами отца Победы, Сталина, оплакиваемого всем или почти всем Советским Союзом; в трауре были также страны народной демократии, да и не

только они [9]. И еще: в то время как уход Гитлера положил конец нацизму, престиж сталинизма пережил своего создателя на долгие десятилетия — его агония длилась почти полвека...

* * *

Ограничимся здесь этим кратким обзором, из которого видно, что два режима, несмотря на формальные сходства, в действительности, различны в главном, поэтому отождествлять их неверно. Как же объяснить устойчивость и распространенность концепции, ставящей, вопреки исторической объективности, на одну доску гитлеризм (или нацизм) и сталинизм? Это основополагающий и трудный вопрос, и на него нет простого ответа. Чтобы дать ответ, необходимо раскрыть задние мысли и недомолвки, пролить свет на не сказанное вслух, проникнуть в скрытые намерения, то есть сформулировать гипотезы и предложить интерпретации, рискуя, таким образом, приписать формуле тождества больший смысл, чем она имеет в реальности. Ибо такое уравнивание, которое не сводится к простой беспристрастной констатации, отнюдь не бескорыстно, эта формула дает нам возможность представить себя в лестном свете и получить ощущение чистой совести, очерняя, стирая в порошок противника. А значит, у концепции родства двух режимов могут быть различные интерпретации, причем не исключают одна другую.

Отметим сразу, что именно сталинизм отождествляют с гитлеризмом, а не наоборот. Ясно, что это одностороннее сравнение ставит целью перенести на Сталина и его режим все гнусности, связанные с нацистским режимом, заслужившим единодушное осуждение; такое сравнение выражает не столько некую историческую истину, сколько безапелляционное, открыто полемическое осуждение, за которым скрываются политические соображения.

В действительности же цель авторов этого уподобления явно состоит в том, чтобы изгнать сам призрак марксизма и классовой борьбы, лишить сталинизм, а через него и «коммунизм» всякого оправдания, лишить легитимности опыт, через который прошел СССР, и окончательно утвердить, таким образом, победу над ними западной политической парламентской демократии — только она считается легитимной.

Кроме того, едва ли вызывает сомнения, что эта редуцирующая формулировка, демонизирующая сталинизм, призвана снять вину с Запада за его собственные ошибки, его соглашательство в период нарастания мощи сталинизма. Ведь культ Сталина разразился не только СССР и страны так называемой народной демократии, вспомним восхваления и панегирики, которыми в 30-е и еще больше в 50–60-е годы (до появления сокрушительных свидетельств Солженицына) его осыпали не одни лишь записные коммунисты, но и все те, кто слыли тогда в Европе сторонниками прогресса, антифашистами и левыми интеллектуалами, кто торопился в Кремль воздать честь «папаше народов», даже и не думая отождествлять его с Гитлером.

Советские диссиденты 70–80-х годов имели основания считать, что западные протесты иногда вынуждали советских руководителей идти на уступки. Но Запад, которому

было свойственно почти мистическое обожествление Сталина, в куда большей степени помог признанию и легитимации сталинского режима. Европа была не просто пассивным наблюдателем. А миф о тождестве сталинизма и гитлеризма, вместо того, чтобы указать и на наше соучастие, снимает с нас всякую вину и дает нам возможность возложить свои грехи на плечи одних лишь советских людей, которых наши дифирамбы Сталину помогали затягивать в воронку диктатуры.

Точно так же шумное осуждение, впрочем, во многом оправданное, германо-советского пакта позволяет минимизировать нашу ответственность за раздел Европейского континента после подписанных в Ялте соглашений. На этом черноморском курорте, который так любил Александр II, три победителя в войне, как властелины, полюбовно разделили между собой Европу, весьма недемократично, учитывая обстоятельства, и в нарушение Атлантической Хартии решив судьбу европейских народов [10]. Сталин, имевший в ту пору наиболее сильные позиции, получил карт-бланш на установление в зоне своего влияния так называемых народных демократий, как он того желал. Красноречива здесь судьба прибалтийских государств: отданные осенью 1939 г. Гитлером в качестве возмещения СССР, они вновь были возвращены Советскому Союзу в качестве барыша. Именно исходя из ялтинского раздела, Запад не позволял себе вмешиваться в момент восстания в Будапеште в ноябре 1956 г., в Праге в 1968 г. и по другим подобным поводам.

В этих условиях говорить о том, что Европа была «похищена» — не что иное, как явное преувеличение [11], продукт холодной войны; но эта риторическая формулировка, которая игнорирует соучастие целых сегментов населения соответствующих стран, дает возможность ретушировать историю к собственной выгоде. Главным образом, она позволяет свести к минимуму и даже совсем снять ответственность за раскол Европы с Рузвельта и Черчилля, возложить всю ответственность на Сталина и его режим, представляя его двойником гитлеризма, хотя он не разделял ни доктрину, ни цели гитлеровцев. В действительности Ялтинские соглашения, заключенные в феврале 1945 г., за шесть месяцев до Хиросимы и капитуляции Японии, соответствовали соотношению сил и учитывали ведущую роль «героической Красной Армии» в освобождении Европы от нацистского ярма, а также нечеловеческие усилия всего советского народа и понесенные им несметные жертвы [12]. Кроме того, сердечное согласие в Ялте ставило целью добиться помощи «дяди Иосифа» в войне против Японии — войне, требовавшей все больше человеческих жертв по мере того, как фронт приближался к японскому архипелагу.

В более общем смысле мода на тенденциозное уподобление гитлеровского и сталинского режимов является для Запада средством свести счеты за холодную войну и взять реванш за долгие годы страха перед сталинским и постсталинским СССР, а еще — за политическое соперничество, в ситуации которого Запад находился с момента образования СССР. Сегодня, когда страница Ялты перевернута, обвинительная формулировка, отождествляющая режимы, позволяет лишить Россию как морального преимущества — результата ее победы на своей бывшей союзнице (и «сообщнице»), так и ее былого статуса великой державы, представляемого незаслуженным.

Этот тезис выгоден и с точки зрения других целей: подвергнуть позору сталинский режим и через него весь советский опыт — означает в конечном итоге (хотим мы того или нет) установить надзор за посткоммунистической Россией, которая, несомненно, является наследницей сталинского СССР, но которая собственными силами освободилась от сталинизма, вопреки всем официальным и неофициальным прогнозам. Россию постоянно подозревают, над ней тяготеет презумпция виновности в тоталитаризме, и, чтобы в некотором роде искупить свою вину, Россия будто бы должна допустить всевозможное вмешательство из-за рубежа, что и происходило в течение 1990-х годов, когда она не имела ни возможности, ни права от этого уклониться.

Хотя не формула тождества породила злоупотребления ельцинской эры, она безусловно способствовала прикрытию этих злоупотреблений: разграбления национальных богатств в пользу олигархов и других авантюристов; баснословной коррумпированности президентской «семьи», более всего спешившей упрятать свою добычу в западных банках, естественно, находившихся «в курсе» событий; разрастания мафии; обнищания большинства населения, особенно пенсионеров; сверхсмертности, сопоставимой со смертностью периода коллективизации и/или сталинских чисток. Ответ тем, кто пытался противостоять этому насилию над русским народом, был готов: «На что вы жалуетесь? Это цена, которую надо заплатить за преодоление сталинского наследия и установление «демократии». Когда же будет написана «Черная книга» демократизации, ставшей синонимом разрушения социальных завоеваний, стремительного обнищания, деморализации и социального регресса большинства населения? Форсированная демократизация, создавшая кричащий разрыв между обычными людьми, с одной стороны, и новыми русскими миллиардерами, с другой, возможно, в большей степени подорвала формирование гражданского общества (становление которого уже началось ранее), чем способствовала этому процессу.

Аналогично отождествлению сталинизма и гитлеризма, демократический вымпел скрывает немало иных соображений. Эта полемическая амальгама не только преуменьшает главную роль Советского Союза в разгроме нацизма, не только лишает его лавров победителя, она помогла принять на вполне законных основаниях бывшие народные демократии и бывшие советские республики в НАТО, а затем в Европейский союз, чтобы там защищать их от нового наступления сталинского прошлого. Более того, введение импортной формы демократии в России, предназначенной выбросить сталинизм на свалку истории, позволило без церемоний отодвинуть Россию на периферию Европы, окружить ее и расчленить на части, создав (отметим попутно) на территории бывшей российской Азии коридор для воротил нефтяного бизнеса, которые традиционно мало интересуются требованиями демократии, но весьма чувствительны к собственным интересам. В итоге жители новых мусульманских республик, возможно, попали от Сциллы к Харибде. Но десталинизация обязывает, а нефть, как и деньги, не пахнет.

По иронии истории, как это часто бывает, бывшие союзники СССР осуществили с помощью формулы отождествления нацизма и сталинизма амбициозную политическую

цель Гитлера — отбросить «еврейско-большевистский» и коммунистический СССР на окраину Европы и разделить его на части, только на этот раз жертвой оказался не СССР, а Россия, самостоятельно избавившаяся от тисков сталинизма.

Как мы видим, отождествление дает возможность предать анафеме все советское прошлое: над ним тяготеет тень Сталина, следовательно, от него не должно остаться ни единой страницы. Как Западная Германия покаялась после 1945 г., отказалась от нацистского прошлого и присоединилась к демократической модели своих победителей, так и бывшая Советская Россия будто бы должна реабилитировать себя, отбросив в свою очередь собственное прошлое и собственные национальные ценности, чтобы приобщиться к парламентской представительной демократии западного образца — демократии, которая традиционно является в большей степени демократией политической, нежели социальной. По этой логике судороги демократизации в России должны объясняться «пережитками» сталинского наследия, препятствующими гармоничному переходу к правовому государству и демократии. Короче говоря, десталинизация завершится лишь в тот день, когда Россия окончательно покается и примет западные демократические ценности, которые выдаются за универсальные и единственно верные и утверждение которых недавно даже было сочтено (как некогда коммунизм) концом Истории.

За уравнением «сталинизм похож на нацизм или эквивалентен ему» проглядывает своего рода демократический Священный союз, обладающий уникальной демократической истиной и посему уполномоченный исключать из сообщества европейских народов строптивые государства, не уважающие его ценности, подобно тому, как СССР некогда провозглашал свою модель социализма единственно правильной, на этом основании осуществляя право «социалистического вмешательства» и оправдывая теорию «ограниченного суверенитета». Все формы легитимности заменяются сегодня демократической легитимностью (или считающейся таковой). Любая попытка отойти от западного демократического пути — единственно легитимного — обречена таким образом считаться установлением той или иной формы нацистского либо сталинского тоталитаризма или даже «наци-исламизма». Понятие «сталинизм», которым размахивают словно пугалом, превращается в орудие массового устрашения; им пользуются, чтобы поставить под запрет саму идею революции, будь то социалистической или не-социалистической, и любые другие утопии.

Давайте поднимем дискуссию на более высокий уровень: сегодня все знают, что как экономика, так и политические учреждения или социальные и даже этические ценности часто служат вполне реальным классовым интересам, хотя это порой и не осознается носителями этих интересов, и следовательно, не могут выдаваться за абсолют. Любопытным образом, с нашими демократическими ценностями дело будто бы обстоит теперь иначе: всех приглашают примкнуть к Демократическому Интернационалу, задача которого — обеспечивать верховенство законов (или диктатуру) рынка, духа личного предпринимательства и поиска выгоды, а также господство судей, чья миссия — выступать арбитрами в политических конфликтах и поддерживать установленный порядок.

Раз уж невозможно арестовать Сталина, чтобы он предстал перед международным чрезвычайным судом за преступления против человечества, можно задним числом приговорить его режим, во имя прав человека и правового государства, хотя Сталин (или Гитлер) не был единственным нарушителем этих принципов — вспомним, в частности, о колониальных империях. Таким образом, подчеркивая сходства и оставляя в тени различия между двумя режимами, Россию, в конечном счете, призывают отречься, вместе со сталинизмом, от целого пласта своей истории и своих национальных ценностей, поскольку сталинизм, какое бы определение ему ни давали, был не чуждым феноменом, навязанным некой пассивной и беззащитной России, а отчасти наследником России дореволюционной — крестьянской, иерархической, авторитарной, где идеологическая власть (православие) и власть политическая шли рука об руку.

То есть обманчивая формула отождествления вычеркивает страницы из реальности и представляет собой политическую оценку, выносимую от имени обвинительной, предвзятой истории. Это оружие пропаганды и холодной войны, перенесенное в область истории, причем истории, переписанной победителями, которые, как водится, кричат: «Горе побежденным!».

Но история не может, оставаясь верной себе, превращаться в суд, а историк, достойный этого имени, — в судью. Действительно, по какому праву и на основании какого свода законов стал бы он выступать, если он может судить только с точки зрения собственных ценностей и своих нынешних концепций, по определению преходящих? Такой предвзятой истории следует предпочесть историю критическую и именно ей вновь дать слово; а долг профессиональных историков — напоминать, в том числе, о том, что роль государства может быть благотворной, что человек и труд являются не только товаром и что демократизация по иностранному образцу может вызвать не меньшие беды, чем те, избавление от которых она сулит. Короче говоря, что ни одна страна не может спроектировать и построить свое будущее, отворачиваясь от своего прошлого и своих корней.

Те, кто привержен критической истории, должны напоминать, что никогда и ничто не может быть завоевано окончательно, что не существует совершенного режима, имеющего основания требовать, чтобы его безоговорочно приняли все остальные. Ведь даже самые прекрасные идеалы могут при определенных обстоятельствах переродиться в свою противоположность, если прекратить или запретить их критиковать и оспаривать. Только критикуя и оспаривая, можно не допустить того, чтобы во имя терпимости — отвергали, во имя свободы — угнетали, а во имя равенства — подвергали дискриминации, как это, к сожалению, многократно случалось в мире на протяжении двухсот лет, отделяющих нас от Французской революции.

* * *

Итак, доведенная до крайности формулировка, злоупотребляющая отождествлением нацистского и сталинского режимов, не должна вводить в заблуждение: пропагандистское орудие, получившее распространение в годы холодной войны, когда прямое военное столкновение было самоубийственным, — формула эта направлена, в духе ре-

комендаций Клаузевица, главным образом, на дестабилизацию противника и одновременно на апологетику западных демократий.

Какую бы долю истины, кажущуюся или реальную, ни содержала эта упрощенная формула, она преднамеренно скрывает реальную природу каждого из режимов, а в итоге ложь, порождаемая умолчанием, возводится в ранг официальной истины. Знак равенства между ретроградной расистской идеологией и «прогрессивистской» доктриной освобождения, искаженной в ходе ее воплощения, парадоксальным образом ведет к частичной реабилитации Гитлера и его режима [13], чьи лагеря, где совершался Холокост, отнюдь не были просто вариантом ГУЛАГа, и вносит еще больше путаницы в действительно необходимое разбирательство истории сталинизма. Даже если правильнее судить о любом режиме по его действиям, а не по намерениям, намерения нельзя игнорировать полностью, поскольку и они тоже характеризуют его суть. Это относится, добавим, и к нашим западным демократиям, преуспевающим в искусстве приспособлять принципы и «оправдывать зло действий чистотой помыслов».

Безоговорочные противники гитлеровского режима, советские и в еще большей степени русские люди вовсе не заслуживают того бесчестия, которое тяготеет над нацизмом. А сожаления о том, что нельзя провести новый Нюрнбергский процесс над советскими руководителями, превращаются в игру словами. Дело в том, что эта обвинительная формулировка как раз и заменяет подобный процесс, только при этом обвинение даже не оспаривается и слово защите не предоставляется.

В канун объединения Германии, в 1989 г., Горбачев будто бы сказал германскому канцлеру: «Мы сыграем с вами плохую шутку, избавив вас от постоянного врага». Его слова отдавали чрезмерным оптимизмом, потому что старые антисоветские, русофобские рефлексы отнюдь не исчезли с распадом СССР. С этой точки зрения в какой-то мере прав бывший диссидент Александр Зиновьев, который 10 лет назад в статье «Почему я возвращаюсь в Россию?» писал, что Запад на самом деле стремится лишь «поставить Россию на колени», превратить ее в колонию, покончить с любой «попыткой сопротивления» со стороны ее народа, защищающего свои национальные ценности, — все это (стоило бы добавить) с позиции выдержавшей все испытания демократической «безупречности».

А что сказал бы он сегодня, когда Россию постоянно подозревают в дурных намерениях? Как известно, Европейский союз был создан благодаря примирению бывших врагов, но, по иронии судьбы, страны, вступившие в него последними, принесли с собой чувства обиды, пусть и объяснимые, они культивируют в ЕС антироссийский дух реванша, дух несвоевременный и, что еще хуже, заразительный. Нельзя, по совести, возлагать на один «проклятый германо-советский пакт» ответственность за развязывание в 1939 г. войны, к которой готовились все. Нельзя приравнивать советский контроль к «жестокой оккупации другой тоталитарной империей» [14] или сравнивать руководителей бывших советских республик и народных демократий с обычными коллаборационистами, превратившимися во врагов в собственной стране. Неужели можно ожидать, что НАТО станет помогать восстановлению бывшего польско-литовского королевства на пространстве от Балтийского до Черного моря (называемого уже иног-

да новым «демократическим морем»), с включением туда, по возможности, Украины и Белоруссии? Или что Европа подвергнет Россию карантину по настоянию ее бывших сателлитов, обратившихся в демократическую веру?

Россия находится под постоянным подозрением, теперь ее обвиняют в том, что она угрожает «энергетической безопасности Европы». Причина — она помешала планам иностранного захвата большей части своих нефтяных запасов (через ЮКОС). Добродетельные учителя даже выражают сожаления по поводу «отхода» российского правительства, кстати, не менее демократичного, чем многие другие, «от фундаментальных демократических ценностей европейского сообщества» (которые составляют его кредо) и потому отказываются «обниматься с Путиным» [15].

Неудивительно, что в обстановке такого давления второе лицо в кремлевской администрации говорит о «пятой колонне», поддерживаемой «внешним врагом», желающим «уничтожить Россию» [16], а многие его сограждане в глубине души разделяют это убеждение.

Действительно, после того как отождествление гитлеризма и сталинизма помогло дискредитации и распаду СССР, эта трактовка сопровождает разговоры о наших «фундаментальных демократических ценностях» (без них нет спасения) в целях, которые почти не скрывают: навязать России нашу концепцию демократии под предлогом исключения ее возврата к «тоталитаризму». При этом забывают, что ни Россия, ни русские не желают трансформироваться в демократию западного типа и выбросить за борт свою собственную культуру и национальные ценности — ценности социальной, эгалитарной и коллективной, а также солидарной демократии, впрочем, больше теоретические, чем реальные; что они рассматривают нашу либерально-индивидуалистическую и при этом неравноправную, плутократическую и меркантильную демократию не менее критически, чем мы сами оцениваем российскую действительность. Как бы это ни задевало самопровозглашенных демократизаторов, дело самой России — выбрать соответствующий ее тысячелетней истории и ее интересам демократический режим, не подчиняясь никакому внешнему вмешательству современных крестоносцев. Вряд ли мы вправе навязывать ей нашу демократическую модель «под ключ» или устанавливать надзор над русскими с негативным подтекстом, под предлогом борьбы с их предполагаемой склонностью к тоталитаризму.

Вместо того, чтобы в начале третьего тысячелетия провоцировать новый раскол, на этот раз не религиозный, а демократический, было бы разумнее признать, что идеальной демократии не существует, что «демократий» столько же, сколько народов и государств с их собственной культурой и историей. Демократия в зависимости от разных обстоятельств может быть социальной или либеральной, парламентской или президентской, индивидуалистской или ассоциативной, конкурентной или перераспределительной, ориентированной на массовую культуру или на просвещение, светской или опирающейся на религиозные ценности, эгалитарной или коммунитарной, монархической или республиканской, этатистской или децентрализованной, прямой или представительной, плюралистической или авторитарной, буржуазной или народной, консер-

вативной или прогрессистской, синдикалистской или акционерной, современной или корпоративной, терпимой или ставящей во главу угла общественную безопасность, миролюбивой или агрессивной, органичной или взятой извне, закрытой или прозрачной и т.д. Возможна демократия мнений и демократия неучастия, демократия одобрения и демократия участия, а в более общем плане демократия практическая и демократия формальная, а также демократия как спектакль, демократия опросная, сострадательная, фиктивная, демократия конфискованная и коррумпированная — все возможные варианты этой парадигмы не перечислить, любые комбинации могут иметь место, при этом ни одну из них нельзя считать единственной моделью демократии: нельзя запрещать плодотворное совмещение различных принципов.

Объединять гитлеризм и сталинизм, предавая их вместе анафеме, и ритуально твердить о «демократии» в единственном числе, в то время как за этим термином скрывается самое разнообразное (в т.ч. противоположное) содержание, означает игнорировать (сознательно?) сложность мира, прячась от нее за демократическим топорным языком. Как будто бы демократия по определению не требует совершенствования и постоянного преобразования. Давайте же не будем путать продвижение демократии с завоеванием новых рынков или стратегических форпостов, давайте не будем создавать новую, на этот раз демократическую, разновидность нетерпимости и тоталитаризма.

Примечания:

- [1] Цит. по: Kristof K.: Boris I. Nicolaevsky, the Formative Years// Rabinovich. A&J. Revolution and Politics in Russia. Essays in Memory of B. Nicolaevsky. Indiana University Press, 1972, p. 27.
- [2] Составленная под эгидой Антифашистского еврейского комитета, под редакцией И. Эренбурга, «Черная книга» нацистских злодеяний, опубликованная частично в журнале «Знамя» (в 1944–1945 гг.), была издана в 1946 г., во время Нюрнбергского процесса, в Иерусалиме на идише и на русском языке.
- [3] Liechtenham Francine-D., Rennes, 1998.
- [4] Это выражение (*moralisches Bankrott*) употребляется в современной германской прессе.
- [5] «Мы изгнали этих людей, так как у нас не было причин для их расстрела, но терпеть их мы не могли», — заявил Троцкий в августе 1922 г. иностранным журналистам; Ленин же видел в них «растлителей молодежи» и «образованных крепостников». См. например: Главацкий М.Е. «Философский пароход». Екатеринбург, 2002.
- [6] Нападение на Финляндию в конце ноября 1939 г. в действительности носило скорее оборонительный, чем наступательный характер: речь шла о том, чтобы для защиты подступов к Ленинграду добиться военными средствами ректификации границы, от которой Финляндия в ходе предварительных переговоров, вполне естественно, отказалась.
- [7] Такая позиция напоминает позицию бывшего министра внутренних дел П.Н. Дурново, который в свое время советовал Николаю II не давать вовлечь Россию в весьма рискованную войну с имперской Германией. Сталин, вопреки многочисленным противоположным утверждениям, в действительности мало доверял своему «со-

- общнику» Гитлеру, о чем достаточно красноречиво свидетельствует кинофильм С.М. Эйзенштейна «Александр Невский», снятый в 1938 г., накануне войны, под покровительством и с одобрения Сталина.
- [8] Кроме того, Сталин стремился не позволить Гитлеру расширить в одностороннем порядке свою территорию и хотел отодвинуть советскую границу за «линию Керзона», от которой СССР пришлось отказаться в 1921 г.
- [9] Напомним, например, что президент Венсан Ориоль направил М. Швернику (председателю Верховного Совета СССР) соболезнования от имени Франции: «Огромная роль вашего знаменитого соотечественника в борьбе союзников за общую победу [...] навсегда останется в памяти людей». Со своей стороны, председатель Национального собрания Эдуар Эррио произнес хвалебную посмертную речь в честь маршала Сталина в знак того, что французское правительство разделяет скорбь Советского Союза.
- [10] Подписанная Рузвельтом и Черчиллем (14 августа 1941 г) на британском крейсере, недалеко от Новой Земли (отсюда и название), Хартия намечала принципы, на которых должно было зиждиться восстановление прочного мира, включая право народов выбирать форму правления и отказ от любых территориальных приращений.
- [11] Нельзя забывать, что Румыния (вынужденная в 1940 г. уступить СССР Бессарабию) и Венгрия, чьи войска сражались на стороне вермахта, были союзницами гитлеровской Германии, так же как и Болгария. Отношения между СССР и «народными демократиями» варьировались в зависимости от исторического прошлого соответствующих стран и их поведения во время войны.
- [12] Советские потери — примерно 25–27 млн человек, то есть 16% населения — были несравнимо больше потерь американцев (0,3%) и англичан (0,7%), включая доминионы. Потери Германии не превысили 10–11 % населения.
- [13] Отметим в этой связи, что Хорватия несколько лет назад выпустила серию марок в честь своих националистов, сражавшихся в годы Второй мировой войны в нацистской форме. А также то, что памятники в честь павших солдат, воевавших на стороне Германии, то и дело появляются в балтийских странах.
- [14] «Заявление по поводу празднования 9-го Мая 2005 г. в Москве», сделанное президентом Латвии (В. Вике-Фрейберга) в Риге 12 января 2005 г.
- [15] «Открытое письмо главам государств и правительств Европейского союза и НАТО», подписанное политиками и другими известными лицами во главе с Мадлен Олбрайт, перепечатанное в газете «Монд» 23 сентября 2004 г.
- [16] Интервью В. Суркова «Комсомольской правде», цитируемое Лорой Мандвиль в «Фигаро», 12 октября 2004 г.

Список литературы:

- Главацкий М.Е. «Философский пароход». Екатеринбург, 2002.
- Kristof K.: Boris I. Nicolaevsky, the Formative Years// Rabinovich. A&J. Revolution and Politics in Russia. Essays in Memory of B. Nicolaevsky.— Indiana University Press, 1972.
- Liechtenham Francine-D., Rennes, 1998.

УДК 94

ЕЛЕНА СЕНЯВСКАЯ

Фронтовое поколение Великой Отечественной: социально-психологический феномен

Аннотация. *Исход любой войны в конечном счете всегда определяли люди. СССР выдержал неимоверное напряжение почти четырех лет противоборства с нацистской Германией только благодаря «духовному стержню» и единению народа, сумевшему «не сломаться» после всех потерь и отстоять не только свою жизнь, но и существование народов Европы. Эта война внесла огромные перемены в сознание поколения, вынесшего ее на своих плечах. Тем самым во многом было задано направление последующей советской истории. В статье исследуется путь, который прошло сознание советских воинов от момента фашистского вторжения 22 июня 1941 г. до триумфа Советской Армии 9 мая 1945 г.*

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, фронтовое поколение, военное поколение, психологический фактор, духовно-психологический аспект, Победа 1945 г.*

Вторая мировая война, пожалуй, как ни одна из других войн XX в., в которых участвовала Россия, выявила специфику психологии отдельных поколений и даже породила особое «фронтовое поколение». «...Поколение — это люди, которые не просто одновременно живут на Земле, а, поглощенные одной идеей, одновременно действуют. Острое ощущение поколения возникает в периоды народных испытаний, — размышляет доктор искусствоведения, кавалер шести боевых орденов С. Фрейлих. — Великая Отечественная война разбудила самосознание каждого из нас, это она сделала нас поколением, которое теперь называется военным. Она поставила каждого из нас как личность в новое соотношение с Историей и Народом» [1]. В сознании поколения 1941–1945 гг. — поколения победителей — особенно ярко воплотились сложности, противоречия и трансформации советской эпохи.

Массовые духовно-психологические явления сыграли колоссальную роль в той страшной и кровопролитной войне, от исхода которой зависело не только существование нашей страны, но и судьбы мировой цивилизации. Общественное сознание — явление вообще чрезвычайно сложное, в нем элементы социальной психологии, нравственные и мировоззренческие установки, уходящие корнями в национальные традиции, в обыденную жизнь, переплетаются с целенаправленно формируемыми идеологическими установками. Во Второй мировой войне идеологический фактор не только переплетался с психологическим, но нередко оказывался ведущим: от мотива-

Сведения об авторе: СЕНЯВСКАЯ Елена Спартаковна — ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, профессор Российского государственного гуманитарного университета, действительный член Академии военных наук, доктор исторических наук; hotobelli@mail.ru.

ции войны и грамотной пропагандистской работы напрямую зависела боеспособность армии. Недооценка этого фактора вела к поражению даже при наличии достаточного военного потенциала, как это случилось с Францией в мае–июне 1940 г. И наоборот, идейно-психологический «запас прочности» мог позволить государству и народу переломить даже крайне неблагоприятный ход событий. Огромное моральное и физическое напряжение почти четырех лет этой войны советский народ выдержал только благодаря «духовному стержню», позволившему ему «не сломаться» при всех потерях и собственными силами освободить не только свою землю, но и пол-Европы.

Этот «духовный стержень» и сам характер фашистской агрессии, нацеленной на порабощение и истребление целых народов, придали особую ожесточенность советско-германскому противоборству. В те годы действительно можно было говорить о морально-психологическом единстве советского общества. Да, фашистскому рейху с его человеконенавистнической идеологией противостоял жестокий и репрессивный сталинский режим. Но в этом столкновении патриотические, национально-государственные интересы страны подчинили себе советскую систему и даже частично трансформировали коммунистическую идеологию. Идеи мировой революции были отброшены, а понятия «Родина», «Отечество», еще недавно публично предававшиеся анафеме, оказались в сознании народа определяющими. Война сразу же стала Народной и Отечественной. Не случайно имя коммунистического вождя власть попыталась связать во едино с национальным понятием: политруки поднимали бойцов в атаку с призывом «За Родину! За Сталина!». Только обращаясь к глубинам народного духа, система могла выжить, но, спасая себя, она спасала страну: гибель советского государства означала бы гибель России. В тех условиях интересы народа, страны и государства оказались в главном тождественны.

Можно говорить о преступлениях власти против личности, об огромной цене, которой была оплачена Победа, о далеко не всегда оправданных жертвах, связанных с тем, что отдельный человек для системы был не более чем «винтиком». Но сами люди не чувствовали себя «винтиками» — и только потому страна выдержала четыре года невероятных испытаний и победила.

Многие фронтовики вспоминают Великую Отечественную как время духовного очищения. «...Мы ощущали, что в наших руках судьба родины, — вспоминал писатель-фронтовик Вячеслав Кондратьев, — и вели себя соответственно этому представлению, чувствуя себя *гражданами* в полном и подлинном смысле этого слова... Для нашего поколения война оказалась самым главным событием в нашей жизни, самым *главным!* Так мы считаем и сейчас и совсем не собираемся “списывать” все то великое, что совершил народ в те страшные, тяжкие, но незабываемые годы. Слишком высок был духовный взлет всех воюющих, слишком чисты и глубоки были патриотические чувства» [2].

* * *

Разумеется, «фронтовое поколение» нельзя представлять неким монолитом. Оно не было единым, как любое поколение людей с разными взглядами, чувствами, судьба-

ми, и само включало в себя несколько — в демографическом смысле — поколений, лично сформировавшихся в неодинаковых исторических условиях. Участие разных поколений — сыновей, отцов и даже дедов — специфика мировых войн, причем во Второй мировой войне возрастной диапазон рядового состава армий был еще большим, нежели в 1914–1918 гг.

На 22 июня 1941 г. в Красной Армии и Военно-Морском Флоте состояло по списку 4 млн 827 тыс. военнослужащих, в действующих частях на западных границах – 2,9 млн человек [3]. Основную массу рядовых составляли призывники 1919–1922 гг. рождения. Но уже в ходе массовых мобилизаций июня и августа 1941 г. были призваны военнообязанные старших возрастов — с 1890 по 1918 г. рождения и молодежь 1923 г. В части народного ополчения, многие из которых влились в действующую армию, оказывалось немало тех, кому было больше 50 лет. Всего же за четыре года было мобилизовано более 29,5 млн человек. Вместе с кадровым составом в военные формирования привлекалось почти 34,5 млн. Более 11,5 млн составили безвозвратные потери вооруженных сил [4].

Таким образом, Великую Отечественную войну выиграла армия, весьма разнородная в возрастном и социальном отношении. Ее кадровый состав оказался в большой степени выбит в первые же месяцы [5]. И те войска, которые дошли до Берлина, в массе своей состояли из людей гражданских, взявших за оружие, чтобы защитить свою страну.

Жизненный путь, во многом определявший мировоззренческие установки людей разных поколений, очень различался. Поколение 1890–1904 гг. рождения (вторая мобилизация, август 1941 г.) было свидетелем Первой мировой войны, революции и Гражданской войны, поколение 1905–1918 гг. рождения (первая мобилизация, июнь 1941 г.) в сознательном возрасте пережило события нэпа и первых пятилеток, в той или иной степени было затронуто индустриализацией и коллективизацией. Все они, естественно, были современниками волны репрессий второй половины 1930-х годов. За плечами мальчишек 1923–1926 гг. рождения не было большого личного социального опыта. В их среде меньшее значение имело социальное происхождение, меньшим был разрыв в уровне образования. Зато большее влияние на их мировоззрение оказали идеологические установки режима, при котором они родились и выросли.

Для младшего поколения именно война стала временем личностного становления, главным фактором, сформировавшим его гражданскую зрелость. И именно их, молодых людей, вступивших в войну 18–20-летними, относят к фронтовому поколению в узком смысле этого понятия. Безусловно, война в той или иной степени «отметила» всех, кому пришлось ее пережить. Но именно «мальчишки — хребет победы» [6], как писал о них В.Кондратьев, составили ядро фронтового поколения с его особой психологией.

Юношеская психика отличается повышенной эмоциональностью, поступки — импульсивностью, взгляды и суждения — категоричностью, максимализмом. Романтичность, поиски идеала и подражание ему, обостренное чувство справедливости; прене-

брежение к опасности; стремление к самоутверждению — все эти качества, присущие определенному возрасту, в большей или меньшей степени были характерны для молодых людей 1940-х годов. Сыграла свою роль и система агитации и пропаганды, воспитание в духе «героических традиций революции и гражданской войны», на символах и идеях жертвенности во имя «светлого будущего». Молодые люди, в начале своей сознательной жизни попавшие на фронт, были всецело преданы не просто Отечеству, но Отечеству социалистическому, точнее — они не разделяли в своем сознании два этих понятия. Это было поколение, родившееся и выросшее при новом общественном строе, воспитанное в духе присущей ему идеологии и в минуту опасности вставшее на его защиту.

Не случайно из всех возрастных категорий именно на долю «мальчишек» пришлось наибольшее число потерь. Так, среди молодых людей 1923 г. рождения уцелело всего 3% [7]. По нашим подсчетам, среди известных героев, закрывших своим телом огневую точку врага, 82,5% составляли молодые люди до 30 лет и 65,3% — до 25 лет [8]. Возраст большинства полных кавалеров ордена Славы – от 20 до 24 лет [9].

Но, чтобы осознать в полной мере феномен поколения, на плечи которого всей тяжестью обрушилась война, необходимо помнить, что общественное сознание советских людей, формировавшееся в обстановке 1930-х годов, было разноплановым и противоречивым явлением. В нем причудливо сплетались искренняя вера в социалистические идеи и психология страха, трудовой энтузиазм и порожденные репрессиями подозрительность и пассивность, вполне реальный советский патриотизм, верность государству и негативные черты тоталитарного мировосприятия, благородные идеалы и деформация извечных норм морали «классовыми принципами», жертвенность во имя высоких целей и наивное доверие к пропагандистским штампам.

Какой же путь прошло сознание советских воинов от момента фашистского вторжения 22 июня 1941 г. до триумфа Советской Армии 9 мая 1945 г.?

* * *

Еще в довоенный период в советских людях формировалась готовность к будущей войне как неизбежной в условиях «враждебного капиталистического окружения». Однако война представлялась совершенно неадекватно. Советская стратегическая доктрина тех лет исходила из формулы: «Если враг навяжет нам войну, Рабоче-Крестьянская Красная Армия будет самой нападающей из всех когда-либо нападающих армий. Войну мы будем вести наступательно, перенеся ее на территорию противника. Боевые действия Красной Армии будут вестись на уничтожение, с целью полного разгрома противника и достижения решительной победы малой кровью» [10]. Такая доктрина фактически исключала саму возможность вторжения вражеских войск.

Бравурные настроения легкой победы имели место и в первые дни наступившей войны: «На кого полезли, совсем, что ли, с ума сошли?! Конечно, немецкие рабочие нас поддержат, да и другие народы поднимутся!». «Я так думаю, — говорил один из

рабочих металлического завода в Ленинграде, — что сейчас наши им так всыпят, что через неделю все будет кончено...» — «Ну, за неделю, пожалуй, не кончишь, — отвечал другой, — надо до Берлина идти... Недели три-четыре понадобится» [11]... «В тот день [22 июня — Е.С.] многим казалось, что начавшаяся война будет стремительной, победоносной. Такой, какой она изображалась в популярных в те годы кинофильмах “Город под ударом”, “Эскадрилья номер пять”, в романе Павленко “На Востоке”, в песнях, которые ... пели чуть не каждый день, — вспоминал бывший офицер-артиллерист А. Дмитриев. — Никто ... и представить себе не мог, какой долгой, жестокой, опустошительной, испепеляющей будет эта война, какого огромного напряжения она потребует, каких колоссальных жертв» [12].

Воспитанный в духе «пролетарской идеологии» советский солдат сначала пытался воспринимать врага через эту призму, вычленяя рабочего и крестьянина из общей массы захватчиков, отделяя их от «господ-эксплуататоров». Но уже в первые недели рассеялись наивные надежды на сознательность «братьев по классу». Вот что записал в своем фронтовом дневнике М.И. Березин: «20 июля 1941 г. поджигаем два танка, взяв в плен трех танкистов. Какими же мы были наивными человеколюбцами, пытаюсь при их допросе добиться от них классовой солидарности. Нам казалось, что от наших бесед они прозреют и закричат: “Рот фронт!” ... А они, нажравшись нашей каши из наших же котелков, накурившись из наших же добровольно подставленных кисетов, с наглой, ничего не выражающей рожой отыгривают нам в лицо: “Хайль Гитлер!” Кого мы хотели убедить в классовой солидарности — этих громил, поджигающих хаты, насильников и садистов, с губной гармошкой во рту убивающих женщин и детей? Мы стали понимать и с каждым днем боев все больше убеждаться, что только тогда фашист становится сознательным, когда его бьешь» [13].

Отрезвление от классово-идеологических иллюзий пришло очень быстро. Сведения, поступающие с фронтов, свидетельствовали о страшной опасности, нависшей не только над советским государством, но и над всем народом. Стало ясно, что предстоит схватка не на жизнь, а на смерть, которая коснется каждой семьи и каждого человека. И здесь вступили в действие глубинные психологические механизмы, которые не раз в российской истории спасали страну, находившуюся на краю пропасти. Произошел подъем всех моральных сил народа, оказались задействованы его вековые традиции, готовность к самоотверженности, самоотречению и самопожертвованию во имя спасения своей страны.

Война действительно становилась Отечественной.

Первый период войны — от 22 июня 1941 г. до победы в Сталинградской битве — в психологическом плане един. Для него характерно осознание реальности колоссальной угрозы. Несмотря на то, что в самых тяжелых условиях большинство верило в конечную победу, эта угроза накладывала свой отпечаток на строй мыслей и чувств. «Ярость благородная» — так можно назвать основную психологическую доминанту того периода, очень точно выраженную в знаменитой песне. Ярость смешивалась с горечью и болью страшных потерь и поражений первых месяцев войны. Военная катастрофа вызвала состояние психологического шока. Неслучайно наряду с проявлени-

ями массового героизма в этот период были и многочисленные факты сдачи в плен целых военных подразделений. Но по мере того, как шок проходил, росли горе и боль, вскипала ярость, взывавшая к мести, было достигнуто определенное равновесие сознания, произошла его стабилизация. Главная цель этого периода войны — «Выстоять!» — была выполнена.

Коренной перелом в ходе войны предопределил ощутимые перемены и в состоянии морального духа советских войск. Люди сами рвались в наступление, охваченные порывом, без которого ни одна армия «не может совершать великие дела» [14]. Неудержимое стремление вперед — самая характерная черта этого периода. Изгнание из страны гитлеровских войск несло своего рода духовное очищение людям, чувствовавшим невольную вину в том, что допустили врага топтать родную землю. Желание ускорить освобождение соотечественников, страдавших в оккупации, удесятирало силы. И чем дальше советские войска продвигались по своей освобожденной земле, встречая повсюду страшные следы злодеяний и разорения, — тем сильнее рвались вперед.

Освобождение Родины еще не было завершено, когда Красная Армия в ряде мест перешла государственную границу и началось освобождение стран Европы от фашистской оккупации. Тут проявились такие грани сознания и психологии советского солдата, как интернационализм, гуманизм, солидарность с другими народами, пострадавшими от гитлеризма.

Вступление на территорию Германии не могло не вызвать целого комплекса более сложных, противоречивых, далеко не однозначных мыслей и чувств. «Наступаем, можно сказать, совершаем триумфальное шествие по Восточной Пруссии, — рассказывала в письме своему фронтовому другу военврач Н.Н. Решетникова. — Ничего общего нет с нашим лесным наступлением [в Карелии]. Двигаемся по прекрасным шоссе. Всюду и везде валяется разбитая техника, разбитые фургоны с различным ярким тряпьем. Бродят коровы, свиньи, лошади, птицы. Трупы убитых перемешались с толпами беженцев — латышей, поляков, французов, русских, немцев, которые двигаются от фронта на восток на лошадях, пешком, на велосипедах, детских колясках, и на чем только они не едут. Вид этой пестрой, грязной и помятой толпы ужасен, особенно вечером, когда они ищут ночлега, а все дома и постройки заняты войсками. А войск здесь столько, что даже мы не всегда находим себе дома. Вот, например, сейчас расположились в лесу в палатках... Жили здесь культурно и богато, но поражает стандарт везде и всюду. И после этого окружающая роскошь кажется ничтожной, и, когда замерзаешь, то без сожаления ломаешь и бьешь прекрасную мебель красного или орехового дерева на дрова. Если бы ты только знал, сколько уничтожается ценностей Иванами, сколько сожжено прекраснейших, комфортабельных домов. А в то же время солдаты и правы. С собой на тот свет или на этот всего взять не может, а, разбив зеркало во всю стену, ему делается как-то легче, — своеобразное отвлечение, разрядка общего напряжения организма и сознания» [15].

Это уничтожение предметов роскоши и быта на вражеской земле, отмеченное военным медиком, служило не только для психологической разрядки. В нем и в отдельных актах насилия по отношению к гражданскому населению Германии люди выплески-

вали чувство мести за гибель семьи и друзей, за свой разрушенный дом, за свою варварски разоренную землю. И часто этот стихийный праведный гнев не могли сдерживать суровые приказы командования и разъяснения политотделов, стремившихся предотвратить нежелательные эксцессы. Не всегда срабатывало даже сталинское «гитлеры приходят и уходят, а народ ... германский остается» [16].

И все же большинству советских воинов удалось преодолеть столь естественные в данных условиях чувства, проявив великодушие к побежденным. Свою роль в предотвращении эксцессов сыграли и суровые приказы. 20 апреля 1945 г. была принята даже специальная директива Ставки Верховного Главнокомандования о поведении советских войск в Германии [17]. Состоялось несколько показательных судебных процессов с вынесением смертных приговоров виновным [18].

Свыше года около 7 млн советских воинов сражались за пределами Родины. Больше миллиона из них погибли за освобождение народов Европы от фашистской оккупации [19]. И подвиг их нельзя поставить под сомнение, даже если освободительная миссия Советской Армии заключала в себе противоречие, создавая условия для насаждения режимов по образцу сталинского. Объективно являясь освободителем народов от власти фашистской Германии и в полной мере ощущая себя таковым, проливая кровь за их свободу, советский солдат не мог до конца осознавать всех политических последствий вступления Советской Армии на территорию этих стран и, тем более, нести за них ответственность. Установленные в Восточной Европе режимы, определенные советской идеологией как «народные», именно так и воспринимались солдатской и офицерской массой.

Для заключительного этапа войны характерным было ощущение близости победы. Чем ближе она была, тем большими были желание и надежда выжить, тем труднее было подниматься в атаку под огонь яростно сопротивляющегося врага, тем больнее и обиднее были потери товарищей и друзей, страшнее возможность собственной гибели. Было и совершенно особое чувство у тех, кто воевал на других фронтах, не на главном направлении. «Как же так, а Берлин? Мы на Берлин хотим! Воевали, воевали, а Берлин без нас брать будут? Ведите нас на Берлин!» [20]. Это желание закончить войну в сердце фашистской Германии, именно там, откуда она вышла «на горе и проклятье людям», было одной из психологических доминант последних месяцев войны.

В целом Великая Отечественная война оказала огромное влияние на духовный облик пережившего ее поколения и особенно фронтовиков. Изменилось отношение личности к разным областям действительности и жизненным ценностям. Произошло и духовное, нравственное единение общества, без которого победить было бы невозможно. В этом единении и есть та целостность фронтового поколения, которая позволяет отнести к нему представителей различных возрастных когорт, принимавших участие в этой Великой войне.

Глубоко закономерно, что в ходе войны возродились многие русские национальные традиции и ценности, предававшиеся анафеме с позиций коммунистической иде-

ологии в течение двух с лишним десятилетий. Произошло определенное изменение в отношениях государства с православной церковью. Пропагандистская машина обратилась к историческому прошлому, к образам героев — «освободителей земли Русской». Возрождение традиций старой русской армии проявилось не только в учреждении орденов Александра Невского, Суворова, Кутузова, Нахимова, Ушакова и Богдана Хмельницкого, введении офицерских званий и погон, но и в самом объявлении войны с фашистской Германией Отечественной, по примеру памятных событий 1812 г.

Реальное содержание приобрели советский патриотизм и интернационализм, перед войной опиравшиеся во многом на искусственные лозунги. Не коммунистический мессианизм, а необходимость выжить в схватке с общим смертельным врагом сплотила народы Советского Союза. В общественном сознании акцент смещался с классовых коминтерновских установок к чувству Родины — большой и малой. Именно из этого глубоко личностного чувства миллионов людей все больше складывалось теперь отношение к Отечеству как общему дому советских народов. «Мы побеждаем смерть не потому, что мы неуязвимы, — писал в октябре 1942 г. матери с фронта летчик Ю. Казьмин, — мы побеждаем потому, что мы деремся не только за свою жизнь; мы думаем в бою о жизни мальчика-узбека, грузинской женщины, русского старика. Мы выходим на поле сражения, чтобы отстоять святая святых — Родину» [21]. При всей патетичности этих слов они отражали вполне искренние чувства и мироощущение.

Если перед войной имела широкое распространение идея мировой революции и освобождения «угнетенных братьев по классу», то с началом фашистского вторжения на смену ей пришли и выдвинулись на первый план другие идеи — национально-патриотические и антинацистские. Коммунистические стереотипы слабели, лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» был отложен «до лучших времен». На завершающих этапах войны появились новые оттенки в понимании ее целей: не только победить и изгнать врага с родной земли, но и принести освобождение от фашизма соседним народам. Так это выглядело и в официальной пропаганде, и в реальном массовом сознании. Одновременно в понятие «освобождение» в какой-то мере вновь стал вкладываться и довоенный «классовый» смысл — освободить трудящихся от «гнета капитала», установить наилучшую форму правления и т.п. — на утверждение этих идей продолжала работать и мощная пропагандистская машина.

Были и другие важнейшие мировоззренческие и моральные принципы, определявшие психологию армии и окрепшие в годы войны. Особое значение имел коллективизм, проявлявшийся в товариществе, взаимовыручке, фронтовом братстве. «Фронтровая жизнь сближает людей очень быстро, — писал 20.12.45 г. из Германии невесте своего погибшего друга боец И. Шувалов. — Достаточно с человеком побыть день-два, как уже узнаешь все его качества, все его чувства, что на гражданке не узнаешь за год. Нет крепче дружбы, чем фронтовая, и ее ничто не может разбить, даже смерть» [22]. В боевой обстановке, где смерть всегда висела над головой, острее, обнаженнее были чувства. О том, что никогда уже больше не встречали таких людей и такой дружбы, как на фронте, говорили многие фронтовики. Чувства боевого товарищества, фронтового братства были одними из самых сильных и необходимых на войне.

Исключительную важность имели те социально-психологические качества советских людей, которые сказались в восприятии военных тягот (стойкость, выдержка, твердость характера) и опасности (мужество, отвага, готовность к самопожертвованию). Это не значит, что не было противоположных проявлений: экстремальные ситуации высвечивают не только лучшие, но и худшие стороны человеческой природы. Но даже противники вынуждены были признать особые качества и массовый повседневный героизм советских солдат. Тот факт, что за годы войны орденами и медалями награждены 12 млн человек, говорит сам за себя, но все же не до конца отражает величие совершенного тогда подвига. Миллионы безымянных героев в неменьшей степени заслуживают благодарности потомков.

При всей противоречивости факторов, влиявших до и в ходе самой войны на общественное сознание, советские люди, говоря словами французского историка М.Ларана, «духовно оказались неизмеримо выше своего врага» [23]. А фундаментом этого безусловного нравственного превосходства явился справедливый, освободительный характер борьбы, которую они вели.

Война, опалившая миллионы советских людей, вместе с тем внутренне освободила многих из них, подняла в человеческом достоинстве, дала новый опыт и независимость мышления. На многое война заставила взглянуть по-другому, «самым суровым образом возвращала не только к горькой действительности, но и к подлинным ценностям и реальным представлениям, требовала сознательного выбора и самостоятельных решений. Без этого невозможно было одолеть врага» [24]. На прочность проверялись слова, принципы, убеждения. И не только они. «Там, на войне, — вспоминал бывший командир пехотного взвода В. Плетнев, — я научился ценить и понимать людей. ... За короткий срок, если не разумом еще, то чувством, постигались истины, к которым человечество шло иногда столетиями» [25]. «Была в войне одна странность, — признавал В.Кондратьев, — на ней мы чувствовали себя более свободными, нежели в мирное время» [26]. Именно в это тяжелейшее для страны время общественное сознание сделало первый шаг к разрушению идеологических стереотипов, подготовив тем самым грядущие перемены.

Неслучайно послевоенная судьба многих фронтовиков, их отношения с властью складывались далеко не просто. Безусловно, победа 1945 г. укрепила авторитет Сталина, даже независимо от эффекта работавшей на это мощной пропагандистской машины. Но столь однозначного доверия к существовавшей системе, готовности принять любые ее действия, а тем более возобновившиеся репрессии, как перед войной, в обществе уже не было. Примечательно, что именно фронтовые офицеры стали той силой, которая уничтожила бериевский репрессивный аппарат.

* * *

Исход любой войны в конечном счете всегда определяли люди. Великая Отечественная война советского народа против фашистской Германии показала это с особой ясностью. Тогда на чашу весов истории легло соотношение всего комплекса экономических, по-

литических и стратегических рычагов противоборствующих сторон, но морально-психологическое превосходство советского солдата оказалось самым весомым. «Это была тяжелая школа, — признавал в своих мемуарах немецкий генерал Блюментрит. — Нам противостояла армия, по своим боевым качествам намного превосходившая все другие армии, с которыми нам когда-либо приходилось встречаться на поле боя» [27]. Сегодня раскрыто уже немало «белых пятен» в истории предвоенного и военного времени, откровенно говорится о том, что замалчивалось десятилетиями. Здесь и репрессии, и просчеты командования, и намного превосходящие прежние официальные данные цифры наших потерь в войне, и многое другое. Но все это не только не может принизить, но, напротив, объективно подчеркивает величие подвига советского солдата, ценой огромных жертв одолевшего фашизм. «Мы победили, это однозначно и непереоценимо, как для судеб наших народов, так и для будущего земной цивилизации. Участники этой войны — действительно герои, и прошедшие ее с первого до последнего дня, и вставшие в ее стрелковые цепи на заключительном этапе боев. Хватило всем под завязку. Победили, и, по-видимому, это главное» [28].

А сам феномен формировавшегося тогда фронтового поколения по своей значимости выходит за рамки Великой Отечественной войны и даже Победы. Жизнь этого поколения продолжалась и после, а специфика трансформации общественного сознания, вызванной военными потрясениями, стала важным фактором последующего обновления общества, политических изменений в контексте «оттепели», в целом отечественной истории XX столетия.

Примечания:

- [1] Фрейлих С. Поколение // Коммунист. 1988. № 7. С. 43–44.
- [2] Кондратьев В. Не только о своем поколении. Заметки писателя // Коммунист. 1990. № 7. С. 113, 123.
- [3] Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование. М., 1993. С. 139; Россия и СССР в войнах XX века: Статическое исследование. М., 2001. С. 218–219.
- [4] Гриф секретности снят. С. 139.
- [5] По данным Красного Креста, к концу 1941 г. фашистские войска захватили в плен 3,8 млн. советских солдат и офицеров. См.: Аргументы и факты. 1990. № 6. С. 8. А всего за годы войны, по последним официальным данным, пропало без вести и захвачено в плен 4 млн. 559 тыс. военнослужащих Красной Армии. См.: Известия. 1998. 25 июня; Россия и СССР в войнах XX века. С. 248.
- [7] Костерин С. В каждом доме это день // Советская Россия. 1986. 9 мая.
- [8] Рассчитано по: Бессмертные подвиги. М., 1980. С. 81–110; Бессмертное племя матросовцев. М., 1990. С. 234–284.
- [9] Шумихин В.С., Борисов Н.В. Немеркнувший подвиг. Героизм советских воинов в годы Великой Отечественной войны. М., 1985. С. 220.
- [10] Кассис В., Комаров В., Чичков В. Покой нам и не снился. М., 1982. С. 25–26.
- [11] Цит. по: История Отечества: Люди, идеи, решения. Очерк истории Советского государства. М., 1991. С. 258.

- [12] Советский Союз в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. М., 1985. С. 29.
- [13] Овчинникова Л. Пишу перед боем // Комсомольская правда. 1989. 9 мая.
- [14] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 14. С. 318.
- [15] Переписка с Н.Н. Решетниковой. 1942–1945 гг. // Из личного архива Ю.П. Шарапова.
- [16] Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1952. С. 46.
- [17] См.: Семиряга М.И. Как мы управляли Германией. М., 1995. С. 314–315.
- [18] Там же.
- [19] См.: Нам дороги эти позабыть нельзя: Воспоминания фронтовиков Великой Отечественной. Киев, 1980. С. 301–302; Великая Отечественная война. Вопросы и ответы. М., 1984. С. 419.
- [20] Венок славы. Антол. худож. произвед. о Великой Отечественной войне. В 12-ти т. М., 1986. Т. 11. С. 95–96.
- [21] Жуков Ю. Солдатские думы. М., 1987. С. 31.
- [22] ЦМ ВС РФ. 83413/2; 4/40287/2.
- [23] Laran M. Russie-URSS. 1870–1970. Paris, 1974, p. 200.
- [24] Кондратьев В. Красные ворота. Повесть. Роман. М., 1988. С. 411–412.
- [25] Гуськов С. Если останусь жив. М., 1989. С. 215.
- [26] Кондратьев В. Парадокс фронтовой ностальгии // Литературная газета. 1990. 9 мая.
- [27] Роковые решения. М., 1958. С. 72–73, 98.
- [28] Быков В. Так что же сделали с Победой? // Комсомольская правда. 1990. 29 сентября.

Список литературы:

- Бессмертное племя матросовцев. М., 1990.
- Бессмертные подвиги. М., 1980.
- Быков В. Так что же сделали с Победой? // Комсомольская правда. 1990. 29 сентября.
- Великая Отечественная война. Вопросы и ответы. М., 1984.
- Венок славы. Антол. худож. произвед. о Великой Отечественной войне. В 12-ти тт. М., 1986. Т. 11.
- Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование. М., 1993.
- Гуськов С. Если останусь жив. М., 1989.
- Жуков Ю. Солдатские думы. М., 1987.
- История Отечества: Люди, идеи, решения. Очерк истории Советского государства. М., 1991.
- Кассис В., Комаров В., Чичков В. Покой нам и не снился. М., 1982.
- Кондратьев В. Красные ворота. Повесть. Роман. М., 1988.
- Кондратьев В. Не только о своем поколении. Заметки писателя // Коммунист. 1990. № 7.
- Кондратьев В. Парадокс фронтовой ностальгии // Литературная газета. 1990. 9 мая.
- Костерин С. В каждом доме это день // Советская Россия. 1986. 9 мая.
- Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 14.
- Нам дороги эти позабыть нельзя: Воспоминания фронтовиков Великой Отечественной. Киев, 1980.
- Овчинникова Л. Пишу перед боем // Комсомольская правда. 1989. 9 мая.
- Переписка с Н.Н. Решетниковой. 1942–1945 гг. // Из личного архива Ю.П. Шарапова.

Роковые решения. М., 1958.

Россия и СССР в войнах XX века: Статическое исследование. М., 2001.

Семиряга М.И. Как мы управляли Германией. М., 1995.

Советский Союз в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. М., 1985.

Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1952.

Фрейлих С. Поколение // Коммунист. 1988. № 7. С. 43–44.

ЦМ ВС РФ. 83413/2; 4/40287/2.

Шумихин В.С., Борисов Н.В. Немеркнущий подвиг. Героизм советских воинов в годы Великой Отечественной войны. М., 1985.

Laran M. Russie-URSS. 1870–1970. Paris, 1974.

УДК 94

ВЕРА ДУБИНА

Сексуальное насилие в годы Второй мировой войны: память, дискурс, орудие политики

Аннотация. В последнее десятилетие в СМИ ФРГ и других европейских стран на первый план в коммеморации Второй мировой войны вышли сюжеты об изнасилованиях немецких женщин советскими солдатами-победителями. В статье анализируются основные вехи развития публичного дискурса на эту тему и его воздействие на историческую память. Он является частью более общей тенденции конструирования «нового» образа войны. Вина Германии и преступления нацистских войск на Восточном фронте замалчиваются, частям СС противопоставляется «чистый» Вермахт, немецкий народ представляется жертвой, а Советская армия — дикими ордами, противостоящими цивилизованному европейскому сообществу. Рассматриваются критическая реакция на этот дискурс со стороны профессиональных историков, а также состояние и проблемы исследований реального сексуального насилия на разных фронтах Второй мировой войны.

Ключевые слова: Вторая мировая война, сексуальное насилие на войне, Германия, ФРГ, память о Второй мировой войне, образ Второй мировой войны, немецкая вина, Восточный фронт, преступления Вермахта, тема изнасилований немецких женщин, советские солдаты.

Сразу после окончания войны знаменитый немецкий философ Карл Ясперс (1883–1969) прочел в Гейдельбергском университете лекцию на волновавшую всех немцев тему — «Вопрос немецкой вины». Он говорил о различной степени вины — уголовной, политической, моральной и метафизической — и как следствие, о различной степени ответственности за преступления нацизма, лежащей не только на прямых «уголовных» преступниках — СС или нацистском правительстве, но и на всей немецкой нации [1]. В последние десятилетия наблюдается тенденция ревизии тезиса о «немецкой вине», частью которой является попытка представить немецкий народ жертвой Второй мировой войны. Тема сексуального насилия вписывается в эту уже давнюю кампанию и эмоционально весьма усиливает ее. Многочисленные интервью с изнасилованными женщинами, описания жестоких сцен в прессе и на телевидении включают механизм эмпатии и солидарности. Общая оценка военных событий смещается в сторону сочувствия немецкому народу, отодвигая на задний план вопрос ответственности за преступления нацизма. Новые акценты формируют соответствующее отношение к войне у молодого поколения европейцев. В этом дискурсе Советская Армия предстает дикими ордами, не знавшими пощады, а Советский Союз — чуть ли не агрессором.

Сведения об авторе: ДУБИНА Вера Сергеевна — доцент кафедры Истории и теории культуры Российского государственного гуманитарного университета, кандидат исторических наук; vera.dubina@gmail.com.

«Войдя в Германию, многие красноармейцы занимались поджогами, грабежами, убийствами. И еще они насильовали немок. Конечно, это делали не только русские: солдаты других союзных армий, наступавших с Запада, также были виновны в сексуальном насилии. Но большинство специалистов считает, что наиболее острый характер эта проблема приобрела на востоке Германии. По оценкам историков, в последние месяцы войны было изнасиловано почти 2 млн немок — женщин и девочек; многие из них неоднократно» [2]. Этот отрывок в переводе из журнала «Шпигель» не один раз обошел российские новостные сайты и блоги и по сей день представляет собой наиболее цитируемый пассаж в русскоязычном Интернете по теме сексуального насилия в годы Второй мировой войны.

«Шпигель» поднял эту тему в связи с выходом на экраны в 2008 г. польско-немецкого фильма «Безымянная — одна женщина в Берлине», за которым последовала цепная реакция в прессе. Историю молодой немецкой девушки, неоднократно изнасилованной и решившейся на сожительство с советским офицером, чтобы защитить себя от постоянных домогательств, СМИ представили в качестве «нового» образа Второй мировой войны. В современном мире, где большинство людей больше смотрят телевизор или ходят в кино, чем читают (тем более серьезные исследования), подобный медиаход действительно может привести к массовой переоценке исторического события.

Несмотря на болезненность и сложность темы сексуального насилия в период Второй мировой войны, монографические исследования по этому вопросу начали появляться уже в 70-е годы прошлого века [3]. Что касается воспоминаний, которые легли в основу фильма, — они были опубликованы в 1954 г. на английском и в 1959 г. на немецком языках [4]. Тогда они не вызвали особого интереса у немецкой публики и даже получили негативную оценку. Жених автора мемуаров был шокирован ее желанием открыто обсуждать свою историю и расстался с ней, когда она объявила о публикации воспоминаний [5]. После смерти автора в 2001 г. ее мемуары были переизданы — и стали бестселлером. Это говорит о перемене в настроениях европейского общества и появлении новых точек «коммеморации» [6] в отношении Второй мировой войны.

Видный исследователь темы сексуального насилия на Восточном фронте, сотрудница Института социальных исследований (Гамбург) Регина Мюльхойзер отмечает общую тенденцию немецких масс-медиа: «В условиях замалчивания сексуальных преступлений Вермахта, которые по сей день остаются весьма малоизученными, изнасилования, совершенные советскими солдатами, постоянно являются предметом медийных скандалов» [7]. Нарастание этой тенденции, считает она, можно проследить с фильма Барбары Йор и Хельки Сандер «Освободители и освобожденные» (1992), за которым последовали переиздание воспоминаний «Безымянная — одна женщина в Берлине» в 2003 г. и двухсерийный телевизионный фильм немецкого канала ЦДФ «Бегство» (2007) [8].

Главной целью повышенного интереса к данной теме авторы вышеперечисленных медийных проектов называют стремление снять табу и открыто говорить о теме сексуального насилия вообще и во время войны в частности. В упомянутой вначале статье журнала «Шпигель» главными экспертами выступает немецкий ученый-психиатр из

университета Грайфсвальда Филипп Куверт совместно с практикующим врачом Моникой Хаузер, оказывающей помощь женщинам и девочкам, пострадавшим от сексуального насилия в зонах конфликтов. Оба высказали надежду, что «проект поможет сломать табу, наложенное на проблему изнасилований в период Второй мировой войны», а женщины, посмотревшие фильм, вспомнят о своем вытесненном опыте сексуального насилия во время войны и обратятся к ним за помощью [9]. В опубликованных в статье фрагментах интервью журналу «Шпигель» Филипп Куверт особенно подчеркивает, что «с научной точки зрения не важно, идет ли речь о русском солдате в Германии или о немецком в СССР. Мы поддерживаем контакты с учеными, ведущими такую же работу в Восточной Европе — в украинском городе Донецке и Санкт-Петербурге. Так что мы изучаем вопрос не только с немецкой точки зрения» [10].

Какими бы намерениями ни руководствовались врачи-психиатры, их выступления представляют «научную основу» для тиражируемого СМИ нового сценария воспоминаний о Второй мировой войне, в котором изнасилованиям немецких женщин отведено ключевое место. Для психиатра, может быть, и не важно, идет ли речь о русском солдате в Германии или о немецком в СССР, но это важно для историка, для общей картины исторического события. Как отмечала профессор Колумбийского университета (Нью-Йорк) Атина Гроссманн, «Изнасилование в данном контексте — не просто изнасилование, оно здесь вписано в определенный исторический контекст. Германия в 1945 г. — это не Босния в 1990-е, не улицы современного Нью-Йорка или чье-нибудь супружеское ложе» [11]. Поэтому неуместно описывать события с точки зрения жертвы, для которой происшедшее является частью только ее частной драмы, а необходимо рассматривать весь исторический контекст.

По словам Регины Мюлхойзер, дискурс, ставящий изнасилования немецких женщин в центр воспоминаний о войне, поддерживает следующие три направления восприятия события:

1. Ревизионистская позиция: массовые изнасилования немецких женщин советскими солдатами подтверждают неизбежность войны Германии с «нецивилизованным» Советским Союзом.
2. Умеренная позиция, не прославляющая войну, но открывающая возможность для восприятия немцев как жертв войны.
3. Позиция наивного феминизма, исходящего из универсальной патриархальной модели: женщина всегда, особенно на войне, может стать жертвой насилия со стороны мужчины.

Последняя позиция, по мнению автора, содержит в себе две опасности: она выдерживает изнасилования женщин солдатами советских оккупационных войск из контекста войны и упускает из виду тот факт, что многие женщины также были членами нацистских организаций и участвовали в преступлениях, а, следовательно, не могут рассматриваться как пассивные жертвы [12].

Многим историкам очевидна опасность взгляда на Вторую мировую войну через призму эмоционально нагруженной картины изнасилований. Полемично настроенные

ученые, как, например, Ханнес Хер, организатор нашумевшей выставки «Преступления Вермахта. 1941–1944», говорят о смещении воспоминаний о войне в сторону нового варианта коммеморации: немецкий народ — жертва Третьего рейха. Организованная им в 1995 г. в Гамбурге передвижная выставка экспонировала фотографии и документы, показывающие издевательства «простых» немецких солдат над мирным населением Советского Союза. Выставка вызвала общественный скандал и была в результате закрыта. Официальной причиной закрытия стал недобросовестно отобранный автором материал: в некоторых случаях фотографии были неправильно атрибутированы. Во втором, существенно переработанном варианте выставки (2000–2004 гг.) Хер представил подробную и доказательную презентацию исторических документов. На стендах были размещены многократно увеличенные копии директив командования вермахта, касающиеся подготовки и ведения агрессивной войны против Советского Союза, криминального характера оккупационного режима [13]. Главный посыл выставки — показать преступления Вермахта на Восточном фронте и разбить миф о неучастии Вермахте в преступлениях против мирного населения, — не встретил сочувствия у большей части немецкой общественности.

Вышедшая в 2004 г. книга Ханнеса Хера, называется «Замалчивая преступления. Война массового уничтожения имела место, но никто в ней не участвовал» [14]. Само название направлено против доминирующего в последние десятилетия в научной литературе тренда — изучения преимущественно страданий немецкого мирного населения в военные годы. Начиная с 1990-х годов все больше и больше книг и передач в Германии посвящается *Bombenkrieg* — разрушению немецких городов в конце войны, а также мародерству союзных оккупационных войск, изгнанию мирного немецкого населения из Прибалтики и с территории нынешней Польши. Современная немецкая память о войне нагружена коммеморацией страданий в последний период войны. Тема сексуального насилия служит серьезным дополнением к этому образу народа-жертвы.

Размах и сила воздействия медийных проектов, представляющих немецких женщин жертвами сексуального насилия, заставила высказаться и тех немецких историков, которых не заподозришь в симпатиях к Советскому Союзу. Например, Ханс-Хайнрих Нольте в своей недавней статье «Изнасилования, совершенные немецкими солдатами на Восточном фронте» [15], анализирует источники, позволяющие изучать сексуальное насилие на территории бывшего СССР. В основу статьи положен проведенный в 1999 г. опрос женщин, узниц концентрационного лагеря Берген-Белзен в районе Днепропетровска. Исследования натолкнулись на узость источниковой базы и нежелание русских респонденток (в отличие от немецких) отвечать на подобные вопросы. Поскольку изнасилования на немецких территориях исследованы много лучше, Нольте предлагает идти путем сравнения русского и немецкого опыта [16]. Эту позицию поддерживает, хотя и из других соображений, отечественный историк Геннадий Бордюгов: «...только через сравнение мы можем понять разную природу преступлений, которые творили солдаты, офицеры Вермахта и Красной Армии. Это природа была абсолютно противоположная, разная» [17].

Так или иначе, опыт сексуального насилия над женщинами на оккупированной советской территории невозможно изучать без соотнесения с опытом немецким и с не-

мецкими исследованиями по этой тематике. Будь это апелляция к патриотическим чувствам, преобладающим, скажем, в русскоязычных блогах, или дистанцированная позиция стороннего наблюдателя, на которую претендует Нольте: «русские женщины, в силу другого менталитета, не избавлялись от зачатых в результате изнасилования детей, в то время как 90% немецких женщин в этой ситуации подали прошения о разрешении на прерывание беременности» [18]. В любом случае изучение сексуального насилия во время Второй мировой войны предполагает исследование поведения как нацистских, так и союзнических войск. В частности, Регина Мюльхаузер считает абсолютно необходимой открытую дискуссию по вопросу сексуального насилия на оккупированных территориях Восточной Европы. К настоящему моменту можно назвать не так уж много работ на эту тему [19].

Недостаток исследований по проблеме сексуального насилия на Восточном фронте долгое время объяснялся тем, что тема не поддается изучению. Так, Нольте в упомянутой статье повторяет старый тезис американского историка Нормана Наймака: «Тема сексуального насилия во время Второй мировой войны в СССР табуизировалась, ни мемуары, ни другая литература того периода ее не обсуждают» [20]. Тем не менее практические исследования изнасилований показывают, что эта тема оказывается одной из центральных в дневниковых записях офицеров и солдат на фронте [21]. Она табуизировалась уже после войны, но не в период военных действий: как советские, так и немецкие солдаты много пишут в своих фронтовых записках о сексуальных контактах с женщинами оккупированных территорий. Так что неисследованность этого аспекта войны была связана скорее не с недостатком источников, а с нежеланием их изучать. Регина Мюльхойзер нашла достаточно материала, чтобы написать монографию «Сексуальное насилие и интимные отношения немецких солдат на территории Советского Союза в 1941–1945 гг.», которая вышла в свет в марте 2010 г. [22]. Основу ее источниковой базы составили дневниковые записи солдат, их письма с фронта, свидетельства очевидцев, а также переписка различных ведомств, в том числе полевых судов Вермахта.

Журнал «Шпигель», опубликовавший нашумевшую статью о фильме «Безымянная. Одна женщина в Берлине» в 2008 г., в марте нынешнего года напечатал обзор книги Мюльхойзер, в котором приводятся данные из монографии. «Полевые суды Вермахта к 1944 г. осудили 5349 немецких солдат за «запрещенные сексуальные сношения с русским населением на Восточном фронте». В действительности число подобных случаев без сомнения было намного больше» [23]. Точное число жертв изнасилований среди русского населения невозможно определить, как невозможно говорить о каких-либо точных цифрах в Восточной Пруссии. Указанная «Шпигелем» в 2008 г. цифра — 2 млн — выглядит серьезным преувеличением. Число изнасилованных немецких женщин колеблется в работах различных исследователей от 20 тыс. до 1,5 млн. По оценкам Атины Гроссманн, наиболее реалистичной является цифра около 110 тыс. [24] В данном случае эти цифры нечего не доказывают, и не в них, конечно, суть научных устремлений Регины Мюльхойзер. Главным посылом ее книги является развенчание мифа о «чистом» Вермахте, то есть о Вермахте, не запятнавшем себя, в отличие от формирований СС, какими-либо насильственными действиями по отношению к мирному населению.

Сам факт существования подобного мифа кажется немыслимым человеку, выросшему в Советском Союзе. Например, я была потрясена до глубины души, когда моя немецкая подруга, студентка исторического факультета, осуждала русских партизан, «которые стреляли в спину ни в чем не повинным немецким юношам», потому что, по ее мнению, только формирования СС уничтожали местное население, а солдаты Вермахта были просто мальчишками, отправленными на войну. Моя подруга не была правой экстремисткой — она выросла в Баварии и, не будучи специалистом по этой теме, судила о войне, исходя из сформированной у нее памяти о прошлом.

В отличие от ГДР, где советские войска рассматривались как освободители, а немецкое население социалистической Германии — как антифашисты, в Западной Германии нацистские преступления на Восточном фронте были вытеснены из памяти о войне. «Оба самых страшных и тесно взаимосвязанных преступления нацизма — холокост и военная кампания на Восточном фронте — получили различное развитие в памяти о войне в ФРГ и ГДР — пишет историк Кристина Морина. Если в Западной Германии воспоминания о преступлениях нацизма концентрировались на уничтожении евреев, то в ГДР официальная память о войне формировалась вокруг нападения Германии на Советский Союз» [25].

Таким образом, тема преступлений на Восточном фронте на протяжении многих лет оставалась в Западной Германии вытесненной из официальной памяти, что, по мнению Мориной, можно записать, прежде всего, на счет холодной войны. В дискурсе холодной войны Советский Союз олицетворял собой главную угрозу для Запада — угрозу коммунизма. Здесь подключался также и цивилизаторский (колониальный) дискурс — борьбы западного цивилизованного общества с восточными варварами. Это сделало возможным распространение мифа о «чистом» Вермахте, старательно пестуемого средним классом Западной Германии [26].

Только в 1980-е годы в ФРГ стали открыто говорить о «войне на уничтожение» (*Vernichtungskrieg*). Опубликованная в 1987 г. в газете «Цайт» статья Вольфрама Ветте «Ограбить, разрушить, уничтожить. Бремя 1941 г. Поход против Советского Союза был с самого начала войной, направленной на разграбление и уничтожение» открыла эту тему для обсуждения в немецкой прессе [27]. За этим следовало несколько конференций и исследований, посвященных преступлениям нацизма на Восточном фронте, что способствовало прочному утверждению термина *Vernichtungskrieg* в немецкой историографии [28].

Тема сексуального насилия, как показала Элизабет Хайнеман, использовалась в дискурсе холодной войны для того, чтобы подчеркнуть разграничение с Советским Союзом [29]. За массовыми изнасилованиями скрывается менталитет, который для современного европейского человека представляет нечто дикое и чуждое; именно этот «азиатский» тип мышления, низводящий женщину до ранга «заслуженного приза победителя», приписывался советским войскам. Поскольку в составе Советской Армии были представители азиатских народов, этот миф, по словам Э. Хайнеман, казался немцам еще более убедительным. Таким образом, изнасилования выглядели как азиатское

нарушение европейских норм, а отступление немецких войск с территории Советского Союза оказывалось одновременно наступлением «азиатов» на традиции и ценности западной цивилизации. Изнасилованные женщины символизировали страдания всего цивилизованного народа [30].

Попытки современной прессы представить историю сексуального насилия только что родившейся на свет темой, которая дает возможность увидеть «настоящее» лицо Второй мировой войны, легко опровергается предыдущими исследованиями. История изнасилований с самого начала была идеологически нагружена, но она не замалчивалась ни сразу после вступления союзнических войск на территорию Германии, ни в первые месяцы после окончания войны. Как подробно показывает в своей статье Атина Гроссманн, в первые месяцы жизни под властью оккупационных войск женщины не только свободно говорили об этом в своих дневниках и воспоминаниях, но и открыто обсуждали эту тему между собой, например, в очереди за водой. Еще до вступления советских войск в Берлин городские власти приготовили дополнительные места в родильных отделениях, а женщины были проинформированы нацистской пропагандой о предстоящем им насилии. Эта пропаганда представляла советские войска как не знающие милосердия орды Чингисхана, которые уничтожат все на своем пути. Образ дикого «монгола», который тиражировали пропагандистские плакаты, использовался нацистской властью в качестве жупела, заставлявшего население бороться и тогда, когда война была уже очевидно проиграна [31].

Как пишет Атина Гроссманн, население Германии догадывалось о преступлениях на Восточном фронте и знало хотя бы по слухам о том, что поведение Вермахта и СС на территории Советского Союза сильно превысило границу известной прежде военной жестокости, а потому ожидало ответной мести в тех же масштабах [32]. Нацистская пропаганда активно использовала советские призывы военной поры («Отомсти!», «Убей немца!») или статью в «Правде» от 14 апреля 1945 г., чтобы представить немецкому населению те ужасы, которые ожидают его под советской оккупацией. Как такие призывы действовали на советских солдат, навидавших в войну сожженных деревень, убитых и замученных соотечественников, в том числе и собственных родственников, также несложно представить. В мемуарной литературе, особенно в дневниках, написанных непосредственно во время событий, советские офицеры много рассказывают о том, какой пустынной и запуганной они застали Германию и о случаях мести по отношению к немецкому населению со стороны советских войск [33]. Заранее подготовленное нацистской пропагандой, столкнувшись с реальными произволом и насилием, немецкое население еще больше уверовало в миф об «азиатских толпах». Однако вид страданий немецкого населения и приказы советского командования постепенно ослабили жажду мщения советских войск. «Горе Германии, заслуженное горе, прошло перед моими глазами, и я поклялся себе не обидеть жены и дитяти врага своего», — написал в своем военном дневнике будущий известный поэт Давид Самойлов [34].

Постепенно немецкое население научилось приспосабливаться к оккупационным войскам и договариваться с ними. Сексуальные отношения между солдатами/офицерами и немецкими женщинами имели тут разные стороны — это было и прямое на-

силе, и сожительство из прагматических соображений, и романтические увлечения. В.Н. Гельфанд описывает в дневнике свои ухаживания за немецкой девушкой. «Мать девушки осталась довольна мною, — записал он. — Еще бы! На алтарь доверия и расположения со стороны родных мною были принесены конфеты и масло, колбаса, дорогие немецкие сигареты. Уже половины этих продуктов достаточно, чтобы иметь полнейшее основание и право что угодно творить с дочерью на глазах матери, и та ничего не скажет против. Ибо продукты питания сегодня дороже даже жизни, и даже такой юной и милой чувственницы, как нежная красавица Маргот» [35].

Вопрос о сексуальном насилии в Германии с самого начала был признан социальной и медицинской проблемой. Изнасилованные женщины получали медицинскую помощь, а также возможность избавиться от нежелательной беременности: 218 статья нацистского уголовного кодекса, запрещающая аборт, с момента вступления союзных войск на территорию Германии практически игнорировалась, а на территории советского сектора была официально отменена. По мнению Атины Гроссманн, сексуальное насилие приравнивалось в первые месяцы оккупации к неминуемым последствиям войны и население приспособлялось к этим обстоятельствам, разрабатывая свои стратегии выживания. Опыт пережитого изнасилования не был постыдным в условиях оккупации, но стал замалчиваться позже из страха перед реакцией вернувшихся с фронта мужчин [36].

Сексуальное насилие немецких войск над мирным населением Советского Союза также не скрывалось, и в первое время после освобождения было темой для обсуждения. На Нюрнбергском процессе приводились свидетельства женщин, ставших очевидцами изнасилований. Вот показания одной из них из материалов Нюрнбергского процесса: «16-ти летнюю Л.И. Мечникову солдаты увели по приказу офицера Хуммера в лес, где они ее изнасиловали. Через некоторое время другие женщины, которых тоже завели в лес, увидели на дереве доски, к которым было прибито тело Мечниковой. На глазах женщин немцы отрезали у нее грудь» [37]. Сексуальное насилие рассматривалось как часть массовых преступлений нацистов на территории Советского Союза и стало, как и в Германии, «семейной проблемой» уже после возвращения мужчин с войны.

Данный механизм хорошо показан в фильме «Бабье царство», снятом в Советском Союзе в 1967 г. Это один из редких примеров советского кино, где тема изнасилования занимает центральное место в сюжете [38]. В самом начале фильма немецкий солдат пытается изнасиловать 15-летнюю девочку Дуняшу. Настя Петренко бросает себя «как кусок мяса» немецкому солдату, чтобы спасти от насилия девочку, которая потом «непременно удавится». Несмотря на то, что для Насти Петренко это событие стало личной трагедией, в «бабьем царстве» ее личный «позор» не был позором общественным. Она оказывается в состоянии жить со своим опытом до тех пор, пока об этом не узнает ее любимый, Костя Лубенцов. Тогда только пережитый опыт становится ей «хуже смерти», и она пытается покончить жизнь самоубийством.

В послевоенный период вновь выстраивается патриархальное общество, и в этом контексте сексуальное насилие, пережитое женщинами оккупированных территорий,

становится проблемой для мужчин. Страдания женщин выступают здесь как латентное обвинение мужчин, не сумевших защитить свои дома: «вы нас немцам в добычу оставили», говорит одна из героинь фильма «Бабье царство». Тема сексуального насилия вытесняется из официального дискурса в Советском Союзе и становится маргинальной составляющей страданий, которые приносит «простому человеку» война.

В Германии в 50-е годы прошлого века изнасилования также пережили период табуизации, но сохранили идеологическую нагруженность нацистского периода: массовые изнасилования, как дикое и нецивилизованное поведение, использовались в период холодной войны для противопоставления «цивилизованной» Европы и «азиатского» Советского Союза. С развитием феминистических исследований в 1960–1970-е годы в центр изучения сексуального насилия ставится женщина-жертва. После падения Берлинской стены в 1989 г. тема виктимизации («немецкий народ — жертва Третьего рейха») в немецких средствах массовой информации только усилилась. «В эмоциональном сценарии массового насилия над немецким населением вопрос о политической подоплеке этих событий, перед лицом размаха страданий, выглядит циничным» [39]. Это направление, по словам Регины Мюльхойзер, несет в себе опасность снятия ответственности за преступления нацизма со всего народа, приравнивая преступника к жертве [40].

Примечания:

- [1] Ясперс не покинул родину во время войны, хотя был уволен из университета и, будучи женат на еврейке, подвергал свою жизнь опасности, оставаясь на территории нацистской Германии. Однако он эмигрировал в Швейцарию в эпоху Аденауэра, поскольку считал, что осмысление «немецкой вины» движется по недалекому от нацизма пути. См. подробнее: Ясперс К. Куда движется ФРГ. М., 1969.
- [2] Сексуальное насилие в годы Второй мировой войны (Der Spiegel). В Германии изучают психологические травмы от изнасилований шестидесятилетней давности <http://www.inosmi.ru/panorama/20081024/244888.html>
- [3] Brownmiller S. *Against our Will: Man, Woman and Rape*. New York, 1976.
- [4] *A Woman in Berlin*. Secke und Warburg. 1954; *Eine Frau in Berlin*. 1959. Genf.
- [5] Wyatt-Brown, A.-H. *A Woman in Berlin: The Complexity of Humiliation at the End of World War II*.
- [6] Коммеморация — термин, введенный французскими исследователями «истории памяти». В их работах память об историческом явлении определяется как конструируемый контекстуальный феномен — «место памяти» (Пьер Нора), значение которого выкристаллизовывается в ритуале коммеморации. «Коммеморация определяется как процесс, который мобилизует разнообразные дискурсы и практики в репрезентации события, содержит в себе социальное и культурное видение памяти о коммеморативном событии, [...] служит выражением солидарности группы». Нора П., Озуф М., Де Пюимеж Ж., Винок М. *Франция-Память*. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1999.
- [7] Mühlhäuser R. *Konkurrierende Erzählungen zu sexueller Gewalt im Zweiten Weltkrieg, in DDR, Bundesrepublik und nach 1989*. In: Phase 2. <http://phase2.nadir.org/rechts.php?artikel=576&print>

- [8] Там же.
- [9] Исследование сексуального насилия в годы Второй мировой войны началось в университете г. Грайфсвальда. <http://idw-online.de/pages/de/news284259>
- [10] Сексуальное насилие в годы Второй мировой войны (Der Spiegel). В Германии изучают психологические травмы от изнасилований шестидесятилетней давности <http://www.inosmi.ru/panorama/20081024/244888.html>
- [11] Grossmann A.-A. Eine Frage des Schweigens? Die Vergewaltigung deutsche Frauen durch Besatzungssoldaten. In: Sozialwissenschaftliche Informationen. 24 (1995), H.2. S. 109–119. — S. 112. Оригинал этой на шумевшей в научном мире статьи: Grossmann, Atina A. Question of Silence. The Rape of German Woman by Occupation Soldiers, in: October (1995), Heft 72, 42–63.
- [12] Mühlhäuser R. Konkurrierende Erzählungen ...
- [13] Борозняк А.И. Блокада Ленинграда и историография ФРГ // Новая и Новейшая история, 2010, №1. С.121–134.; Verbrechen der Wehrmacht. Dimensionen des Vernichtungskrieges 1941–1944. Ausstellungskatalog. Hamburg, 2002. S. 308–328.
- [14] Heer H. Vom Verschwinden der Täter: Der Vernichtungskrieg fand statt, aber keiner war dabei. Berlin, 2004. В немецком научном сообществе термин Vernichtungskrieg используется, в основном, в отношении Восточного фронта Второй мировой войны. См.: Morina Ch. Vernichtungskrieg, Kalter Krieg und politisches Gedächtnis: Zum Umgang mit dem Krieg gegen die Sowjetunion im geteilten Deutschland. In: Geschichte und Gesellschaft, 34. Jahrg., H. 2 (Apr.–Jun., 2008), pp. 252–291.
- [15] Nolte H.-H. Vergewaltigungen durch Deutsche im Russlandfeldzug. In: Zeitschrift für Weltgeschichte. 2009. H.1. S. 113–133.
- [16] Ibid. S.129.
- [17] Вермахт и РККА против мирного населения. <http://www.echo.msk.ru/programs/victory/572480-echo/>
- [18] Nolte H.-H. Vergewaltigungen... S. 131. Аборты как в нацистской Германии, так и в СССР в военный и послевоенный период были запрещены законом.
- [19] Beck B. Wehrmacht und sexuelle Gewalt. Sexualverbrechen vor deutschen Militärgerichten 1939–1945; Handlungsräume. Sexuelle Gewalt durch Wehrmacht und SS in den besetzten Gebieten der Sowjetunion 1941–1945. In: Mühlhäuser R.; Eschbach, Insa (Hg.): Krieg und Geschlecht. Sexuelle Gewalt im Krieg und Sex-Zwangsarbeit in NS-Konzentrationslagern. Berlin: Metropol, 2008; S. 167–185.
- [20] Naimark N. The Russians in Germany. A History of the Soviet Zone of Occupation, 1945–1949, Cambridge 1995. P. 85. Тезис Н.Наймака относится к сексуальному насилию по обе стороны фронта.
- [21] Олег Будницкий анализирует эту тематику на примере дневниковых записей советских офицеров. См: Budnitskii O. The Intelligentsia Meets the Enemy. Educated Soviet Officers in Defeated Germany, in: Kritika. Explorations in Russian and Eurasian History. 2009.V.10, №3. P.629–682.
- [22] Mühlhäuser R. Eroberungen. Sexuelle Gewalttaten und intime Beziehungen deutscher Soldaten in der Sowjetunion 1941–1945. Hamburg. 2010.
- [23] Friedmann J. Schlagkraft statt Sühne Eine neue Studie untersucht die sexuellen Übergriffe deutscher Soldaten während des Krieges gegen die Sowjetunion und zerstört

- die Legende von der sauberen Wehrmacht. In: Spiegel. 22.03.2010. <http://www.spiegel.de/spiegel/print/d-69628953.html>
- [24] См. Grossmann A. Eine Frage des Schweigens. S.110.
- [25] Morina Ch. Vernichtungskrieg, Kalter Krieg und politisches Gedächtnis: Zum Umgang mit dem Krieg gegen die Sowjetunion im geteilten Deutschland. In: Geschichte und Gesellschaft, 34. Jahrg., H. 2 (Apr.–Jun., 2008), pp. 252–291. Здесь S. 257–258.
- [26] Ibid. S.264.
- [27] Wette W. Erobern, zerstören, auslösen. Die verdrängte Last von 1941. Der Russlandfeldzug war ein Raub- und Vernichtungskrieg von Anfang an, in: Die Zeit, 20.11.1987, S. 49–51.
- [28] Jahn P., Rürup R. (Hg.), Erobern und Vernichten. Der Krieg gegen die Sowjetunion 1941–1945. Essays, Berlin 1991.
- [29] Heineman E. The Hour of Women. Memories of Germany's Crisis Years and West German Identity, in: American Historical Review (1996), 1, 354–394.
- [30] Ibid.
- [31] Grossmann A. S.112.
- [32] Ibid. S.113.
- [33] См., например: Гельфанд В.Н. Дневники 1941–1946. http://militera.lib.ru/db/gelfand_vn/05.html; Копелев Л. Хранить вечно. М., 2004.
- [34] Самойлов Д. Поденные записи. Том 1. Поденные записи 1934–1964. М., 2002. С.209–210.
- [35] Гельфанд В.Н. Дневники 1941–1946. 26.10.1945
- [36] Grossmann A. S.118.
- [37] Der Prozess gegen die Hauptverbrecher von dem Internationalen Militärgerichtshof, 14.11.1945 — 01.10.1946, Band 7, München-Zürich 1984.S. 502 ff.
- [38] Снятый в 1985 г. фильм «Иди и смотри», где эта тема присутствует, относится уже к перестроечному периоду в отечественном кинематографе.
- [39] Mühlhäuser R. Konkurrierende Erzählungen...
- [40] Ibid.

Список литературы:

- Борозняк А.И. Блокада Ленинграда и историография ФРГ // Новая и Новейшая история, 2010, №1. С.121–134.
- Вермахт и РККА против мирного населения // Сайт радио «Эхо Москвы. URL: <http://www.echo.msk.ru/programs/victory/572480-echo/> (дата обращения: 27.05.2015)
- Копелев Л. Хранить вечно. М., 2004.
- Нора П., Озуф М., Де Пюимеж Ж., Винок М. Франция-Память. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1999.
- Самойлов Д. Поденные записи. Том 1. Поденные записи 1934–1964. М., 2002.
- Ясперс К. Куда движется ФРГ. М., 1969.
- Beck B. Wehrmacht und sexuelle Gewalt. Sexualverbrechen vor deutschen Militärgerichten 1939–1945. Ferdinand Schöningh, Paderborn u.a. 2004.
- Brownmiller S. Against our Will: Man, Woman and Rape. New York, 1976.
- Budnitskii O. The Intelligentsia Meets the Enemy. Educated Soviet Officers in Defeated Germany, in: Kritika. Explorations in Russian and Eurasian History. 2009.V.10, №3. P. 629–682.

- Der Prozess gegen die Hauptverbrecher von dem Internationalen Militärgerichtshof, 14.11.1945 — 01.10.1946, Band 7, München-Zürich 1984.S. 502 ff.
- Eschebach, Insa (Hg.): Krieg und Geschlecht. Sexuelle Gewalt im Krieg und Sex-Zwangsarbeit in NS-Konzentrationslagern. Berlin: Metropol, 2008; S. 167–185.
- Friedmann J. Schlagkraft statt Sühne Eine neue Studie untersucht die sexuellen Übergriffe deutscher Soldaten während des Krieges gegen die Sowjetunion und zerstört die Legende von der sauberen Wehrmacht. In: Spiegel. 22.03.2010. URL: <http://www.spiegel.de/spiegel/print/d-69628953.html> (Datum des Zugriffs am 27.05.2015)
- Grossmann A.-A. Eine Frage des Schweigens? Die Vergewaltigung deutsche Frauen durch Besatzungssoldaten. In: Sozialwissenschaftliche Informationen. 24 (1995), H. 2. S. 109–119. S. 112.
- Grossmann A.-A. Question of Silence. The Rape of German Woman by Occupation Soldiers, in: October (1995), Heft 72, 42–63.
- Heer H. Vom Verschwinden der Täter: Der Vernichtungskrieg fand statt, aber keiner war dabei. Berlin, 2004.
- Heineman E. The Hour of Women. Memories of Germany's Crisis Years and West German Identity, in: American Historical Review (1996), 1, 354–394.
- Jahn P., Rürup R. (Hg.), Erobern und Vernichten. Der Krieg gegen die Sowjetunion 1941–1945. Essays, Berlin 1991.
- Morina Ch. Vernichtungskrieg, Kalter Krieg und politisches Gedächtnis: Zum Umgang mit dem Krieg gegen die Sowjetunion im geteilten Deutschland. In: Geschichte und Gesellschaft, 34. Jahrg., H. 2 (Apr.–Jun., 2008), pp. 252–291.
- Mühlhäuser R. Eroberungen. Sexuelle Gewalttaten und intime Beziehungen deutscher Soldaten in der Sowjetunion 1941–1945. Hamburg. 2010.
- Mühlhäuser R. Konkurrierende Erzählungen zu sexueller Gewalt im Zweiten Weltkrieg, in DDR, Bundesrepublik und nach 1989. In: Phase 2. URL: <http://phase2.nadir.org/rechts.php?artikel=576&print> (Datum des Zugriffs am 07.12.2012)
- Naimark N. The Russians in Germany. A History of the Soviet Zone of Occupation, 1945–1949, Cambridge 1995.
- Nolte H.-H. Vergewaltigungen durch Deutsche im Russlandfeldzug. In: Zeitschrift für Weltgeschichte. 2009. H.1. S. 113–133.
- Verbrechen der Wehrmacht. Dimensionen des Vernichtungskrieges 1941–1944. Ausstellungskatalog. Hamburg, 2002. S. 308–328.
- Wette W. Erobern, zerstören, auslösen. Die verdrängte Last von 1941. Der Russlandfeldzug war ein Raub- und Vernichtungskrieg von Anfang an, in: Die Zeit, 20.11.1987, S. 49–51.

УДК 94; 327

Ричард САКВА

От Ялты до Мальты и обратно²

Аннотация. В течение 45 лет мировая конфигурация определялась итогами Ялтинской конференции 1945 г. Последующие 25 лет прошли под знаком Мальтийского саммита 1989 г., определившего основную модель политики в мире после холодной войны. На обеих встречах сверхдержавы решали судьбу Европы, обе встречи обозначили сохранение логики геополитического противоборства, но баланс сил изменился. Фундаментальное значение Ялты заключалось в признании геополитического и идеологического плюрализма и равновесия в международной политике. Смысл Ялты состоял также в осознании и признании Западом державного статуса СССР и его интересов. Поэтому для современной России Ялта — ориентир, миф о величии. Запад же мифологизирует Мальту как олицетворение триумфа атлантизма над горбачевскими идеями Общего европейского дома. Мальта предопределила неизбежное давление Атлантического альянса на Россию. Когда Россия оказалась готова дать ответ, мы получили обновленную версию холодной войны, которая в определенном смысле никогда не заканчивалась. Единственный путь вперед сейчас — это, как часто бывает, путь назад, к разновидности процесса создания «большой Европы».

Ключевые слова: Ялтинская конференция, Хельсинкская конференция, саммит на Мальте, послевоенное устройство, атлантизм, геополитический плюрализм, холодная война.

Ялтинская конференция 4–11 февраля 1945 г. сплошь мифологизирована. Однако, как это часто бывает, миф является вымыслом, который выдает нам факты. Факты в данном случае крайне противоречивы. Что уж говорить о мифах?

Значение Ялты

Для целого поколения жителей Восточной Европы Ялта стала символом того, как великие державы решили судьбу маленьких стран без их участия. В Ялте Черчилль, Рузвельт и Сталин определили границы, сферы влияния и общий вид послевоенной системы международных отношений, не советуясь с представителями стран, чья идентичность как раз определялась.

² Доклад на международной научной конференции «Ялта 1945: прошлое, настоящее, будущее», 3–4 февраля 2015 г., Ялта, Ливадийский дворец

Сведения об авторе: САКВА Ричард (Sakwa Richard) — профессор Школы политологии и международных отношений Кентского университета (University of Kent, United Kingdom); rsakwa@kent.ac.uk.

Наиболее красноречиво эту позицию представил Жак Рупник в своей книге «Другая Европа». Он объясняет, почему для народов «другой Европы» Ялта — нечто вроде «первородного греха», мифа о разделении Европы. Слово «Ялта» стало синонимом советизации и исчезновения самой идеи Центральной Европы. Оно стало символом «промежуточного», «пограничного» положения малых европейских стран, постоянно повторяющихся сценариев и утраты контроля над своей судьбой. Для таких стран, как Польша, Ялта стала отражением «реальной политики» в худшем ее значении, когда геополитика одерживает триумфальную победу над малыми странами с их собственным путем развития.

Разумеется, Ялтинская конференция состоялась не на пустом месте. Уже «соглашение о процентах», заключенное в октябре 1944 г., когда Черчилль летал в Москву и пытался что-то выторговать для западных держав, показало, что переговорная сила Советского Союза растет. Открытие второго фронта в Нормандии в июне 1944 г. означало, что у союзников нет возможности для стратегического вмешательства в Восточной Европе. Понимая это, Черчилль ранее рассматривал возможность открыть второй фронт на Балканах. Однако из-за очевидных трудностей с логистикой это могла бы быть лишь вспомогательная операция. Помимо этого, войска союзников увязли в Италии, когда Германия завладела инициативой на этом театре военных действий.

Признание того факта, что баланс сил в Европе меняется, привело к проведению Тегеранской конференции лидеров «Большой тройки» с 28 ноября по 1 декабря 1943 г. Пусть в Тегеране обсуждалось главным образом открытие второго фронта (Нормандская операция), а также региональные вопросы, такие как поддержка югославских партизан или война с Японией, — шаблон, формат такого рода конференций был установлен.

Открытие союзниками второго фронта на Западе произошло в июне 1944 г. Таким образом, Восток был открыт для советских войск. 22 июня 1944 г. Красная армия начала операцию «Багратион». Белоруссия и Восточная Польша были освобождены от немцев. Формально операция завершилась 19 августа, когда советские войска развернулись на восточном берегу Вислы, в районе Варшавы. Немцы потерпели тяжелейший разгром за всю Вторую мировую войну. Благодаря использованию советскими войсками тактики глубокой операции и маскировки была уничтожена целая немецкая армейская группа.

В Восточной Европе Ялтинскую конференцию считают предательством, вторым Мюнхеном. Однако это упрощенное понимание процесса, для которого слово «Ялта» можно считать символичным. Точно так же лишь частью правды является распространенное восприятие Ялты как отчаянной попытки Запада выторговать что-то для себя в тот момент, когда стратегическое положение резко изменилось в пользу СССР. Подавляющее военное преимущество Советского Союза стало фактом, однако это открыло возможности для утверждения в Европе нового политического стиля.

Фундаментальное значение Ялты заключается в том, что конференция повлекла за собой признание геополитического плюрализма как на континенте, так и в междуна-

родной политике в целом. Холодная война, в свою очередь, путем проб и ошибок (преимущественно ошибок) продемонстрировала, как можно научиться справляться с этим плюрализмом.

В то же время Ялта означала признание идеологического плюрализма. Страны с различными социально-политическими системами и формами идейной репрезентации своей социальной и политической жизни были принуждены к сосуществованию. Появление ядерного оружия как фактора во взаимоотношениях между сверхдержавами, о чем с апломбом объявил Гарри Трумэн на Потсдамской конференции в июле 1945 г., конечно, внесло новое измерение в политические расчеты крупных государств. Однако ключевое значение имело то обстоятельство, что Ялта открыла эпоху геополитического и идеологического плюрализма.

Ход дискуссий в Ялте был подчинен этому обстоятельству. И договоренности, которых удалось достичь, куда более сложны и «демократичны», чем они представлены в повествовании о «предательстве», даже если оставить в стороне трения между Черчиллем и Рузвельтом относительно судьбы Британской империи. Не будем сейчас вдаваться в детали, но соглашения касались и формата Объединенных Наций, и планов проведения демократических выборов в Польше и других странах. Польша превратилась в страну на колесах, ее границы переместились на запад. Впервые эти границы были компактными, что позволяло Польше развиваться в качестве целостных и гармоничных нации и государства. Другими словами, у Ялты немало «детей», многие из которых живут и процветают по сей день, хотя некоторые и стали жертвами политики времен холодной войны (в частности, свободные выборы в Польше).

Хельсинки: подтверждение и преодоление Ялты

Для союзников краеугольным камнем послевоенного мироустройства стали атланнизм и его идеология. Для СССР основой его политики до самого конца оставалась специфическая смесь великодержавности и идеологического радикализма.

2015 г. — не только год семидесятилетия Ялты. 40 лет назад состоялась Хельсинкская конференция. Она проходила в июле-августе 1975 г. Представители 35 стран (33 европейских, а также США и Канады) съехались как равные, основной акцент был сделан на укреплении взаимного доверия и соблюдении прав. СССР и его коммунистические союзники добились формальной ратификации своих послевоенных границ. Два первых раздела Хельсинкского заключительного акта, подписанного 1 августа 1975 г., давали этим странам определенные преимущества в сферах безопасности и экономики. В то же время страны коммунистического лагеря подписались и под третьим разделом, содержащим целый пакет вопросов, связанных с правами человека. Это стало одним из важнейших катализаторов распада коммунистической системы. Граждане этих стран получили правовой документ, на который они могли ссылаться, подписанный всеми коммунистическими государствами и гарантировавший защиту свободы слова, передвижения и многого другого.

На фоне экономического упадка и озабоченности правами человека к 1989 г. народная поддержка коммунистических режимов в Восточной Европе по большей части испарилась. Даже большая часть бюрократии коммунистических стран осознала, что старые режимы исчерпали себя, и подготовилась к переходу к чему-то иному.

Состоящая из 56 стран-членов Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) — в числе основополагающих панъевропейских блоков. По сей день ОБСЕ — одна из крупнейших региональных организаций, занимающихся вопросами безопасности. Созданная в целях претворения в жизнь положений Хельсинского заключительного акта, Конференция по безопасности и сотрудничеству в Европе (так организация называлась до декабря 1994 г.) была форумом для обсуждения и принятия политических решений по вопросам раннего обнаружения, предотвращения конфликтов, кризисного управления и послеконфликтного восстановления. ОБСЕ сыграла важнейшую роль в падении коммунизма, особенно это касается встречи в Вене в ноябре 1986 г. К 1989 г. Михаил Горбачев согласился со всеми положениями, касающимися прав человека и гражданского общества и содержащимися в итоговом документе Венской конференции. Он допустил прививку этического индивидуализма коммунистической системе с тем, чтобы создать более гуманную форму социализма.

Возможно, в других условиях это могло бы осуществиться. Однако к концу 1980-х коммунистическое наследие, систематическая дискредитация властями коммунистических стран представительной демократии и независимой общественной активности привели к тому, что у нового эксперимента не нашлось множества сторонников. В начале 90-х ОБСЕ выработала четкую институциональную идентичность, но война на Балканах выявила ее неадекватность даже в новом виде. Прежде всего, по сей день не преодолено противоречие между базовым для ОБСЕ принципом самоопределения наций и принципом нерушимости государственных границ. Россия добивалась превращения ОБСЕ в главную европейскую организацию безопасности — вместо НАТО. Но российским надеждам не суждено было сбыться. Напротив, доминирующей организацией безопасности стала НАТО, а Европейский союз начал длительный процесс расширения.

Вкратце, Хельсинкская конференция подтвердила границы и прочие соглашения Ялты, однако затем запустила программу преодоления этих договоренностей. Именно противоречия Хельсинки, равно как и противоречия Ялты, объясняют провал планов создания инклюзивной и справедливой системы европейской безопасности после холодной войны. ОБСЕ, дитя Хельсинки, не смогла стать подлинной панъевропейской организацией безопасности. Корни этой неудачи следует искать на Мальте.

Мальта: преодоление Ялты

Мальтийская встреча 2–3 декабря 1989 г. на двух носимых штормом лайнерах президента Джорджа Буша-старшего и Михаила Горбачева также в значительной степени мифологизирована. Она прошла спустя несколько недель после падения Берлинской

стены, случившегося 9 ноября. На Мальтийском саммите была определена основная модель политики в мире после холодной войны. Эту встречу считают моментом отречения от Ялты. Однако это лишь отчасти отражает ее суть.

На Мальте, как и в Ялте, сверхдержавы решали судьбу Европы. Важное отличие заключалось в том, что дипломатический и стратегический баланс сил изменился.

Смысл Ялты состоял в осознании и принятии того факта, что СССР является сверхдержавой и его интересы впредь должны приниматься во внимание. Именно поэтому Ялтинскую конференцию так высоко ценили в Советском Союзе и продолжают ценить в России. Особенно ценится то, что в Ялте западные государства признали «державность» России. Это случается не так часто.

Еще одной особенностью мифа является замораживание времени. В этом смысле российский миф о Ялте — способ заморозить великодержавный статус России на все времена.

Напротив, Мальта — это тот момент, когда американский президент увидел, что мощь СССР истощается. Горбачев дал понять, что Советский Союз не намерен вмешиваться в ход различных революций, происходивших тогда в Восточной Европе, страны которой одна за другой избавлялись от советского влияния и демонтировали коммунистические системы.

Именно поэтому Буш мог согласиться с планом объединения Германии из 10 пунктов, с которым незадолго до встречи на Мальте выступил канцлер ФРГ Гельмут Коль. Центральным пунктом плана стало положение о том, что объединение пройдет в рамках Североатлантического альянса, а единая Германия будет членом НАТО. Впоследствии, в феврале 1990 г., шли бесконечные дискуссии о том, как это реализовать на практике. 9 декабря 1990 г. на встрече в Москве госсекретарь США Джеймс Бейкер пообещал Горбачеву, что если Германия присоединится к НАТО, а Россия выведет свои 24 дивизии с немецкой территории, то «НАТО ни на дюйм не расширит свою юрисдикцию на восточном направлении». Однако это относилось исключительно к территории бывшей ГДР. Вопросом о расширении НАТО за счет других стран советского блока попросту никто не задавался, его не обсуждали. Так или иначе, Альянс брал на себя моральное обязательство не заполнять «вакуум», возникший в результате вывода советских войск и распада Организации Варшавского договора.

Другими словами, Мальта обозначила переход власти. Инициатива перешла к западным союзникам. Это был очевидный триумф атлантических сил, а для России начался длительный период потери статуса, который начал восстанавливаться лишь в нулевые. Не менее серьезно и то, что Мальтийская встреча оказалась моментом системного перехода. Место системного и геополитического плюрализма, символом которого являлась Ялта, занял однополярный режим безопасности в Европе, сопровождаемый делегитимизацией системных альтернатив.

Мальта: утраченная возможность

Здесь следует сказать еще об одном мифе — о некомпетентности, если не предательстве советских и российских интересов, в которых винят Горбачева. Выдвигать такие обвинения — значит не понимать динамику процесса, определявшую действия Горбачева, а также недооценивать оригинальность и радикализм его идей.

Если бы Запад оказался действительно готов принять горбачевское видение европейской трансформации, нынешнего катастрофического распада системы безопасности на континенте можно было бы избежать. В сердце нашего континента вновь разгорается огонь войны. Мы бы не столкнулись с этим, если бы следовали альтернативной модели развития, преодолевающей и Ялту, и Мальту.

6 июля 1989 г. в Страсбурге Горбачев обратился к Совету Европы. Он очертил свою идею создания Общего европейского дома. Он считал, что панъевропейский процесс «является реальностью и продолжает развиваться». Вопреки преобладающей ныне концепции «расширения Европы» через экспансию атлантической системы и ЕС, Горбачев предложил альтернативное видение Европы после холодной войны. Сейчас эту концепцию чаще всего называют идеей «большой Европы».

Таким образом, на Мальту Горбачев прибыл с двумя большими идеями. Первая заключалась в «реформировании коммунизма», попытке вернуться к истокам русской революции и радикально обновить социализм. Горбачев выступал за эволюцию советского коммунизма в сторону «гуманного, демократического социализма». Подавление «Пражской весны» в августе 1968 г., сторонники которой как раз выступали за новый тип социалистической демократии, а также долгие годы советской стагнации размывали социальный базис, необходимый для реализации такой программы в СССР. Однако нас интересует то обстоятельство, что Горбачев продвигал программу идеологического и системного плюрализма в Европе. Он энергично и красноречиво отстаивал точку зрения, согласно которой различные системы могут здесь мирно сосуществовать.

Вторая идея Горбачева относилась к концепции «большой Европы». Предполагалось преодоление как Ялты, так и Мальты (то есть той логики, олицетворением которой Мальта в итоге стала. — Прим. ред.), придание международным отношениям в Европе новой динамики, которая отвечала бы интересам как малых стран, так и крупных держав. Это была бы многополярная Европа, в которой нашлось бы пространство для экспериментов и разнообразия.

Трагедия заключалась в том, что своими идеями Горбачев делился не с европейскими лидерами, а с президентом США! В отличие от Ялты, на Мальте у российского лидера не оказалось европейского собеседника. Неудивительно, что американского лидера обсуждение идеи «большой Европы» привлекало в последнюю очередь. Реализация этого замысла означала бы раскол между двумя «крыльями» Североатлантического альянса — европейским и американским, чего США давно опасались.

Последствия

Таким образом, Мальта привела к политическому бедствию, от которого мы до сих пор страдаем. Горбачев выдвинул радикальные идеи преодоления логики идеологического конфликта времен холодной войны и разделения Европы. В реальности все произошло с точностью до наоборот. Эта логика была сохранена и укреплена, поменялись лишь полюса. Североатлантический альянс утвердился в качестве главенствующей силы на континенте, а идеи геополитического и системного плюрализма были отвергнуты. Озабоченность и интересы СССР, а затем и его правопреемницы России последовательно маргинализировались. Бывшие коммунистические страны присоединились к НАТО по приглашению, которого они с большим энтузиазмом добивались, и сделано это было для того, чтобы сохранить логику конфронтации и разделения.

Горбачев понял, к чему все это ведет. Со времени своей вынужденной отставки в декабре 1991 г. он постоянно сожалел о том, что случилось. Именно поэтому он поддерживал политику президента Путина в 2014 г. Как выясняется сейчас, Хельсинкская конференция была всего лишь этапом на пути к размыванию идейного плюрализма, хотя она и подтвердила ялтинские границы и договоренности.

Углубившись в проблему, можно увидеть, что новая Европа не смогла избежать логики Ялты, включая все ее болезненные последствия, которые мы видим сегодня. Малым странам Восточной Европы предоставили право голоса. Но используют его они в основном для того, чтобы посчитаться с мифологическими представлениями о Ялте, а не для того, чтобы преодолеть неравенство в нынешней системе власти на континенте и поддержать настоящий процесс панъевропейской интеграции, сердцевиной которого оказалась бы Россия.

На протяжении 45 лет мы жили в мире, сформированном в Ялте. Затем еще 25 лет — в мире, сформированном на Мальте. Второй период получил название «холодного мира», поскольку ни один из фундаментальных вопросов европейской безопасности так и не был решен. Для России Ялта — это миф о застывшем величии. Запад же мифологизировал Мальту, заморозив момент перехода власти. В глазах Запада Мальта служит олицетворением триумфа атлантизма над горбачевским видением европейского континентализма.

Единственный путь вперед сейчас — это, как часто бывает, путь назад, к горбачевским идеям Общего европейского дома, разновидности процесса создания «большой Европы». России нужно преодолеть Ялту, равно как и Западу нужно преодолеть Мальту, чтобы создать новый тип «европейскости».

Мальта обозначила сохранение логики геополитического противоборства в Европе. Однако в этом противоборстве уже не было того баланса, как в мире, созданном в Ялте, когда сапог был не только на ноге Североатлантического альянса. Напротив, сам принцип геополитического плюрализма и равенства крупных держав был оклеветан и низвергнут. Это означало, что Альянс неизбежно начнет давить на Россию, не-

смотря на изначальные попытки справиться с новой реальностью в распределении сил, смягчить ее.

Когда Россия оказалась готова дать ответ, мы получили обновленную версию холодной войны, которая в действительности, переходя от Ялты к Мальте и обратно, никогда не заканчивалась.

УДК 327; 338

ПЕТР ЯКОВЛЕВ

Россия и Латинская Америка на фоне западных санкций

Аннотация. В статье анализируются главные особенности взаимодействия России со странами Латинской Америки на современном этапе. Автор отмечает активизацию российско-латиноамериканского сотрудничества в политической и торгово-экономической областях, что приобретает особое значение в условиях резкого ухудшения отношений между Россией и ведущими странами Запада и введения режима экономических и финансовых санкций в отношении РФ. В настоящее время сложилась ситуация, в которой Россия может стать одним из значимых игроков на пространстве Латинской Америки, что позволит снизить внешнеполитические риски и укрепить переговорные позиции Москвы.

Ключевые слова: Россия, Латинская Америка, политическое и экономическое сотрудничество, западные санкции в отношении РФ, «новая холодная война», будущий миропорядок

Крутыми и разнонаправленными изменениями в международном положении Российской Федерации был отмечен последний год. Перемены не носили линейного характера и не были однозначными. В ряде случаев они привели к резкому ухудшению отношений с внешними партнерами, в других — к конструктивным подвижкам. Одним из направлений, на котором были достигнуты позитивные сдвиги, стало взаимодействие России с государствами Латинской Америки.

Символично, что российско-латиноамериканское сближение пришлось на период «новой холодной войны» — крайнего обострения международной обстановки, вызванного, в первую очередь, кризисными событиями на Украине и вокруг нее. В этих условиях стало особенно важным совпадение представлений России и ряда ключевых латиноамериканских государств о том, каким должен стать будущий мировой порядок, основанный на принципах многополярности.

Хроника исторического визита

В середине июля 2014 г. состоялось беспрецедентное по продолжительности и географическому охвату турне президента РФ В.В. Путина по региону Латинской Америки. За шесть дней (11–17 июля) глава российского государства посетил четыре страны —

Сведения об авторе: ЯКОВЛЕВ Петр Павлович — руководитель Центра иберийских исследований Института Латинской Америки РАН, профессор Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, доктор экономических наук; petrp.yakovlev@yandex.ru.

Кубу, Никарагуа, Аргентину и Бразилию, обсудив с их руководством широкий круг вопросов международной жизни и российско-латиноамериканского сотрудничества. Кроме того, в Бразилии В.В. Путин в рамках саммита БРИКС в формате «outreach» имел контакты на многостороннем и двустороннем уровне с президентами практически всех государств Южной Америки.

На **Кубе** российский руководитель встретился с лидером кубинской революции Фиделем Кастро и председателем Госсовета и Совета министров Раулем Кастро. Внимание международных средств массовой информации приковало к себе решение Москвы о списании 90% задолженности Кубы по кредитам в размере 35,2 млрд долл., предоставленным в советское время. Что касается остальных 10% (порядка 3,5 млрд долл.), они, по договоренности сторон, будут израсходованы на социально-экономические инвестиционные проекты на кубинской территории [1].

Значительное место на переговорах было отведено обсуждению программы торгово-экономического и научно-технического сотрудничества России и Кубы, рассчитанной на период до 2020 г. Речь шла о крупных проектах, имеющих для Кубы большое хозяйственное значение. В частности, отмечалась активная работа российской компании «Зарубежнефть» по разработке месторождения «Boca de Jaguico» и было объявлено о планах освоения новых нефтяных блоков на кубинском морском шельфе. В.В. Путин выразил надежду на то, что в ближайшее время к участию в освоении углеводородных месторождений на Кубе подключится крупнейшая российская нефтегазовая корпорация «Роснефть». Положительную оценку руководства двух стран получил меморандум о взаимопонимании, подписанный ООО «ИНТЕР РАО — Экспорт» и компанией «Unión Eléctrica», предполагающий заключение контракта на строительство на Кубе четырех энергоблоков для ТЭС единичной установленной мощностью 200 МВт [2].

В ходе российско-кубинской встречи на высшем уровне затрагивались темы сотрудничества и в других областях. Так, была специально подчеркнута заинтересованность сторон в размещении на Кубе наземных станций российской системы глобальной спутниковой навигации ГЛОНАСС. Рассматривалась возможность участия предприятий РФ в создании крупного транспортного хаба на базе модернизации морского порта Мариэль и строительстве в этом районе современного международного аэропорта с грузовым терминалом. Открытая 1 января 2014 г. первая в стране особая экономическая зона Мариэль должна стать перспективной площадкой для размещения совместных производств в сферах металлургии, фармацевтики и биотехнологий.

В итоговом заявлении для прессы Р. Кастро дал положительную оценку достигнутым договоренностям, которые, по его мнению, являются свидетельством формирования между двумя странами «отношений нового типа» [3].

Краткий рабочий визит российского лидера в **Никарагуа** по специальному приглашению президента этой страны Даниэля Ортеги мировая пресса окрестила «визитом-сюрпризом» [4], поскольку первоначально он не фигурировал в программе латиноамериканского турне президента РФ. Между тем повестка российско-никарагуанских

связей, включающая взаимодействие в самых различных областях, безусловно, заслуживала встречи в верхах. Главы двух государств отметили устойчиво позитивный характер и высокий потенциал двустороннего сотрудничества. Существенное значение для Москвы имела выраженная никарагуанским руководством поддержка позиции России в конфликте с Украиной. В условиях беспрецедентного обострения политических отношений с Западом это стало хотя и скромным, но успехом российской дипломатии.

12 июля В.В. Путин прибыл с официальным визитом в **Аргентину**, традиционно являющуюся одним из ведущих торгово-экономических партнеров РФ в Латинской Америке. В ходе переговоров с президентом Кристиной Фернандес де Киршнер российский лидер напомнил, что с 2009 г. стороны работают над реализацией плана по выведению отношений двух стран на уровень стратегического партнерства. По мнению Кремля и Розового дома (президентский дворец в Буэнос-Айресе), достижение столь высокой планки во взаимодействии России и Аргентины стало возможным благодаря близости или совпадению взглядов на ключевые вопросы международной жизни, что позволяет сообща отстаивать «принципы многополярного мира — равноправие, взаимное уважение, неделимость безопасности» [5].

Важным практическим результатом визита в Аргентину явилось подписание соглашения о сотрудничестве в области использования атомной энергии в мирных целях [6]. В этой южноамериканской стране более 20% электроэнергии вырабатывается на российском (советском) оборудовании, а имеющиеся планы могут увеличить данный показатель. Например, «ИНТЕР РАО — Экспорт», одержав победу в международном тендере, намерена подключиться к строительству «под ключ» ГЭС «Chihuido I» в провинции Неукен. Речь идет о крупной станции мощностью 637 Мвт и стоимостью 2,2 млрд долл., которую российская компания будет возводить вместе с консорциумом аргентинских строительных фирм во главе с «Helport S.A.». В рамках проекта предполагается поставка четырех турбин, регуляторов частоты вращения, синхронных трехфазных генераторов, систем возбуждения, двух трансформаторов, гидромеханического оборудования и подъемных механизмов. Кроме того, будет построена распределительная подстанция и протянута сверхвысоковольтная ЛЭП напряжением 500 кВ и протяженностью 160 км. Срок реализации проекта составляет ориентировочно пять лет. Как заявил генеральный директор ООО «ИНТЕР РАО — Экспорт» М.Е. Сергеев, продвижение компании на латиноамериканский рынок «строго соответствует стратегии Группы «Интер РАО» по развитию международной деятельности». И добавил: «Мы надеемся, что данный контракт (строительство «Chihuido I» — П.Я.) положит начало системному сотрудничеству с Аргентиной в сфере поставок оборудования и строительству энергообъектов» [7].

Новым пространством российско-аргентинского взаимодействия становится крайне важная в условиях обострившегося идейно-политического противостояния России с Западом область информации и массовых коммуникаций. Начало этому также было положено в ходе пребывания президента РФ в Буэнос-Айресе, где состоялось подписание межведомственного соглашения, обеспечивающего круглосуточную эфирную трансляцию канала «Russia Today» для аргентинских телезрителей на испанском языке

ке. Указанная договоренность носит прорывной характер и может послужить точкой отсчета информационной экспансии России в Латинской Америке в целом.

Центральное место в латиноамериканском турне В.В. Путина заняла крупнейшая страна региона — **Бразилия**, с которой у России сложились отношения стратегического сотрудничества как на двусторонней основе, так и в многостороннем формате, прежде всего в рамках БРИКС и Группы 20. Высокий уровень доверия между двумя государствами-гигантами был подтвержден подписанием крупного пакета российско-бразильских документов [8]. В их числе:

Декларация Директора Федеральной службы по военно-техническому сотрудничеству (Российская Федерация) и Министра обороны Федеративной Республики Бразилии;

План действий по торгово-экономическому сотрудничеству Россия — Бразилия (2014–2015 гг.);

Протокол консультаций по вопросам сотрудничества в области воздушного сообщения между авиационными властями Российской Федерации и Федеративной Республики Бразилии;

Меморандум о взаимопонимании между «РН — Бразил» (дочерняя компания ОАО «НК «Роснефть»), компанией «Petrobras» и ООО «HRT O&G» по разработке схем монетизации газа проекта Солимоис;

Меморандум о взаимопонимании между ОАО «Научно-производственная корпорация «Системы прецизионного приборостроения» и Федеральным университетом г. Санта-Мария по реализации проекта по установке и использованию в Федеративной Республике Бразилии беззапросной измерительной станции системы ГЛОНАСС.

Резюмируя итоги переговоров, В.В. Путин подчеркнул, что в фокусе внимания обеих сторон находились вопросы торгово-экономических связей, в том числе отмечалось некоторое сокращение взаимного товарооборота (на 3,2%) в 2013 г. Такого рода факты, по мнению российского президента, требуют всестороннего анализа и оперативно-исправления, принятия практических шагов, способных переломить этот неблагоприятный тренд, отражающий нестабильное положение на международных торговых рынках. В числе других важнейших задач на двустороннем экономическом треке фигурируют: активизация инвестиционного сотрудничества, наращивание промышленной кооперации и запуск новых производственных проектов, включая наукоемкие. Ряд конкретных инициатив по увеличению взаимных капиталовложений вошел в подписанный сторонами План совместных действий по торгово-экономическому сотрудничеству [9].

Собственную интерпретацию состоянию и перспективам российско-бразильских отношений дала президент Бразилии Дилма Руссефф. Отметив возросшую роль России

на международной арене, глава бразильского государства специально выделила значимость долгосрочного сотрудничества двух стран и выразила надежду, что оно будет охватывать все новые сферы экономики, науки и техники. По ее словам, российские компании вполне могут расширить свое присутствие в ряде ключевых отраслей бразильской экономики, включая энергетику, обрабатывающую промышленность и строительство инфраструктурных объектов. «Наша общая стратегия и партнерство с каждым разом становятся более прочными и поднимаются на более высокий уровень, а также подразумевают развитие новых проектов», — заявила Д. Руссефф.

Саммит БРИКС в Латинской Америке

Во время пребывания в Бразилии В.В. Путин принял участие в VI саммите БРИКС, который прошел в городах Форталеза и Бразилиа 15 и 16 июля. Очередная встреча в верхах была посвящена вопросам политической координации стран-членов «пятерки» и проблемам глобального регулирования. По итогам саммита лидеры БРИКС приняли Форталезскую декларацию и Форталезский план действий, а также присутствовали при подписании пакета документов финансово-экономического характера:

Меморандума о взаимопонимании и сотрудничестве между экспортно-кредитными агентствами стран БРИКС;

Соглашения о сотрудничестве в области инноваций;

Договора о создании Пула условных валютных резервов стран БРИКС;

Соглашения о создании Нового банка развития БРИКС [10].

В условиях резко обострившейся международной обстановки перед лидерами «пятерки» стояла задача доказать политическую жизнеспособность группы и подтвердить обоснованность ее претензий на ведущие позиции в мире. К этому времени в определенных кругах усилился скептицизм относительно перспектив блока и его способностей формировать многосторонние институты и реализовывать масштабные совместные проекты.

Выступая на саммите, В.В. Путин дал развернутую оценку положению БРИКС в современном мире. По мнению российского руководителя, группа занимает уникальное место в глобальной экономике, являясь самым большим международным рынком и обеспечивая 21% общемирового ВВП. Страны-члены, подчеркнул российский президент, играют все более значимую роль и на политической арене. Именно благодаря их твердой позиции в Совете Безопасности ООН удалось сплотить большинство участников международного общения и предотвратить иностранное военное вторжение в Сирию, добиться уничтожения сирийского химического оружия. Принципиально важно, что государства БРИКС объединяет стремление выступать с единых позиций по вопросам глобального развития, формирования новой мировой финансово-экономической архитектуры. С этой целью, отметил В.В. Путин, они «конструктивно взаимодействуют

в рамках «Группы двадцати», активно содействуют субстантивному наполнению повестки дня «двадцатки», разработке договоренностей, призванных ускорить глобальный экономический рост и торговлю, решить проблемы занятости» [11].

Встреча в Бразилии стала первым саммитом БРИКС в новом пятилетнем цикле (каждая из стран-участниц уже проводила совещания на высшем уровне на своей территории). Она, с одной стороны, осуществила своего рода «инвентаризацию» уже достигнутых результатов сотрудничества, а с другой — указала наиболее перспективные направления и сферы дальнейшего взаимодействия. В частности, бесспорным достижением явилось решение о создании Банка развития БРИКС, который призван стать одним из крупнейших многосторонних институтов развития в мире. Как и Пул валютных резервов, Банк заработает в 2015 г. Его штаб-квартира будет в Шанхае, объявленный капитал — 100 млрд долл. (Китай — 41 млрд, Бразилия, Индия и Россия — по 18 млрд, ЮАР — 5 млрд), а специализацией станет финансирование инфраструктурных проектов на территориях стран-участниц. Что касается Пула, он нацелен на эффективную защиту государств БРИКС от кризисных перепадов на международных финансовых рынках. Масштабы возможных операций в его рамках также могут достичь 100 млрд долл. По сути, Банк и Пул с суммарными ресурсами в 200 млрд долл. закладывают основы для координации макроэкономической политики России и государств-партнеров, что позволит осуществлять крупные совместные программы развития.

В Бразилии В.В. Путин с удовлетворением отметил, что в последнее время активно заработал Деловой совет БРИКС, инициатором создания которого была Россия. В настоящий момент его экспертами готовится ряд перспективных проектов многостороннего характера, в том числе по совершенствованию инвестиционного климата. Достаточно эффективно функционируют и другие институты БРИКС — например, Банковский форум и Биржевой альянс, обеспечивающий кросс-листинг акций более 7 тыс. компаний стран-членов объединения с общей капитализацией около 8 трлн долл. На сегодняшний день БРИКС имеет уже более двух десятков форматов сотрудничества — от ежегодных встреч на высшем уровне до различных рабочих групп (по международной информационной безопасности, здравоохранению, сельскому хозяйству, науке и технике и т.д.) [12].

К бразильскому саммиту российская сторона подготовила проект Стратегии многостороннего экономического сотрудничества и предложила создать специальную рабочую группу высокого уровня для обстоятельной проработки данной инициативы. Ключевые установки проекта Стратегии были конкретизированы в другом представленном российской делегацией документе — «Дорожной карте инвестиционного сотрудничества», которая насчитывала 37 позиций в самых различных областях, от высоких технологий до гуманитарной сферы. В частности, было выдвинуто предложение учредить Энергетическую ассоциацию БРИКС и под ее эгидой создать Резервный банк топлива и Институт энергетической политики. По мнению российского руководства, указанные шаги позволили бы существенно укрепить энергобезопасность членов группы в условиях явной разбалансировки мирового рынка углеводородных энергоносителей. Другим направлением сотрудничества может стать совместное использование российской глобальной навигационной системы ГЛОНАСС в таких областях, как транспорт, обще-

ственная безопасность и сельское хозяйство. Только в сельском хозяйстве, по расчетам специалистов, применение системы ГЛОНАСС позволит повысить урожайность на 30–50%. Столь же значительный эффект ожидается и в других отраслях [13].

Президент России зафиксировал внимание партнеров на необходимости шире раздвигать горизонты взаимодействия, обозначил новые перспективные направления совместных действий. В том числе: расширение гуманитарных контактов, формирование парламентского, гражданского, профсоюзного, молодежного «измерений» «пятерки», заключение соглашения о сотрудничестве в области культуры, создание Сетевого университета БРИКС, в который вошли бы ведущие вузы стран-участниц.

Очевидно, что представленный В.В. Путиным в Бразилии впечатляющий пакет инициатив ставил целью насытить совместную работу в рамках БРИКС новыми идеями и повысить внимание к деятельности группы со стороны латиноамериканских стран. Не случайно по завершении саммита его участники встретились с главами государств Южной Америки, продолжив тем самым практику, зародившуюся в ходе встречи в Дурбане (ЮАР, 2013 г.), где лидеры БРИКС провели переговоры с руководством Афросоюза и еще восемью интеграционными объединениями африканского континента. В.В. Путин использовал открывшуюся возможность и по окончании общей встречи провел беседы с президентами Венесуэлы, Боливии, Чили и Уругвая. Таким образом, президент России в ходе своего латиноамериканского турне имел двусторонние контакты с лидерами восьми стран Латинской Америки.

Война санкций и ее последствия

Политические и экономические итоги прошлогодней июльской поездки В.В. Путина в Латинскую Америку позволяют сделать ряд обобщений, касающихся развития российско-латиноамериканских отношений.

Первое. В ситуации возгонки международной конфликтности, ухудшения геополитического климата и фактического свертывания торгово-экономического и финансового сотрудничества с Западом перед Россией встал вопрос о необходимости выработки нового стратегического курса на мировой арене, расширения круга надежных и активных зарубежных партнеров за счет государств, готовых (и способных) наращивать политическое и деловое взаимодействие с нашей страной на равноправной основе. В числе таких государств — республики Латинской Америки, сближение с которыми способно снизить внешнеполитические риски и укрепить переговорные позиции Москвы. При этом существенно отметить следующее: если в отношениях России с Западом противоречия коренятся в глубоких ценностных различиях, то в диалоге со многими странами Латинской Америки этот разъединяющий фактор зачастую отсутствует, что создает благоприятную основу для взаимопонимания и результативного взаимодействия на международной арене.

Второе. В ходе визита В.В. Путина получила закрепление ориентация торгово-экономического сотрудничества России со странами Латинской Америки на стратегически

значимые отрасли хозяйства, от состояния и развития которых в решающей степени зависит будущее латиноамериканских государств, их место и роль в формирующемся миропорядке. Речь идет прежде всего об энергетике, включая атомную, а также масштабных инфраструктурных проектах, сельском хозяйстве, сфере высоких технологий, военно-технической области, массовых коммуникациях. В частности, в Аргентине «Росатом» готов бороться с иностранными конкурентами за контракт на сооружение третьего энергоблока АЭС «Atucha». Чрезвычайно перспективным может стать участие российских компаний в разработке крупнейшего аргентинского месторождения сланцевых нефти и газа «Vaca Muerta» [14].

Третье. Поездка В.В. Путина подтвердила курс Москвы на стратегическое партнерство с крупнейшими и наиболее развитыми государствами Южной Америки — Аргентиной и Бразилией. Особый акцент был сделан на углублении экономических связей, налаживании производственной кооперации, в том числе в таких высокотехнологичных отраслях, как авиа- и автомобилестроение. Например, российские компании полностью удовлетворяют потребности авиаконцерна «Embraer» в критически необходимых титановых материалах, а отечественная компания «КамАЗ» и бразильская «Marcopolo» наладили в России производство автобусов [15].

И еще одно соображение. Складывается крайне важное в нынешних условиях деловое взаимодействие ведущих российских государственных и частных компаний с латиноамериканскими транснациональными корпорациями (ТНК) — так называемыми «мультилатинас» [16]. Парадигмальным примером может стать сотрудничество двух энергетических гигантов: НК «Роснефть» и концерна «Petrobras». Подчеркнем, что «Роснефть» уже создала дочернюю компанию в Бразилии и тем самым институционализировала свое присутствие на огромном бразильском рынке. Прочные контакты российский бизнес установил с такими «мультилатинас», как YPF, «Tecpetrol», «JBS-Friboi», «Odebrecht», «Brasil Foods», «Concha y Toro», «Comargo Correa», «Laboratorios Bagó» и др.

Как сказалоь на российской экономике расширение сотрудничества с латиноамериканскими странами в условиях санкционного давления Запада?

20 января нынешнего года президент США Б. Обама заявил, что принятые летом 2014 г. западные торгово-экономические и финансовые санкции в отношении РФ ставили своей целью «разорвать в клочья» российскую экономику [17]. Эти санкции и ответные меры российского правительства (своего рода «война санкций») продемонстрировали своевременность активизации взаимодействия России со странами Латинской Америки. Именно страны этого региона (Аргентина, Бразилия, Парагвай, Перу, Чили, Уругвай, Эквадор и др.) располагают необходимыми товарными ресурсами, чтобы заменить продукцию западных компаний и сбалансировать российский продовольственный рынок. Не случайно такая перспектива вызвала серьезное беспокойство в деловых кругах Европейского союза. По сообщению газеты «Financial Times», Евро-союз принял решение провести переговоры со странами Латинской Америки, чтобы отговорить их от замещения своей продукцией европейского сельскохозяйственного

экспорта на российский рынок [18]. В результате давление ЕС не возымело никакого действия. Представители латиноамериканского пищевого сектора выразили готовность существенно нарастить поставки в Россию продовольственных товаров и в оперативном порядке провели соответствующие переговоры с российскими импортерами.

Вот только один пример. В середине сентября 2014 г. в Москве побывала аргентинская бизнес-миссия, в состав которой вошли руководители свыше 60 предприятий-экспортеров, реализующих на мировых рынках широкий ассортимент сельскохозяйственной продукции, в том числе молочные товары, мясо и мясопродукты, рыбу, вино, фрукты, консервы и т.д. Аргентина предложила, дополнительно к объему заключенных контрактов, поставить в Россию в 2014–2015 гг.: яблок и груш — свыше 200 тыс. т, мандаринов — 52 тыс. т, апельсинов — 50 тыс. т, лимонов — 40 тыс. т, винограда — 14 тыс. т, бутилированного вина — более 170 тыс. т. [19] Кроме того, аргентинские предприниматели выразили готовность к сотрудничеству в деле передачи сельскохозяйственных технологий и поставок в Россию передовых образцов сельхозтехники. Организатором мероприятия выступило посольство Аргентины в Москве при поддержке Торгово-промышленной палаты Российской Федерации.

Подчеркнем, что интенсификация российско-латиноамериканских экономических интеракций носит взаимный и взаимовыгодный характер. Так, в ответ на увеличение латиноамериканского продовольственного экспорта в Россию отечественные предприятия выразили готовность нарастить поставки в страны региона крайне необходимых там сельскохозяйственных удобрений. Один из ведущих мировых производителей фосфорсодержащих удобрений — группа компаний «ФосАгро» в ноябре 2014 г. объявила о планах к 2020 г. увеличить продажи в Латинскую Америку ряда важнейших видов своей продукции (диаммоний фосфат, моноаммоний фосфат, карбамид и комплексные удобрения) почти на 70% — с 920 до 1540 тыс. т. [20] Реализация этой стратегии на обозримую перспективу закрепит регион в роли ключевого внешнего рынка «ФосАгро».

Заметны и успехи в продвижении в Латинскую Америку российской высокотехнологичной продукции. В декабре 2014 г. мексиканский авиаперевозчик «Interjet» получил двенадцатый по счету (из двадцати первоначально заказанных) ближнемагистральный 100-местный пассажирский лайнер Sukhoi Superjet 100. Одновременно стало известно, что совет директоров «Interjet» одобрил сделку на приобретение еще 10 таких самолетов, поскольку они продемонстрировали высокие эксплуатационные качества [21]. В соответствии с контрактом, подписанным холдингом «Вертолеты России» и министерством обороны Перу, в 2015 г. должна завершиться поставка в Перу партии из 24 многоцелевых военно-транспортных вертолетов МИ-171Ш производства Улан-Удэнского авиационного завода. Эти машины оснащены новыми системами, повышающими эффективность их применения, комплексом средств защиты, а также радиоэлектронным и приборным оборудованием, позволяющим выполнять полеты в сложных метеословиях в любое время суток [22].

Активно работает на латиноамериканском рынке инновационный холдинг «Швабе», предприятия которого выпускают широкую гамму оптических, лазерных систем

и комплексов, оптических материалов и технологий, наукоемкой медицинской техники, энергосберегающей светотехники и другой высокотехнологичной продукции. «На сегодняшний день страны Латинской Америки являются перспективным рынком, и развитие сотрудничества с данным регионом — одно из приоритетных направлений для Холдинга», — подчеркнул на встрече с представителями СМИ из Аргентины, Бразилии, Мексики, Перу и Чили заместитель генерального директора по внешнеэкономической деятельности А.В. Слудных, добавив, что «Швабе» планирует экспортировать в регион уникальное медицинское оборудование, получившее высокую оценку специалистов по всему миру [23]. В рамках пресс-тура на предприятие Холдинга — «Уральский оптико-механический завод имени Э.С. Яламова» латиноамериканские журналисты смогли ознакомиться с инновационными технологиями, применяемыми при производстве продукции, и оценить экспортный потенциал «Швабе».

Такого рода примеры можно множить, что свидетельствует о важном тренде: определенная часть российского бизнеса, включая предприятия высокотехнологичного сектора, начинает активнее настраиваться на «латиноамериканскую волну».

Тенденции, которые были акцентированы в ходе поездки В.В. Путина и определили своего рода дорожную карту дальнейшего продвижения вперед отношений России с Латинской Америкой, получают развитие. Так, 15 января текущего года российский лидер провел встречу с президентом Венесуэлы Николасом Мадуро и обсудил ход реализации крупных совместных проектов двух стран в энергетике, сельском хозяйстве и промышленности. Специальное внимание было уделено положению дел на мировых рынках нефти [24]. 16 февраля состоялась встреча министра иностранных дел России С.В. Лаврова с главами дипломатических представительств государств Латинской Америки и Карибского бассейна, аккредитованных в Москве. В ходе встречи состоялся обмен мнениями по ключевым вопросам международной повестки дня, проблематике отношений РФ с государствами региона, была отмечена устойчивая тенденция к укреплению роли латиноамериканских стран в мировых делах. По просьбе послов С.В. Лавров подробно изложил позицию российского руководства относительно ситуации на Украине. В политических кругах и средствах массовой информации Латинской Америки указанная встреча была расценена как свидетельство готовности Москвы укреплять сотрудничество с государствами региона [25].

В середине февраля 2015 г. повышенное внимание в латиноамериканских СМИ привлекла поездка министра обороны РФ С.К. Шойгу в Венесуэлу, Никарагуа и на Кубу. Эксперты расценили этот визит как подтверждение курса на углубление военных связей со странами Латинской Америки на фоне обострения отношений России с Западом. Поездка принесла как военно-технические, так и политические результаты [26]. В первом случае, например, можно упомянуть:

договоренность с Венесуэлой и Никарагуа об упрощенном порядке захода в порты этих стран и организации там пунктов материально-технического обеспечения российских военных кораблей;

решение об участии российских военных в учениях вооруженных сил Венесуэлы, а венесуэльских военнослужащих — в международных армейских играх, проводимых в России;

изучение вопроса о расширении обменов слушателями высших военных учебных заведений и приглашении ребят из семей венесуэльских офицеров для обучения в российских кадетских и суворовских училищах;

открытие в Манагуа топографического центра, оборудование для которого было поставлено и смонтировано российскими специалистами;

обсуждение с кубинским руководством перспектив расширения сотрудничества двух стран в военно-морской сфере.

В политическом плане визит российского министра-силовика подтвердил близость позиций России и «латиноамериканской тройки» по современным проблемам глобальной и региональной безопасности, зафиксировал понимание нашими партнерами позиции Москвы по урегулированию существующих международных конфликтов, включая украинский кризис.

Геополитические расклады и стратегические риски

Расширение сотрудничества России с Латинской Америкой осуществляется в условиях перекройки международных отношений в регионе, усиливающегося геополитического и геоэкономического соперничества. При этом изменяется состав основных действующих лиц. Если еще относительно недавно, в 1990-е годы, в числе внешних акторов на латиноамериканском пространстве доминировали США и страны Евросоюза, то в настоящее время все более заметное место занимает КНР, руководство которой открыто стремится включить Латинскую Америку в формирующуюся глобальную китайскую бизнес-империю. Цифры говорят сами за себя: с 2000 по 2013 г. торговый оборот между Китаем и латиноамериканскими странами вырос с 12 млрд до 275 млрд долл. (в 22 раза), а к 2024 г. этот показатель должен увеличиться до 500 млрд долл. В ближайшие десять лет Пекин рассчитывает разместить в регионе огромные инвестиции — порядка 250 млрд долл. [27]

О планах дальнейшего расширения китайско-латиноамериканского торгово-инвестиционного взаимодействия подробно говорилось на I министерском форуме Китай — СЕЛАК (Сообщество стран Латинской Америки и Карибского бассейна, объединяющее 33 государства региона), который прошел в Пекине 8–9 января 2015 г. Лейтмотивом встречи стала идея превращения отношений между КНР и латиноамериканским регионом в эффективную и привлекательную модель взаимовыгодного международного сотрудничества. Итоги министерского форума показали, что Китай намерен активно конкурировать с США и любыми другими государствами за позиции в Латинской Америке.

Вашингтон пытается ответить на экспансионистскую стратегию Пекина как экономическими, так и политическими мерами. Примером тому служит решение о восстановлении отношений с Кубой. Тем самым Вашингтон устраняет одну из главных проблем, десятилетиями отравлявшую международный климат в Западном полушарии и вызывавшую критику со стороны большинства латиноамериканских стран. 17 декабря 2014 г. Б. Обама и Р. Кастро синхронно в телевизионных выступлениях объявили о поистине сенсационной договоренности правительств двух стран подвести черту под продолжавшейся свыше 50 лет эпохой враждебности и начать процесс восстановления дипломатических и торгово-экономических отношений.

Оценивая этот судьбоносный демарш, который в регионе был воспринят как «падение карибской стены» [28], подчеркнем следующее. Восстанавливая отношения с Гаваной, Вашингтон пытается подготовить почву, чтобы со временем перетянуть Кубу на свою политическую орбиту, де-факто акцентирует курс на ослабление в Латинской Америке единого антиамериканского фронта, осью которого являлось всестороннее кубинско-венесуэльское сотрудничество. В результате Карибский бассейн, где особенно сильно влияние Венесуэлы и Кубы и где заметна повышенная активность Китая и России, может стать точкой неустойчивости, подверженной серьезным геополитическим переменам. Нельзя исключить и образования своего рода карибской кризисной дуги.

На наш взгляд, развитие международной обстановки в Латинской Америке на обозримую перспективу возможно в весьма узком диапазоне вариантов. Решающую роль в формировании будущего геоэкономического и геополитического устройства региона будет играть стратегическое соперничество между Соединенными Штатами и Китаем при снижающейся роли Евросоюза (в частности, в силу затянувшихся кризисных явлений во многих европейских странах) и попытки России укрепить здесь свои позиции. Нахождение баланса интересов США, КНР и РФ в Латинской Америке будет означать формирование в регионе геополитического треугольника, результатом чего станет дальнейшее расширение альтернативных торгово-экономических и политических возможностей латиноамериканских стран.

Есть основания полагать, что в ближайшие годы стратегия Российской Федерации в Латинской Америке будет формироваться и осуществляться на практике под воздействием трех геополитических факторов.

Во-первых, в российском политическом истеблишменте и в национальных деловых кругах сформировался запрос на активную глобальную деятельность государства, направленную на продвижение интересов России во всех уголках Земного шара. Латинская Америка с ее огромным экономическим потенциалом и растущими рынками не может являться исключением.

Во-вторых, отношения между Россией и Западом вступили, судя по всему, в продолжительный период «новой холодной войны». Это означает, что Вашингтон и Брюссель сохраняют курс на «сдерживание» Москвы и в обозримом будущем продолжат последовательно ограничивать российские финансово-экономические, торговые, политико-дипло-

матические и военно-технические интересы и возможности на международной арене. При таком геостратегическом раскладе углубление сотрудничества с Латинской Америкой в самых различных областях, включая оборонную, необходимо России для снижения собственной внешней уязвимости и расширения поля для глобального маневра.

В-третьих, латиноамериканский регион становится сферой стратегической конкуренции между США и КНР, в основе которой лежит интенсивная торгово-экономическая экспансия Китая в Латинской Америке, напрямую угрожающая позициям американского бизнес-сообщества и «работающая» на диверсификацию внешних связей латиноамериканских стран. Эта конкуренция неизбежно приведет к появлению альтернативных мегапроектов (пример — роль китайского бизнеса в выдвигании и осуществлении проекта строительства межконтинентального канала на территории Никарагуа) [29], участие в реализации которых может быть интересным и для российских компаний.

Оценивая нынешний геостратегический контекст, можно констатировать, что при всех имеющихся трудностях и рисках глобальные и региональные условия еще никогда не были настолько благоприятными для российско-латиноамериканского политического и экономического взаимодействия. Сложилась ситуация, в которой Россия может стать одним из значимых игроков на пространстве Латинской Америки.

Вместе с тем нельзя не видеть тех трудностей и стратегических рисков, которые детерминированы тревожными тенденциями внутреннего хозяйственного и политического развития Российской Федерации, попытками Запада загнать российскую экономику в ступор. Критически важно, чтобы достигнутые (в частности, в ходе поездки В.В. Путина в Латинскую Америку в июле 2014 г.) договоренности неукоснительно воплощались в жизнь, чтобы намеченные программы сотрудничества реализовывались на практике, а не остались лишь благими пожеланиями.

Примечания:

- [1] Заявление для прессы по итогам российско-кубинских переговоров. 11 июля 2014 г. Гавана. — <http://news.kremlin.ru/transcripts/46201/print>
- [2] Документы, подписанные по итогам российско-кубинских переговоров. 11 июля 2014 г. — http://news.kremlin.ru/ref_notes/4735/print
- [3] Заявление для прессы по итогам российско-кубинских переговоров. 11 июля 2014 г. Гавана. — <http://news.kremlin.ru/transcripts/46201/print>
- [4] Putin en Nicaragua. — *La Prensa*. Managua, 12.07.2014.
- [5] Официальный обед от имени Президента Аргентины Кристины Фернандес де Киршнер. 13 июля 2014 г. — <http://www.kremlin.ru/news/46211>
- [6] Документы, подписанные по итогам российско-аргентинских переговоров. 12 июля 2014 г. — http://news.kremlin.ru/ref_notes/4736/print
- [7] ООО «ИНТЕР РАО — Экспорт» победило в тендере на строительство ГЭС «Чиуидо-1» в Аргентине. — <http://interraexport.ru/press/news/detail.php?ID=226>
- [8] Документы, подписанные по итогам российско-бразильских переговоров. 14 июля 2014 г. — <http://news.kremlin.ru/ref/4737/print>

- [9] Заявление для прессы по итогам российско-бразильских переговоров. 14 июля 2014 г. Бразилиа. — <http://news.kremlin.ru/transcripts/46219/print>
- [10] Документы VI саммита БРИКС. 15 июля 2014 г. — http://news.kremlin.ru/ref_notes/4738/print
- [11] Президент России. Выступление на встрече лидеров Бразилии, России, Индии, Китая и ЮАР в расширенном составе. 15 июля 2014 г., Форталеза. — <http://news.kremlin.ru/transcripts/46229/print>
- [12] Там же.
- [13] Там же.
- [14] Заявление для прессы по итогам российско-аргентинских переговоров. 12 июля 2014 г., Буэнос-Айрес. — <http://news.kremlin.ru/transcripts/46210/print>
- [15] Заявление для прессы по итогам российско-бразильских переговоров. 14 июля 2014 г., Бразилиа. — <http://news.kremlin.ru/transcripts/46219/print>
- [16] См.: П.П. Яковлев. «Мультилатинас»: трансграничный рывок латиноамериканского бизнеса. // Латинская Америка, 2013, № 6.
- [17] Remarks by the President in State of the Union Address. January 20, 2015. URL: <http://www.whitehouse.gov/>
- [18] Christian Oliver. EU plans Russia sanctions talks with Latin American countries. The Financial Times. London, 11.08.2014.
- [19] República Argentina. Ministerio de Relaciones Exteriores y Culto. Торговые возможности с Российской Федерацией. Август 2014.
- [20] Ольга Мордюшенко. «Фосагро» провело в Москве день инвестора. 25.11.2014. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2618510?isSearch=True>
- [21] Мексиканская авиакомпания получила двенадцатый самолет Sukhoi Superjet. 23 декабря 2014. — <http://minpromtorg.gov.ru/press-centre/all/>
- [22] «Вертолеты России» поставили в Перу новую партию МИ-171Ш. 3 декабря 2014 г. URL: <http://minpromtorg.gov.ru/press-centre/all/>
- [23] «Швабе» рассказал о перспективах развития в странах Латинской Америки. 2 декабря 2014. — <http://shvabe.com/press/news/>
- [24] Президент России. 15 января Владимир Путин встретится с Президентом Венесуэлы Николасом Мадуро. 14 января 2015 г. — <http://news.kremlin.ru/news/47477/print>
- [25] Rusia apuesta por fortalecer el diálogo y la cooperación con América Latina. 16 febrero, 2015. URL: <http://www.infolatam.com/2015/02/16/>
- [26] Министр обороны России генерал армии Сергей Шойгу совершит официальные визиты в Венесуэлу, Никарагуа и Кубу. 11.02.2015. — <http://function.mil.ru/>
- [27] China y Latinoamérica sellan una alianza que quiere ser un modelo de cooperación. 01/09/2015. — <http://www.americaeconomia.com/>
- [28] Así cayó el Muro del Caribe. El País. Madrid, 20.12.2014.
- [29] См. на портале «Перспективы»: Наиля Яковлева. Никарагуанский канал: большая игра (25.11.2013).

Список литературы:

- 15 января Владимир Путин встретится с Президентом Венесуэлы Николасом Мадуро // Сайт президента России. 14 января 2015 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/47477> (дата обращения: 27.05.2015)

- «Вертолеты России» поставили в Перу новую партию МИ-171Ш // Минпромторг. 3 декабря 2014 г. URL: http://minpromtorg.gov.ru/press-centre/all/#!vertolety_rossii_postavili_v_peru_povnuyu_partiyu_mi171sh (дата обращения: 27.05.2015)
- Документы VI саммита БРИКС // Сайт президента России. 15 июля 2014 г. URL: <http://kremlin.ru/supplement/4738> (дата обращения: 27.05.2015)
- Документы, подписанные по итогам российско-кубинских переговоров // Сайт президента России. 11 июля 2014 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/46201> (дата обращения: 27.05.2015)
- Заявление для прессы по итогам российско-аргентинских переговоров // Сайт президента России. 12 июля 2014 г., Буэнос-Айрес. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/46210> (дата обращения: 27.05.2015)
- Заявление для прессы по итогам российско-бразильских переговоров // Сайт президента России 14 июля 2014 г. Бразилиа. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/46219> (дата обращения: 27.05.2015)
- Заявление для прессы по итогам российско-кубинских переговоров. 11 июля 2014 г. Гавана // Сайт президента России. 11 июля 2014 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/46201> (дата обращения: 27.05.2015)
- Мексиканская авиакомпания получила двенадцатый самолет Sukhoi Superjet // Минпромторг. 23 декабря 2014. URL: http://minpromtorg.gov.ru/press-centre/all/#!meksikanskaya_aviakompaniya_poluchila_dvenadcatyy_samolet_sukhoi_superjet (дата обращения: 27.05.2015)
- Министр обороны России генерал армии Сергей Шойгу совершит официальные визиты в Венесуэлу, Никарагуа и Кубу // Сайт Минобороны России. 11.02.2015. URL: http://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12007590@egNews (дата обращения: 27.05.2015)
- Наиля Яковлева. Никарагуанский канал: большая игра // Перспективы. 25.11.2013. URL: http://www.perspektivy.info/oykumena/politika/nikaraguanskij_kanal_bolshaja_igra_2013-11-25.htm (дата обращения: 27.05.2015)
- Ольга Мордюшенко. «Фосагро» провело в Москве день инвестора // Коммерсант. 25.11.2014. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2618510?isSearch=True> (дата обращения: 27.05.2015)
- ООО «ИНТЕР РАО — Экспорт» победило в тендере на строительство ГЭС «Чиуидо-1» в Аргентине // ИНТЕР РАО Экспорту Сайт. URL: <http://interraexport.ru/press/news/detail.php?ID=226> (дата обращения: 27.05.2015)
- Официальный обед от имени Президента Аргентины Кристины Фернандес де Киршнер // Сайт президента России 13 июля 2014 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/46211> (дата обращения: 27.05.2015)
- Президент России. Выступление на встрече лидеров Бразилии, России, Индии, Китая и ЮАР в расширенном составе. 15 июля 2014 г., Форталеза // Сайт президента России. 15 июля 2014 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/46229> (дата обращения: 27.05.2015)
- «Швабе» рассказал о перспективах развития в странах Латинской Америки // Швабе. 2 декабря 2014. URL: http://shvabe.com/press/news/shvabe-talked-about-the-prospects-of-development-in-latin-america/?sphrase_id=9667 (дата обращения: 27.05.2015)
- Яковлев П.П. «Мультилатинас»: трансграничный рывок латиноамериканского бизнеса // Латинская Америка. 2013. № 6.
- Así cayó el Muro del Caribe. El País. Madrid, 20.12.2014.

China y Latinoamérica sellan una alianza que quiere ser un modelo de cooperación // América economía. 01.09.2015. URL : <http://www.americaeconomia.com/economia-mercados/finanzas/china-y-latinoamerica-sellan-una-alianza-que-quiere-ser-un-modelo-de-coop> (date of access: 27.05.2015)

Christian Oliver. EU plans Russia sanctions talks with Latin American countries. The Financial Times. London, 11.08.2014.

Putin en Nicaragua. La Prensa. Managua, 12.07.2014.

Remarks by the President in State of the Union Address. January 20, 2015. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2015/01/20/remarks-president-state-union-address-january-20-2015> (date of access: 27.05.2015)

República Argentina. Ministerio de Relaciones Exteriores y Culto. Торговые возможности с Российской Федерацией. Август 2014.

Rusia apuesta por fortalecer el diálogo y la cooperación con América Latina // Infolatam. 16 Febrero, 2015. URL: <http://www.infolatam.com/2015/02/16/rusia-apuesta-por-fortalecer-el-dialogo-y-la-cooperacion-con-america-latina/> (date of access: 27.05.2015)

УДК 323; 338; 502; 620.9

АЛЕКСАНДР САЛИЦКИЙ, СВЕТЛАНА ЧЕСНОКОВА, АЛЕКСЕЙ ШАХМАТОВ

Китай: мощный старт экологической революции

Аннотация. *Исключительный по масштабам и динамике индустриальный рывок Китая в XXI в., вырвав эту страну из бедности, принес столь же исключительные негативные последствия и бедствия в виде загрязнения окружающей среды. Во втором десятилетии нового столетия в КНР, наконец, развернулась экологическая революция, впечатляющая по глубине и охвату. В центре внимания авторов статьи — перестройка китайской энергетики, которая заставляет самым серьезным образом пересматривать прогнозы мирового энергопотребления.*

Ключевые слова: *новая энергетика, угольная зависимость, «зеленая перспектива» энергоемкость ВВП, возобновляемые источники энергии, экологическая дипломатия.*

«Атэсовски-голубое небо» — неологизм, появившийся в китайском языке в дни проходившего в ноябре 2014 г. в Пекине саммита Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС). Действительно, тогда пекинский воздух освободился от смога — и не по воле небесной канцелярии, а вследствие довольно жестких административных мер. В окружающей столицу Китая провинции Хэбэй приостановили работу нескольких тысяч промышленных предприятий и строек. А сами пекинцы были вынуждены пользоваться личным автотранспортом через день.

Достигнутый «голубой эффект» подтвердил, помимо прочего, гипотезу китайских ученых о сложном происхождении смога, ставшего проклятием многих китайских городов. У него три важнейших компонента: двуокись серы, образующаяся при сжигании угля, автомобильные выхлопы и сухость воздуха. Показательная чистка наглядно продемонстрировала, что у страны есть реальная, хотя и не очень близкая, перспектива решительного улучшения экологической ситуации.

На саммите АТЭС Китай озвучил обязательство начать сокращение выбросов парниковых газов до 2030 г. К этому же сроку Пекин обещает повысить долю возобновляемых источников энергии (ВИЭ) до 20% энергопотребления. Обе задачи представляются выполнимыми — более того, не исключено, что они будут решены досрочно.

Сведения об авторах: САЛИЦКИЙ Александр Игоревич — главный научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН, доктор экономических наук; sal.55@mail.ru; ЧЕСНОКОВА Светлана Викторовна — научный сотрудник Института востоковедения РАН; csv7@mail.ru; ШАХМАТОВ Алексей Владимирович — руководитель секретариата председателя правления ОАО «Газпром», доктор экономических наук; ashakh@gazprom.ru.

Дело в том, что хозяйственная система и общество Китая вступили в фазу зрелости, когда на завершающей стадии индустриальной и потребительской революции развивается революция экологическая.

Впечатляет ее нарастающий инвестиционный масштаб. Только в двенадцатой пятилетке (2011–2015) на экологические цели было выделено 5 трлн юаней (более 800 млрд долл.), причем в 2015 г. объем расходов почти в два с половиной раза превысит уровень 2011 г. Но это не все. Так, в декабре 2013 г. сообщалось о новом масштабном плане улучшения качества воздуха в китайских городах. На реализацию только этой программы в 2014–2017 гг. выделено 1,75 трлн юаней (почти 300 млрд долл.) [1].

Индустриализация и экологические проблемы

Современные восточные общества испытывают два вида экологических проблем. Одни обусловлены аграрным перенаселением, массовой нищетой и экономически вынужденным нанесением ущерба окружающей среде. Наиболее типичным и опасным примером такого рода является вырубка лесов. В том же ряду осушение болот и сокращение площади озер, распашка горных склонов, чрезмерный выпас скота в степях и т.п.

Второй вид экологических проблем тесно связан с индустриализацией и наращиванием использования ископаемого топлива. Эти проблемы имеют долгую историю изучения в развитых странах, а с 70-х годов прошлого века они прочно вошли в международную повестку дня — достаточно упомянуть Стокгольмскую конференцию ООН по охране окружающей среды 1972 г.

Напомним, что в том же году вышел доклад Римскому клубу «Пределы роста». В предложенной авторами доклада идее «нулевого роста» многие развивающиеся страны (включая Китай) усмотрели тогда попытку затормозить их экономическое развитие. Со временем полемика по этому вопросу приобрела в пекинской дипломатии вид тезиса о разной исторической ответственности развитых и развивающихся государств за глобальные экологические проблемы.

Изучение хода индустриализации в КНР располагает к осторожному, но все-таки оптимизму в отношении возможности решить экологические проблемы, стоящие перед восточным исполином.

Во-первых, КНР уже в основном решила экологические проблемы, связанные с массовой нищетой сельского населения. В первое десятилетие реформ положительную роль сыграли ограничение рождаемости и миграции в города, мануфактуризация деревни, общественные природоохранные работы (особенно массовые лесопосадки), народное просвещение и т.п.

В сфере энергопотребления успешное решение экологических проблем первого вида правомерно связывать со значительным сокращением использования традици-

онного топлива, что обычно сопровождается повышением благосостояния в деревне. Доля традиционных видов топлива в общем потреблении первичной энергии в Китае снизилась с 18% в 2000 г. (что уже тогда было, кстати, лучше нынешнего показателя для Индии) до менее чем 2% в 2011 г. Иначе как «прорывом» такую динамику не назовешь.

Во-вторых, наблюдается в целом положительная связь между динамичным экономическим развитием (включая индустриализацию) и умением правильно диагностировать, предотвращать и лечить экологические болезни (хотя второе и оказывается несколько отложенным во времени).

На предыдущих этапах модернизации и рыночных реформ КНР не избежала порочного алгоритма «сначала надо стать грязным, а потом думать об экологии» [2, с. 180]. Желание создать полномасштабный промышленный комплекс с мощной тяжелой индустрией, извечное стремление опираться на собственные силы (ведшее к нещадной эксплуатации местных источников сырья и топлива), сама погоня за зажиточностью не способствовали охране природы и экономии ресурсов. Рыночные реформы могут вызывать значительный экологический ущерб — до тех пор, пока общество и государство не научатся регулировать эту область.

В Китае месторождения каменного угля широко распространены по территории страны, а его добыча на мелких шахтах и выработках долгое время приветствовалась местными властями. Доступность этого вида топлива повсеместно вела к его вовлечению (в том числе незаконному) в рыночный оборот и породила далекие от идеала способы использования.

О бедах, происходящих от чрезмерного сжигания угля, а также экологических (и человеческих) издержках его добычи различными способами хорошо известно. Ущерб, наносимый воздушной среде, дополняет проблема утилизации твердых отходов горения. Но другого доступного топливного ресурса для продолжения индустриализации в тогда еще сравнительно небогатой стране не нашлось. За первое десятилетие нашего века Китай втрое нарастил использование этого вида топлива, со всеми вытекающими негативными последствиями.

Но был в этом индустриальном рывке и эволюционный смысл. Массовое наращивание и обновление основных фондов в крупной угледобыче и энергетике сопровождалось «сплошной модернизацией» тяжелой промышленности. Одновременно в стране уже к началу нынешнего десятилетия была создана современная транспортная инфраструктура с неплохими характеристиками эффективности (табл. 1). Десятилетие индустриально-инфраструктурного рывка сопровождалось потребительской революцией. А ее составной частью, как это было в свое время и в развитых странах, становится революция экологическая.

Таблица 1

**Энергозатраты при железнодорожных перевозках в КНР и Японии, кг у.т.
(условное топливо) /10 тыс. т-км**

Страны \ Годы	2000	2005	2008	2009
КНР	114.5	97.3	67.5	64.6
Япония	85.7	85.7	82.9	80.0

Источник: *Чжунго нэньюань тунци няньцзянь 2010 (Статистический ежегодник энергетики Китая 2010), Пекин, 2010.*

Понимание устойчивого развития в Китае имеет некоторые особенности, отчасти противоречащие общепринятым представлениям. Можно выделить по меньшей мере три таких особенности. Во-первых, в китайской трактовке устойчивого развития отсутствует антииндустриальный элемент — наоборот, продолжение и модификация индустриализации рассматриваются еще и как средство решения экологических проблем. Во-вторых, довольно сильно выражен преобразующий природу мотив: государство прикладывает значительные усилия для развития континентальных районов страны, осуществляет ряд инфраструктурных мегапроектов, включая переброску вод с юга на север, и т.п. В-третьих, устойчивость развития имеет в КНР ярко выраженный социальный аспект (борьба с бедностью), подразумевает определенную обособленность страны и своеобразие ее экологической политики, а также защиту от неблагоприятных внешних воздействий (например, противодействие ввозу в страну «грязных» производств).

Не случайно такое понимание устойчивого развития привело к превращению Китая в одного из лидеров в области использования возобновляемых источников энергии (ВИЭ) — среди как развитых, так и развивающихся стран.

Ясно и другое: без достижения определенного уровня в производстве и потреблении ископаемых видов топлива переход к новой энергетике в массовом масштабе вряд ли осуществим. Это особенно четко видно при сравнении энергетики Китая и Индии. Индия пока не преуспела в решении экологических проблем первого вида: две трети населения страны вынуждены использовать традиционные виды топлива. Четверть жителей Индии не имеет доступа к источникам электроэнергии [3, р. 90]. А достигнутый прогресс в ВИЭ-генерации (в основном ветровой энергетике) сдерживается в этой стране трудностью подключения агрегатов к энергосетям — просто в силу их удаленности [4, р. 21].

К тому же в Индии, где ввод в эксплуатацию новых угольных месторождений часто сопряжен с неизбежным ущербом лесам, по этому поводу идет оживленная дискуссия. В ее ходе бывший министр угольной промышленности А. Перти высказался весьма решительно: «Индии пора выбрать, что ей нужно: тигры или электричество» [5, р. 4].

В известном смысле Китай опровергает прогнозы Римского клуба начала 1970-х годов, которые отражали очевидные опасения тогдашнего, куда более индустриального,

чем теперь, Запада по поводу дальнейшего повышения цен на ресурсы в ходе развернувшейся индустриализации Востока. Но сдерживание развития извне (в том числе под экологическими знаменами) в случае с Китаем явно не прошло.

Впрочем, до экологического благополучия еще далеко. В 2012 г. печать сообщала о намерении КНР построить еще около 360 угольных ТЭС суммарной мощностью более 500 ГВт. Многие из них планировалось разместить в регионах со значительным дефицитом воды. Эти планы критиковались, в том числе китайскими экологами и экономистами, обозреватели не исключали их будущей серьезной корректировки [6].

Такая корректировка началась.

Структурная перестройка экономики и новая энергетика

В ходе индустриального рывка начала века КНР сначала добилась качественного сдвига в использовании своего главного энергоресурса — угля и снижении энергоемкости производства. Этот сдвиг пришелся в основном на одиннадцатую пятилетку (2006–2010), когда ставший нормативным показатель энергоемкости ВВП (ВРП) сократился на 19%. В 2006–2011 гг. расход угля на выработку 1 кВт·ч электроэнергии на китайских ТЭС снизился на 10%: с 367 до 326 граммов, вплотную приблизившись к показателям в развитых странах [7].

Важно, что в те годы КНР вышла за рамки привычной опоры на собственные силы: добыча угля внутри страны (часто экологически вредная) стала сочетаться с масштабным ввозом этого вида топлива из-за рубежа. В 2013 г. импорт угля превысил 320 млн т, в 2014 г. составил 290 млн т. Это уже существенное добавление к внутренней добыче (3 млрд 870 млн т в 2014 г.) [7].

Пока еще около 20% угля поступает с технологически отсталых предприятий внутри страны. Государство полно решимости продолжать курс на свертывание таких мощностей. Осенью 2013 г. правительство КНР предписало начать закрытие углеработок, дающих менее 90 тыс. т топлива в год, а лицензии на открытие новых добывающих мощностей будут выдаваться лишь при планируемом объеме добычи свыше 300 тыс. т [8].

При китайских масштабах потребления угля 20% — величина значительная. Что его заменит? Продолжится ли рост потребления угля на ТЭС? Эти вопросы волнуют производителей энергоресурсов по всему миру и очень важны для той части китайских промышленников, которая уже успела зарекомендовать себя в качестве производителей оборудования для новой энергетики. Это не только машиностроители, но и атомщики.

Помимо ГЭС и АЭС, в китайском случае в *новую энергетику* совершенно необходимо, на наш взгляд, включить и газовую отрасль — с некоторой долей условности противопоставляя весь этот «чистый массив» угольной энергетике. Доля последней в энергохозяйстве страны в относительном выражении, как теперь уже очевидно, будет сокращаться. Это предусматривалось и прежними планами китайского правитель-

ства — так, за годы двенадцатой пятилетки (2011–2015) долю угля в энергопотреблении хотели сократить на 2%.

Переменам поспособствовал третий пленум ЦК КПК, состоявшийся в ноябре 2013 г. и обозначивший линию на постепенное снижение темпов экономического роста, стимулирование внутреннего спроса, ускоренное развитие сферы услуг, а также новой энергетики. Предполагается, что в нынешнем десятилетии потребление энергии будет расти примерно на 4% в год. При этом структурная перестройка энергетики несколько облегчается. Но и такой рост потребления энергии может оказаться излишним в случае дальнейшего замедления темпов экономического роста в КНР.

2014 г. преподнес своеобразную сенсацию: добыча угля в Китае впервые за многие годы сократилась на 2,5%. Снизился и ввоз угля, а его потребление (также впервые) уменьшилось на 2,9%.

По ходу дела КНР опрокидывает прогнозы международных агентств. Так, еще недавно Международное энергетическое агентство полагало, что потребление угля в мире вырастет с 7,2 млрд т в 2010 г. до 9 млрд т к 2020 г., причем 60% прироста придется на КНР [9].

Экономика Китая перевалила пик индустриализации. Доля промышленности в ВВП, достигнув 48% в конце прошлого десятилетия, снизилась в 2014 г. до 42,6% (хотя промышленный рост продолжается). Услуги, как известно, в целом менее энергоемки. Другим структурным резервом является закрытие технологически отсталых производств, в том числе в топливно-энергетическом секторе.

Улучшают перспективы перестройки еще по крайней мере два обстоятельства. Во-первых, во многих отраслях тяжелой промышленности Китая, включая черную и цветную металлургию, а также производство цемента, уже образовались избыточные мощности, что снижает спрос на уголь. Во-вторых, продолжается удешевление оборудования для ВИЭ-генерации и одновременно ужесточаются экологические требования к оборудованию на угольных ТЭС.

Кроме того, в минувшем году печать сообщила о создании Китаем собственных, существенно более дешевых, технологий по десульфуризации выбросов ТЭС. Это может сократить сроки обязательного внедрения десульфуризации по всей стране.

КНР в 2014 г. динамично наращивала мощности в новой энергетике. Прирост мощностей на ВЭС составил 25,6%, в соляной генерации — 67%. Мощности АЭС увеличились на 36%, ГЭС — почти на 8%. Впервые сократилась выработка электроэнергии на ТЭС. Производство же энергии на ГЭС и АЭС выросло значительно: почти на 16 и 19%.

Общее потребление энергоресурсов в 2014 г. составило 4 млрд 260 млн т условного топлива (рост на 2,2%). Сокращение потребления угля сопровождалось увеличением потребления нефти (на 5,9%) и природного газа (на 8,6%). Потребление энергоресурсов

в расчете на единицу ВВП сократилось на 4,8% — наилучший показатель за последние годы [10, с. 5].

В результате на «чистый массив» (ГЭС, АЭС, новые ВИЭ и природный газ) в 2014 г. в КНР пришлось 16,9% энергопотребления. Доля угля сократилась до 66% [10, с.14].

Обращает на себя внимание бурный рост в солярной энергетике. Отчасти он вызван внешними причинами: столкнувшись с ограничениями на экспорт фотоэлектрических панелей со стороны западных стран, КНР в 2013–2014 гг. приступила к их массовому внедрению внутри страны. Согласно заявлению представителя Государственной энергосетевой корпорации, к концу 2015 г. мощности солнечной генерации в стране увеличатся до 35 ГВт (с 6,6 ГВт в 2012 г.) [11]. Пока Китай находится на четвертом месте в мире по мощностям солнечной генерации.

Таким образом, суммарные мощности ВЭС, АЭС, солнечной и газогенерации (пока не получившей значительного распространения) могут в обозримой перспективе (до 2020 г.) сравняться с мощностями ГЭС. В итоге на весь этот «чистый массив», старый и новый, придется не менее 30% выработки электроэнергии и существенно больше — по установленным мощностям.

К этому времени или чуть позже среднедушевые (и удельные — в расчете на единицу ВВП) показатели потребления энергетических ресурсов в КНР, по-видимому, стабилизируются на уровне хороших мировых образцов. Это служит для Пекина мотивом к дальнейшей перестройке энергетической политики и многомиллиардным вложениям. Команда Си Цзиньпина, отвечая на массовую озабоченность состоянием окружающей среды, способна еще более круто развернуть руль в пользу «зеленой перспективы».

2014 г. ознаменовался еще одним важным событием. В сентябре был опубликован «План КНР по противодействию климатическим изменениям (2014–2020)». В нем обобщены и дополнены многие ранее принятые программы.

Глобальное измерение

Недавние исследования — например, Международного энергетического агентства (World Energy Outlook 2013) — прогнозируют, помимо прочего, что к 2035 г. КНР обгонит США, Японию и Европу (вместе взятые) по производству электроэнергии из возобновляемых источников. Подобная перспектива не кажется фантастической, как еще десять и даже пять лет назад. Более того, снижение мировых цен на минеральное топливо и связанная с этим реанимация старых отраслей энергетики в развитых странах могут привести Китай к мировому лидерству гораздо раньше.

Уже теперь по установленным мощностям ВЭС (96 ГВт в 2014 г.) Китай среди отдельных стран занимает первое место в мире (на втором — США, располагающие 60 ГВт), лишь немного уступая ЕС в целом (там мощности ветряков составляют более

100 ГВт). В 2013 г. Китай инвестировал в сферу ВИЭ больше, чем все страны ЕС. Эти инвестиции впервые в истории, кстати, превысили вложения КНР в топливную энергетику [12, р.17].

Еще более впечатляет место Китая в пока еще главной из возобновляемых отраслей — гидроэнергетике. В 2013 г. из 40 ГВт новых мощностей в гидроэнергетике, введенных во всем мире, 29 ГВт пришлось на Китай [12, р.18]. Еще 20 ГВт прибавилось в КНР в 2014 г. В результате к концу 2014 г. доля КНР в мировых мощностях ГЭС приблизилась к 30%.

Наконец, Китай — абсолютный лидер по подогреву воды в городских зданиях за счет солнечной конвекции — 70% (!) от мирового показателя.

И еще одна деталь в ряду прочих успехов: по производству древесных гранул КНР уже вплотную приблизилась к РФ.

Наиболее скромно выглядят позиции КНР в производстве этанола и биодизеля. В то же время Китай — четвертый в мире производитель электроэнергии из биосырья (в основном это биогаз): 27 млрд кВт·ч в 2012 г. против 62 млрд кВт·ч у лидера в этой области — США. Число установок в Китае выросло за последние семь лет в восемь раз.

Заметим, что массированные вложения в новую энергетику были важным компонентом гигантского кредитного пакета, закачанного в экономику в 2009–2010 гг.

В 2012–2013 гг., когда инвестиционный пыл Китая несколько поостыл в связи с «перегревом хозяйства» и непростым процессом передачи власти, страна тем не менее сохранила высокий уровень вложений в новую энергетику. Так, в ВИЭ-генерацию по миру в целом в 2012 г. было вложено чуть больше 240 млрд долл. На Китай пришлось 65 млрд долл. (27% мировых инвестиций) — много больше, чем на США (34 млрд) и Японию (16 млрд) вместе взятых.

В 2013 г. общемировые инвестиции в ВИЭ-генерацию сократились на 14%. Китай не стал исключением, но спад оказался менее глубоким, чем у других стран, — только 6%.

В структуре мировых инвестиций в ВИЭ-генерацию в настоящее время преобладают вложения в солнечную энергетику. Далее следуют ветряки и, наконец, крупные ГЭС. В КНР исторически сложилось несколько иное распределение: на первом месте стоят ГЭС, далее следуют ветряки. Но, как отмечалось выше, солнечная генерация с 2013 г. находится в фазе бурного роста.

Еще один важный штрих. Новая энергетика уже обеспечила китайской экономике более 2,6 млн рабочих мест. Это свыше 40% от мирового итога [12, р. 62]. Несложно представить, каким потенциалом в генерировании занятости обладает эта отрасль, в том числе в ее малых формах.

Снижение темпов промышленного роста в Китае сопровождалось в 2014 г. скромным ростом внутренней добычи топлива и значительным увеличением импорта нефти (прирост 9,2%) и природного газа (13%). Импорт энергоресурсов и особенно электроэнергии несколько облегчает решение экологических проблем. Похожую роль начинает играть вывод за рубеж энергоемких и водоемких производств.

Бурное развитие индустрии ВИЭ-генерации ведет к значительному снижению цен на оборудование для этой отрасли, к тому же здесь сложилась достаточно острая конкуренция. Поэтому для стран, отставших в индустриальной (энергетической) и экологической революции, открываются дополнительные возможности поправить дела посредством сотрудничества с КНР.

Чтобы вытащить общество из разрушительной для экологии, городского и сельского ландшафта нищеты, как показывает китайский опыт, нужна крупная промышленность. Лишь она способна принципиально повысить благосостояние общества, подготовив его к инфраструктурной, информационной, потребительской и, как следствие, экологической революции, развертывание которой мы наблюдаем в современном Китае. Эта революция сопровождается, в частности, быстрым (в том числе принудительным) сокращением «нижнего» этажа индустрии, представленного технологически отсталым производством. При этом современная промышленность становится инструментом, обеспечивающим переход к новой энергетике, создавая ее материальную основу. Народное творчество разного рода, обеспеченное технической поддержкой, сулит немало новаций в малой энергетике и, что важно, расширение «зеленой» занятости.

Уже не первый год КНР заваливает зарубежные рынки все более дешевыми соларами, электровелосипедами [13] и т.п. Только с сентября 2014 по январь 2015 г. в стране продано свыше 40 тыс. электромобилей и гибридов. Аплодисментов западных экологов не слышно, но и обвинения в адрес Китая по поводу «пожирания» ресурсов планеты поутихли.

Стремительно разворачивая фронт зеленой модернизации внутри страны, Пекин, как показал саммит АТЭС (2014), переходит к активному дипломатическому наступлению по линии климатических изменений на планете. Его энтузиазм находит теперь широкое понимание в европейских странах. И не только там.

Не забудем необыкновенную бережливость китайского быта, спрессованного веками скромных ресурсных возможностей. Эту особенность искусно используют центральные власти, превращая «зеленую перспективу» в важный элемент собственной политической легитимности (на местах дела часто обстоят хуже). Вряд ли кто-нибудь станет осуждать китайские власти и за довольно жесткий экологический прессинг бизнеса и населения, доходящий до мелочных, казалось бы, запретов: пускания петард, приготовления пищи на открытых углях и т.п.

С сохранением такого подхода, подкрепленного современными наукой и технологиями, можно связывать будущий вклад Китая в дальнейшее благоустройство планеты.

И последнее. Под грузом накопившихся экологических проблем руководство Китая на пленуме ЦК КПК (ноябрь 2013 г.) и очередной ежегодной сессии ВСНП (март 2014 г.) уверенно провозгласило курс на форсированное развитие новой энергетики, включая газовую отрасль. Это расширило перспективу взаимовыгодного российско-китайского сотрудничества. В 2014 г. оно шагнуло на новый уровень.

Источники:

- [1] <http://www.theguardian.com/environment/2013/dec/20/china-bill-clean-air-pollution>
- [2] Рогожина Н.Г. Альтернативные источники энергии — Азия лидирует // Ежегодник: Север-Юг-Россия 2010. М.: ИМЭМО РАН, 2011. С. 140.
- [3] REN21. Renewables Global Status Report 2013.
- [4] Sharma A. Lighting the way ahead: Powering India // The Economic Times. 14.12.2012.
- [5] M. Rajshekhar. India Need Not Erase Forests for Coal // The Economic Times. 10.01.2013.
- [6] <http://www.theguardian.com/sustainable-business/china-conflict-coal-fired-plants-water>
- [7] <http://www.globaltimes.cn/content/820846.shtml#.Um9qn6Bskds>
- [8] <http://www.globaltimes.cn/content/828512.shtml#.UphzaaBskds>
- [9] <http://www.theguardian.com/environment/2014/dec/15/coal-demand-set-to-break-9bn-tonne-barrier-this-decade>
- [10] http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/201502/t20150226_685799.html
- [11] <http://www.globaltimes.cn/content/820846.shtml#.Um9qn6Bskds>
- [12] REN21. Renewables Global Status Report 2014. P. 17.
- [13] В самом Китае наблюдается массовое увлечение электроскутерами. Их эксплуатация не требует ни прав, ни шлемов — в отличие от мотопродукции.

Список литературы:

- Рогожина Н.Г. Альтернативные источники энергии — Азия лидирует // Ежегодник: Север-Юг-Россия 2010. М.: ИМЭМО РАН, 2011.
- China faces \$176bn bill to clean up air pollution // The Guardian. URL: <http://www.theguardian.com/environment/2013/dec/20/china-bill-clean-air-pollution> (date of access 27.05.2015)
- China must manage the conflict between coal and water // The Guardian. URL: <http://www.theguardian.com/sustainable-business/china-conflict-coal-fired-plants-water> (date of access 27.05.2015)
- China tightens rules for coal industry // Global Times. 28.11.2013. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/828512.shtml#.UphzaaBskds> (date of access 27.05.2015)
- China's energy demand growth likely to slow to 1.8 pct after 2020: SGCC // Global Times. 28.10.2013. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/820846.shtml#.Um9qn6Bskds> (date of access 27.05.2015)
- Coal demand set to break 9bn tonne barrier this decade // The Guardian. URL: <http://www.theguardian.com/environment/2014/dec/15/coal-demand-set-to-break-9bn-tonne-barrier-this-decade> (date of access 27.05.2015)
- http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/201502/t20150226_685799.html (date of access 27.05.2015)

Rajshekhkar M. India Need Not Erase Forests for Coal // The Economic Times. 10.01.2013.

REN21. Renewables Global Status Report 2013.

REN21. Renewables Global Status Report 2014.

Sharma A. Lighting the way ahead: Powering India // The Economic Times. 14.12.2012.

УДК 338; 66

Владимир КОНДРАТЬЕВ**Глобальная экономика и ее отрасли в 2014–2015 гг.**

Аннотация. 2015 г. обещает быть более успешным, чем предыдущие, для мировой экономики и ее важнейших отраслей. В автомобильной промышленности это означает конец пятилетней рецессии и переход в фазу подъема. В легкой промышленности и производстве потребительских товаров ожидается рост розничных продаж. Для финансового сектора 2015 г. будет годом большей стабильности. В Северной Америке уже начался серьезный экономический подъем, и нет оснований прогнозировать прекращение этой тенденции. На развивающихся рынках темпы экономического роста несколько снизились. Тем не менее во многих странах появляются новые возможности для местных и иностранных инвесторов.

Ключевые слова: глобальная экономика, отрасли промышленности, возможности и факторы экономического роста, развитые и развивающиеся рынки, иностранные инвестиции.

Британская консалтинговая компания «Economist Intelligence Unit» ожидает, что мировой ВВП в 2015 г. вырастет в рыночных ценах на 2,8%, а с учетом паритета покупательной способности — на 3,7% (рис. 1). Тем не менее этот рост не столь внушительен, как предполагали эксперты еще в середине 2014 г.

Наибольшие риски сохраняются в Европе. Япония также потеряла существенные импульсы роста, хотя последние стимулирующие действия Банка Японии в определенной степени восстановили несколько поблекший блеск «абэномики» [1]. Китай в 2014 г. избежал кризиса, однако ВВП страны вырастет в 2015 г. «только» на 7% — показатель впечатляющий, но ниже, чем ожидало бизнес-сообщество.

По иронии судьбы, перспективы более сильного экономического роста в США создают новый риск — рост процентных ставок Федеральной резервной системы, хотя до середины года это маловероятно. Последствия могут вызвать некоторое смятение на глобальных финансовых рынках и повлиять на инвестиции в развивающиеся рынки.

Падение цен на нефть, если оно продолжится, может придать дополнительный толчок росту глобального ВВП в 2015 г.

Сведения об авторе: КОНДРАТЬЕВ Владимир Борисович — руководитель Центра промышленных и инвестиционных исследований ИМЭМО РАН, профессор, доктор экономических наук; v.b.kondr@imemo.ru.

Рис. 1. Темпы прироста ВВП, %

Источник: Economist Intelligence Unit.

Автомобильная промышленность

Экономическое оживление в Европе несколько ослабит давление на глобальную автомобильную промышленность; однако инвестиции в будущий рост потребуют непростых решений. В 2015 г., по всей вероятности, «Volkswagen» опередит компанию «Toyota» и станет крупнейшим в мире производителем. Германский гигант уже потеснил «General Motors» и к концу 2014 г. вплотную приблизился к своему японскому конкуренту. Успех компании «Volkswagen» был связан в значительной степени с ее лидерством на быстрорастущем китайском рынке. Сейчас, когда темпы развития Китая замедляются, она стоит перед проблемой поиска новых направлений роста.

Развивающиеся рынки ведут себя уже не так однозначно. Из четырех крупнейших — Бразилии, России, Индии и Китая — только Китай демонстрирует устойчивый рост. В Бразилии, наряду с Аргентиной, Чили и Венесуэлой, в 2014 г. производство снизилось, хотя 2015 г. обещает слабый рост в отрасли. В России, где ожидалось, что годовые уровни продаж превысят германские, наблюдалось резкое их сокращение. Государственная программа утилизации несколько смягчила падение, однако ложится тяжелым бременем на государственные финансы, отягощенные снижением нефтяных цен.

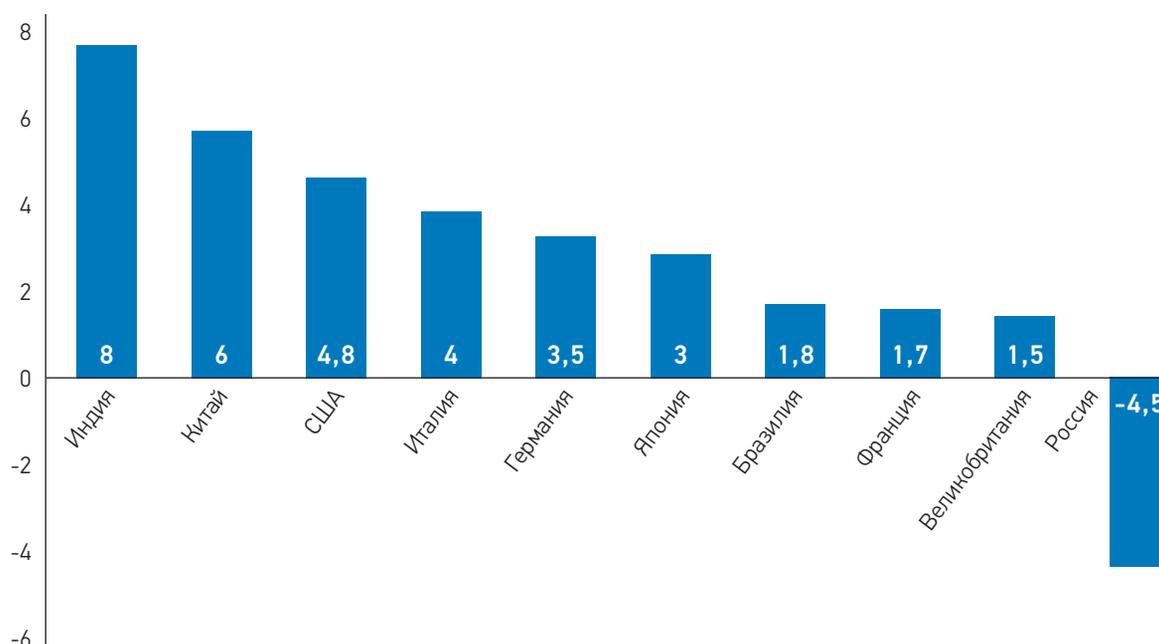
Индия находится на пути опережения Германии по объему продаж автомобилей, но это может случиться не раньше 2016 г. После двухлетнего спада в автомобильной промышленности страны, благодаря государственной поддержке, намечается рост. Положительное влияние оказывают и долгосрочные тренды, прежде всего демографические.

Что касается менее крупных азиатских рынков (производства и продаж) — некоторые из них (например, Индонезия и Филиппины) все еще демонстрируют стабильный

рост. Однако государственные мероприятия по снижению топливных субсидий и борьбе с городскими пробками свидетельствуют, что прежние высокие темпы вряд ли достижимы.

Таким образом, Азия снижает темпы роста, в Латинской Америке — высокие риски, Восточная Европа сокращает продажи. На этом фоне заметно возрождаются развитые рынки. В США отмечается довольно сильный рост, Западная Европа наконец преодолела кризис продаж (рис. 2).

Рис. 2. Прирост регистрации новых автомобилей в 2015 г. (прогноз) по отношению к 2014 г., %

Источник: The Economist Intelligence Unit.

Изменения в структуре глобального спроса повлияли на инвестиционные решения ведущих автопроизводителей, которые продолжают планировать вложения в развивающихся странах, но вынуждены сокращать их объемы. Например, «Volkswagen» в следующие пять лет планирует потратить 30 млрд. долл. на свои совместные предприятия с Китаем. «General Motors», крупнейший конкурент германского концерна в Китае, планирует в течение пяти лет открыть в этой стране пять новых заводов.

Инвестиции в Бразилию и Индию выглядят более неопределенно. Акцент переносится на страны АСЕАН, прежде всего Таиланд и Индонезию. Ожидается, что к концу 2015 г. заработает Экономический союз стран АСЕАН и зона свободной торговли. Другое популярное направление инвестиций — это Мексика, где автопроизводители ориентируются как на внутренний, так и на североамериканский рынок.

Наиболее интересно, что 50% инвестиций компании «Volkswagen» планируется осуществить в самой Германии. Европа все еще отягощена избыточными мощностями,

однако вследствие приостановки в 2014 г. роста заработной платы потребность в сокращении рабочих мест снизилась. Экономическое оживление в Европе может предотвратить закрытие заводов в 2015 г.

Снижение темпов роста в развивающихся странах свидетельствует, что они также сталкиваются с проблемой избытка мощностей. Например, в Китае производственные мощности в автомобильной промышленности могут достигнуть 30 млн автомобилей в год, в то время как годовые объемы продаж не достигают 20 млн единиц. Во Вьетнаме автомобильные заводы также работают далеко не в полную силу. Что касается России, то сокращение продаж здесь в 2014 г. привело к простаиванию производственных линий, в этом же году АвтоВАЗ сократил 15 тыс. занятых. Несмотря на краткосрочное увеличение продаж, увольнения, вероятно, продолжатся до 2020 г.

В Китае многие местные производители в ответ на снижение внутреннего спроса в 2014 г. сделали акцент на экспорте. Так, «Geely» активно продает свои автомобили в странах Среднего Востока, Африке и Латинской Америке, где стандарты безопасности и выбросов менее жесткие, чем в развитых странах. Одновременно (хотя и медленно) ведутся переговоры о поставках китайских автомобилей на развитые рынки, что может произойти, скорее всего, не в 2015 г., а в следующие пять лет.

Некоторые автопроизводители, такие как «Hyundai» и «KIA», переходят в более высокие ценовые сегменты, другие ускоряют процесс выведения на рынок новых моделей. Компании «Volkswagen» и «Renault-Nissan» вынуждены бороться с собственными более дешевыми брендами. Потребители становятся все требовательнее, когда дело касается, например, систем безопасности и развлечений. Удовлетворение таких запросов может привести к росту издержек в условиях более или менее стабильных цен.

Сдвиг в сторону от бензиновых автомобилей также повышает издержки производства. Автомобильная промышленность все чаще сталкивается с более жестким регулированием топливной эффективности. В Европе, например, на 2015 г. установлен лимит выбросов CO₂ в размере 130 г на км пути, а к 2020 г. это требование станет еще более строгим.

В 2014 г. выросли продажи автомобилей на электрической тяге. Однако они, по всей вероятности, не оправдывают ожиданий. Электротяга столкнулась с конкурентом — водородными двигателями. Компания «Hyundai» весной 2014 г. запустила водородную версию своего внедорожника «Tucson», а «Toyota» планирует в 2015 г. начать массовое производство водородной модели «Mirai». Объемы продаж таких машин пока невелики, однако технология уже освоена. Эти программы потребуют гигантских инвестиций.

При всем том перспективы глобальной автомобильной промышленности выглядят более оптимистично, чем несколько лет назад. После ныряния из кризиса в кризис основные автопроизводители нашли наконец партнеров, обеспечивших им рынки.

Из других важных тенденций 2014 г. следует отметить конец эпохи топливных субсидий. Их сокращение стало возможным в результате падения нефтяных цен. Индонезия и Малайзия осуществили это в конце 2014 г. Индия может сделать дальнейшие шаги по либерализации цен в 2015 г.

Происходит широкий разворот в сторону использования алюминия в качестве конструкционного материала. Возникшая в 2014 г. тенденция замены стали на алюминий при производстве корпусов автомобилей продолжит, вероятно, укрепляться в 2015 г. Это приведет к снижению веса автомобилей и упростит достижение требований по эмиссии и топливной эффективности. Ведущий американский производитель алюминиевого проката — компания «Novelis» прогнозирует увеличение своих глобальных продаж к 2020 г. в пять раз вследствие спроса со стороны автомобильной промышленности.

Производство потребительских товаров и торговля

Этот сектор глобальной экономики испытывает довольно трудные времена. Интенсивная конкуренция, государственное регулирование и диктат потребителя снижают рентабельность продаж. Ввиду экономической турбулентности последнего времени даже обычная стабильность показателей в 2015 г. будет казаться благом для компаний этого сектора.

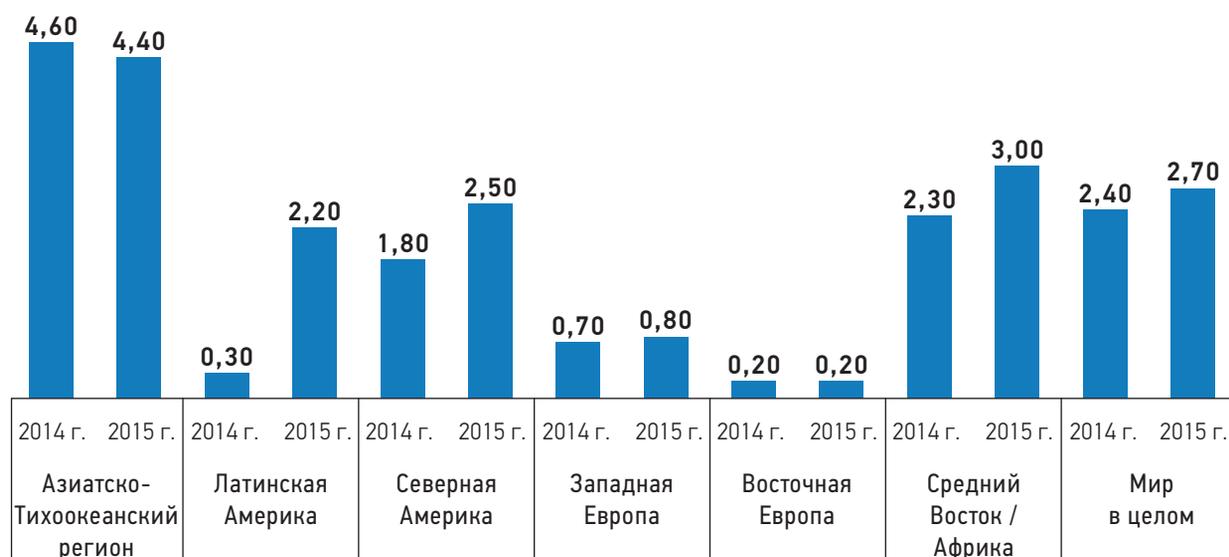
Западная Европа переживает возрождение некоторого оптимизма и рост объемов продаж. Однако снижение цен и неопределенность в отношении российского рынка (вследствие санкций) тяжелым бременем ложатся на прибыльность бизнеса. В Азии, Северной Америке, Африке и на Среднем Востоке ситуация несколько лучше, хотя там имеются свои проблемы. Торговые компании в Северной Америке также борются с низкой нормой прибыли. Снижение темпов роста в Китае, слабость японского рынка и сокращение мультибрендовых иностранных инвестиций в Индии затягивают азиатский небосвод облаками.

В странах Латинской Америки ситуация существенно лучше. После непростого 2014 г. перспективы Мексики выглядят достаточно оптимистично, что оправдывает включение ее, наряду с Индонезией, Нигерией и Турцией, в новое объединение MINT. Несмотря на снижение темпов роста БРИК, в этом объединении для 2015 г. есть одно приятное исключение — Индия.

Европейские рынки в 2014 г. находились под влиянием агрессивных и разрушительных ценовых войн, скандалов с черными дырами в финансовой отчетности корпорации «Tesco» и медленного роста заработных плат. В Германии и Франции рынки с трудом избежали рецессии. В США улучшение экономической ситуации не столь значительно, чтобы компенсировать существенные потери предыдущих лет. Даже «WalMart», крупнейшая в мире торговая корпорация, столкнулась с сокращением продаж вследствие перехода многих потребителей на онлайн-торговлю.

В Японии финансовые стимулы вызвали резкий рост инвестиций, однако налог с продаж, введенный в апреле 2014 г., снизил объемы оборота в данном секторе экономики. В Китае пузыри в сфере недвижимости, а также запреты на чрезмерное потребление означают, что темпы роста розничной торговли в 2015 г. продолжают снижаться. Заметный рост отмечается только в быстро развивающемся секторе онлайн-торговли. Это хорошая новость для крупнейшего онлайн-игрока «Alibaba» [2], который недавно провел успешное IPO, однако не для традиционных торговых центров.

Рис. 3. Рост розничных продаж по регионам в 2014 и 2015 (прогноз) г. по отношению к предыдущему году, %

Источник: Economist Intelligence Unit; Planet Retail.

Компании, производящие потребительские товары, сталкиваются на глобальных рынках с похожими проблемами. На рынках смартфонов и планшетов, которые превратили в глобальных гигантов компании «Samsung» и «Apple», стало очень тесно, когда китайские «Huawei» и «Xiaomi» запустили бюджетные альтернативные устройства. Новые игроки подкосили лидеров и в других сегментах, от бытовых приборов и электроники (где теперь доминирует китайская «Haier» [Haier Ranked...]) до одежды (где англо-ирландская «Primark» быстро завоевывает североамериканский рынок [Primark to enter US market with...]).

Все эти факторы продолжают свое действие и в 2015 г., что будет снижать совокупную норму прибыли.

Более благоприятные позиции у компаний, которые осуществили инвестиции в «правильные» регионы или в «правильные» продуктовые инновации. В выигрыше от усиливающейся конкуренции и совершенствования технологий останутся только потребители.

Рис. 4. Рост инвестиций в производство одежды и обуви в 2014 и 2015 (прогноз) г. по отношению к предыдущему году, %

Источник: Economist Intelligence Unit; United Nations; Eurostat.

Следующая волна инноваций будет включать в себя «нательные» [3] технологии, умные бытовые приборы и 3D-принтеры, хотя эти технологии и не станут в 2015 г. мейнстримом. Набирает обороты и «быстрая мода» [4], особенно в таких торговых брендах, как H&M, «Inditex» и «Uniqlow», которые возглавят в 2015 г. это направление потребления в развивающихся странах.

Компании розничной торговли стараются разработать новые инструменты вовлечения потребителей в процесс покупки. Гаджеты, совмещающие смартфоны с мобильным кошельком, расширяют возможности покупателей. Они смогут получать удаленный доступ к информации о новых предложениях и делать покупки, просто проходя мимо любимых торговых точек.

Энергетика: дешевле и «зеленее»

Энергетическим компаниям в 2015 г. предстоит бороться с проблемой низких цен на нефть. Это заставит западных нефтяных мейджоров сокращать капитальные вложения после нескольких лет инвестиционного бума. Произойдет ужесточение законодательства в области охраны окружающей среды, центральной международной проблемой станут поиски замены Киотскому протоколу. Оптимизма по этому поводу сейчас боль-

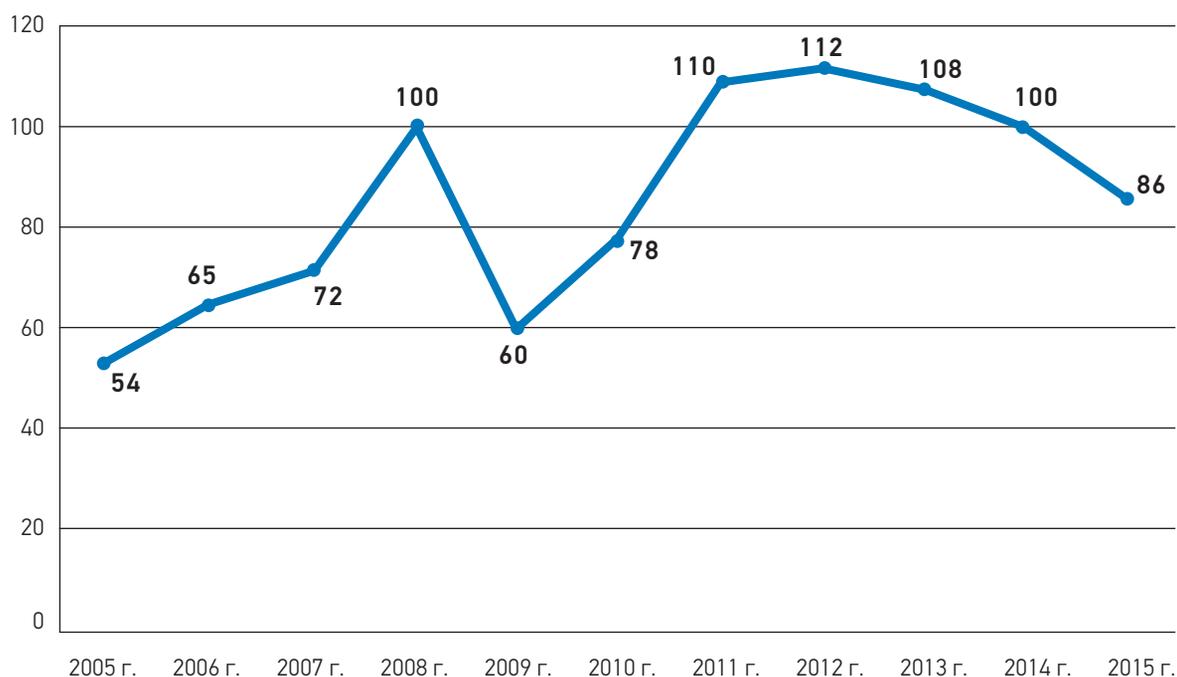
ше, чем несколько лет назад, хотя прогресс в данном направлении создает дополнительные риски для производителей органического топлива.

Нефтяные цены, сильно упавшие в конце 2014 г., останутся сравнительно низкими и в 2015 г. (как ожидается, в среднем на уровне 86 долл. за баррель марки Brent — против 100 долл. в 2014 г.). Снижение цен частично вызвано сокращением спроса, особенно в Западной Европе. Если спрос, по прогнозам, возрастет на 1,3 млн барр., то предложение нефти — на 2,2 млн барр.

Можно наблюдать нежелание стран ОПЕК (по крайней мере, ее наиболее влиятельного члена — Саудовской Аравии) поддержать цены с помощью сокращения производства. Несмотря на ворчание нефтяных «ястребов», таких как Иран, Венесуэла и Алжир, низкие цены могут подорвать сланцевую «революцию» США.

Объяснение пассивности нефтяного картеля кроется в действиях стран, не входящих в ОПЕК. Ирак в настоящее время не связан «опековскими» квотами; его автономное Курдистанское региональное правительство планирует увеличить экспорт нефти в 2015 г. до 500 тыс. барр. в день. Если ОПЕК сократит квоты, это не поможет поддержать цены, но позволит независимым производителям нефти занять дополнительные рыночные ниши.

Рис. 5. Динамика среднегодовых цен на нефть марки Brent, долл./барр.

Источник: The Economist Intelligence Unit.

На фоне низких нефтяных цен и повышения процентных ставок в США весьма вероятными выглядят возможные потери среди закредитованных добытчиков сланцевой нефти. Некоторые из них сократят инвестиции, и темпы добычи в США снизятся [5].

На рынке природного газа опять в центре внимания США — благодаря сланцевым месторождениям. Инвестиции и производство в этой стране будут расти на ожиданиях увеличения спроса на сжиженный природный газ, отгрузки которого должны начаться в 2016 г. Глобальные поставки сжиженного газа будут пополняться также австралийскими мощностями, где мегапроект «Gordon» американской корпорации «Chevron» запустят в конце 2015 г. Кроме того, начнут разрабатываться два новых месторождения в австралийской провинции Queensland. В целом прогнозируется, что экспорт сжиженного газа из Австралии достигнет в 2015 г. 40 млн т, то есть удвоится по сравнению с 2011 г.

Помимо США, сланцевые месторождения газа начинает интенсивно разрабатывать Китай. В 2015 г. планируется таким образом добыть 6,5 млрд куб. м газа, а к 2020 г. — 30 млрд куб. м. (ежегодно). Быстро растущий внутренний спрос, а также новая система ценообразования (в сторону повышения) будут стимулировать собственную китайскую «сланцевую революцию».

Дешевый и чистый природный газ все больше становится в США конкурентом угля в качестве главного энергоресурса. В других странах уголь также начинает «выходить из моды» по мере того, как правительства ужесточают законы по охране окружающей среды.

Китай потребляет почти половину всех энергетических углей в мире и крайне нуждается в борьбе с загрязнением городов и угрозой глобального потепления. С 1 января 2014 г. в стране введены контроль за использованием низкокачественных углей, а также более жесткие штрафные санкции для компаний, загрязняющих окружающую среду.

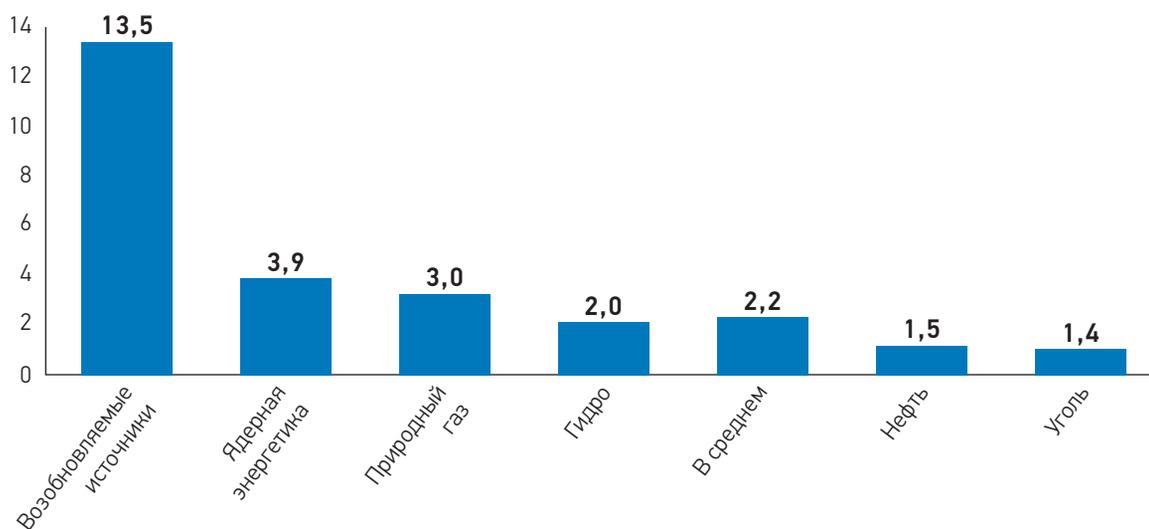
Крупнейший в мире потребитель энергии активизирует строительство электростанций, работающих на неорганическом топливе. В 2015 г. планируется ввести в действия мощности ветровой энергетики в размере 100 гигаватт. Так же быстро будет расти использование солнечной энергии (Китай представляет собой самый большой в мире рынок фотоэлектрического оборудования). В глобальном масштабе темпы роста использования возобновляемых источников энергии будут значительно опережать темпы роста потребления энергии в целом (рис. 6).

В Китае нарастает и строительство ядерных мощностей. Азия будет ключевым игроком на этом рынке: еще одним решительным сторонником ядерной энергетики является Южная Корея. Япония начнет запускать ядерные реакторы, законсервированные после аварии на станции «Фукусима» в 2011 г., что снизит спрос на импорт органического топлива.

Несмотря на признаки «зеленой революции», неорганическое топливо пока лишено всеобъемлющей поддержки, необходимой для успешного глобального прорыва. В 2009 г. неудачей закончилась попытка найти замену Киотскому протоколу. Правда, недавнее соглашение между США и Китаем по выбросам углерода в атмосферу дает

надежду на то, что и другие развивающиеся страны начнут принимать более жесткие меры, противодействующие глобальному потеплению.

Рис. 6. Прогноз роста потребления энергии в мире в 2015 г. по видам источников, % к предыдущему году

Источник: The Economist Intelligence Unit.

Финансовые услуги: позитивные сигналы

Прошедший и наступивший годы отмечены для финансовых компаний более благоприятными условиями по сравнению с теми, что наблюдались после кризиса 2008–2009 гг. Компании стали быстрее расти и в основном решили для себя многие прежние проблемы. Для некоторых главной задачей являлось простое восстановление прибыли, другим требовались полный пересмотр балансовых счетов и распродажа некоторых активов, третьим — увеличение размеров капитала и государственная помощь.

Основным фактором выступает развитие глобального рынка финансовых услуг: только половина взрослого населения мира использует инструменты страхования своих сбережений, кредитования и осуществления платежей со стандартных банковских счетов. Еще меньшая доля втянута в операции по различным видам страхования, с ценными бумагами, пенсионные. Для охвата этого населения необходимо развитие новых бюджетных инструментов, таких как счета на мобильных телефонах и т.п.

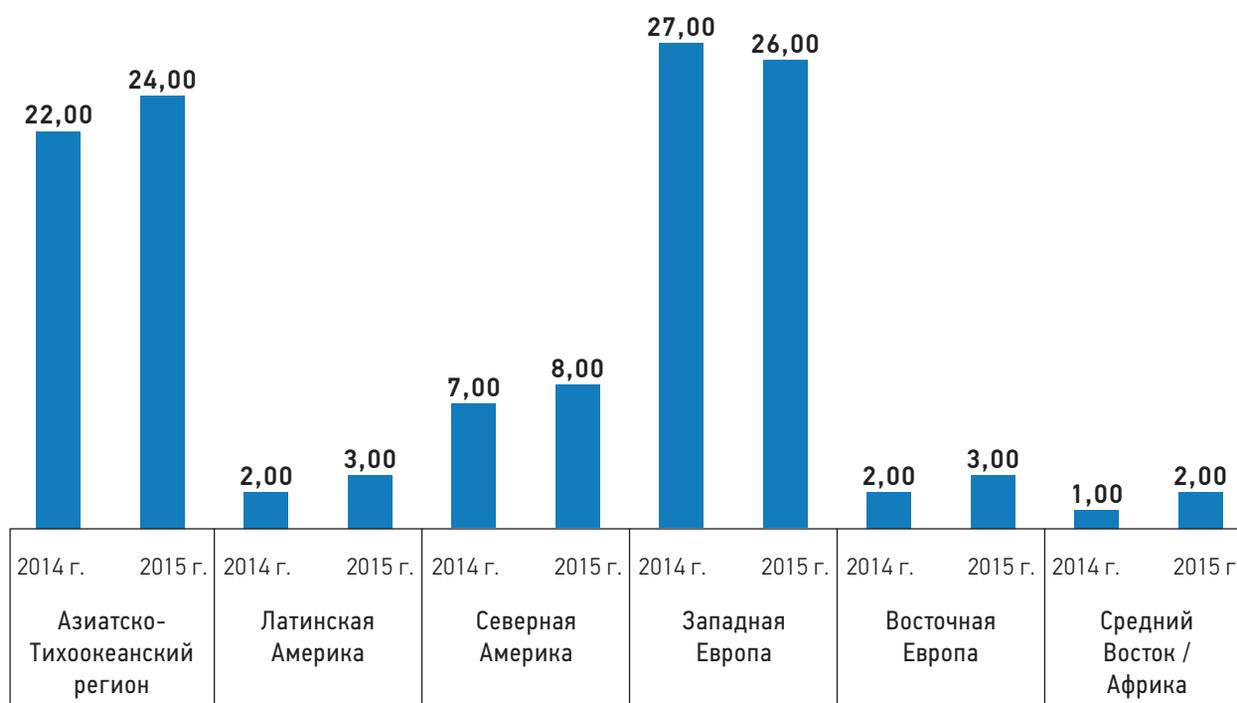
Мировая экономика в 2015 г. останется неустойчивой и не окажется главным фактором роста финансовых компаний, полагающихся на макроэкономический спрос (в отличие от тех компаний, которые полагаются на новые сложные финансовые технологии) Возможности финансовых компаний ограничивает тяжелая финансовая задолженность государств и домовладений, не дающая им осуществлять дополнительные заимствования. Что касается промышленных корпораций, они, несмотря на улучшение

позиций, вследствие ограниченного спроса остаются осторожными в отношении расширения мощностей.

Пожалуй, наиболее важным фактором для финансовых фирм является жесткое пост-кризисное регулирование, которое продлится в течение достаточно продолжительного времени. Сюда можно отнести обязанность банков предоставлять информацию о соотношении собственных и заемных средств и состоянии ликвидности. Кроме того, в течение года ожидается принятие новых предписаний со стороны программы Базель III и Банковского союза ЕС, а также американских ограничений на собственные торговые операции, заложенные в законе Додда-Франка. Эти меры направлены на повышение устойчивости финансовой системы во время кризиса, но делают ее менее прибыльной во время экономического роста.

Постоянной угрозой остаются кризисы на жилищных рынках и резкие сдвиги в структуре инвестиционных потоков (как это было на развивающихся рынках в 1980–1990-е годы). Существуют и риски возобновления дефляции в Японии и рецессии в Европе.

Рис. 7. Кредиты банков по регионам в 2014 и 2015 (прогноз) г., млрд долл.

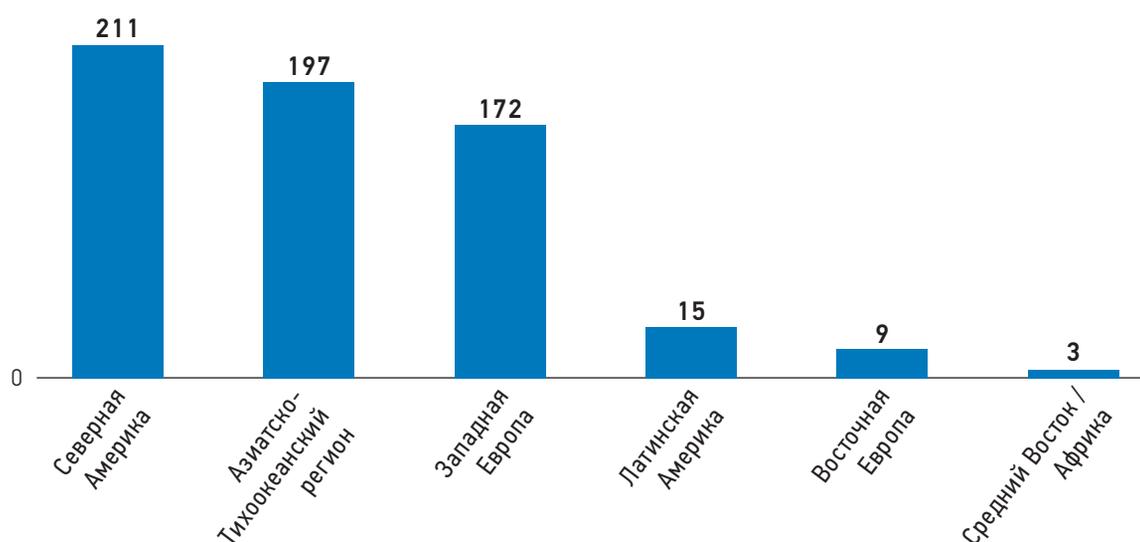

Источник: The Economist Intelligence Unit.

В последние годы репутация коммерческих банков и трейдеров серьезно ухудшилась; в меньшей степени это касалось страховых компаний, управляющих фондов и других финансовых организаций. Уровень доверия к финансовому сектору остается весьма низким. Тем не менее крупным финансовым игрокам в целом удалось восстановить численность своих клиентов — среди как физических лиц, так и нефинансовых корпораций. Это происходило за счет активных мер адаптации: сокращения затратной

филиальной сети, усиления присутствия в Интернете и мобильных системах, совершенствования клиентского обслуживания и безопасности. К западным финансовым компаниям активно подключаются конкуренты из развивающихся стран. Теперь реклама китайского банка сияет на самом высоком здании Буэнос-Айреса в Аргентине. Фондовые рынки объединяют свои торговые площадки в Юго-Восточной Азии и Южной Америке. Малайзийские, бразильские и колумбийские компании осуществляют международные слияния для усиления своих позиций за рубежом. В 2015 г. процесс глобализации продолжится с более широким набором акторов.

Рис. 8. Совокупные финансовые активы в 2015 г., трлн долл.

Источник: The Economist Intelligence Unit.

Здравоохранение и фармацевтика: азиатская экспансия

Компании сектора за прошедший год стали гораздо оптимистичнее. Среди главных причин следует отметить восстановление уровня расходов на здравоохранение в Западной Европе, расширение систем медицинского страхования в странах Азии и увеличение прибыльности фармацевтических компаний.

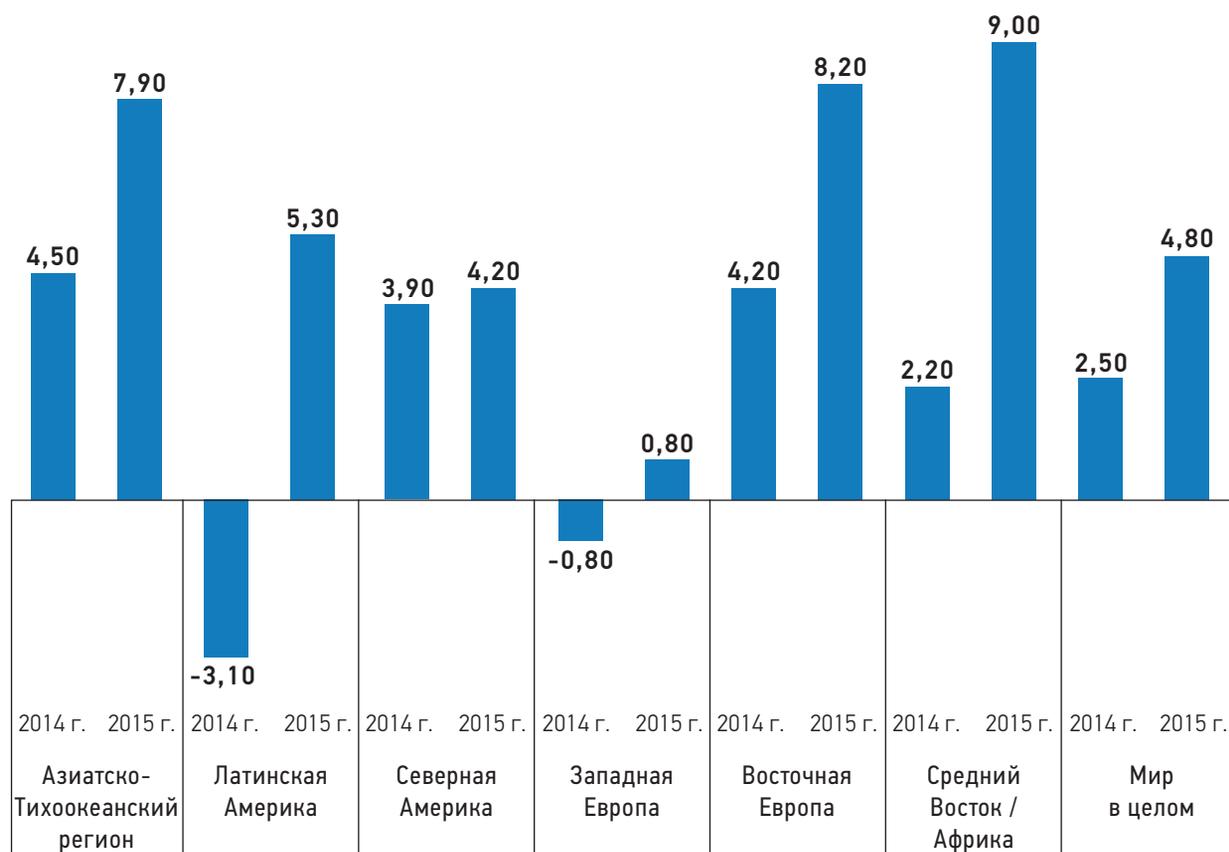
Важным фактором стал Affordable Care Act (Obamacare) в США — крупнейшая реформа системы здравоохранения за последние десятилетия. Рынком медицинского страхования были охвачены миллионы жителей страны. Согласно этому закону, компании с численностью занятых более 50 чел. обязаны предоставлять своим сотрудникам медицинские страховки; для более мелких компаний срок продлен до 2016 г.

Obamacare оказался прибыльным для многих компаний. Акции страховых компаний, таких как «Humana», «United Health», «Aetna» и «Cigna», в 2014 г. взлетели вверх. Они жестко противодействуют попыткам республиканцев свернуть реформу. Несколько

коммерческих медицинских сетей — например, НСА — также фиксировали рост прибыли и доходов вследствие расширения клиентской базы. То же самое было характерно и для фармацевтических компаний. По оценкам экспертов, совокупные расходы на здравоохранение в США в 2015 г. вырастут на 5%, а продажи фармацевтических компаний — на 6%.

В ряде других регионов рост окажется еще более заметным (рис. 9).

Рис. 9. Рост расходов на здравоохранение на 1 жителя в 2014 и 2015 (прогноз) г. по регионам, % к предыдущему году

Источник: The Economist Intelligence Unit; World Health Organisation.

В некоторых азиатских странах, включая Китай, Индию, Индонезию и Филиппины, активно выстраивается система всеобщего медицинского страхования. Даже более бедные страны, такие как Бангладеш, а также государства Среднего Востока следуют этой тенденции. В Латинской Америке система всеобщего медицинского страхования является нормой, а ряд стран (например, Бразилия) все больше внимания уделяют повышению качества медицинского обслуживания.

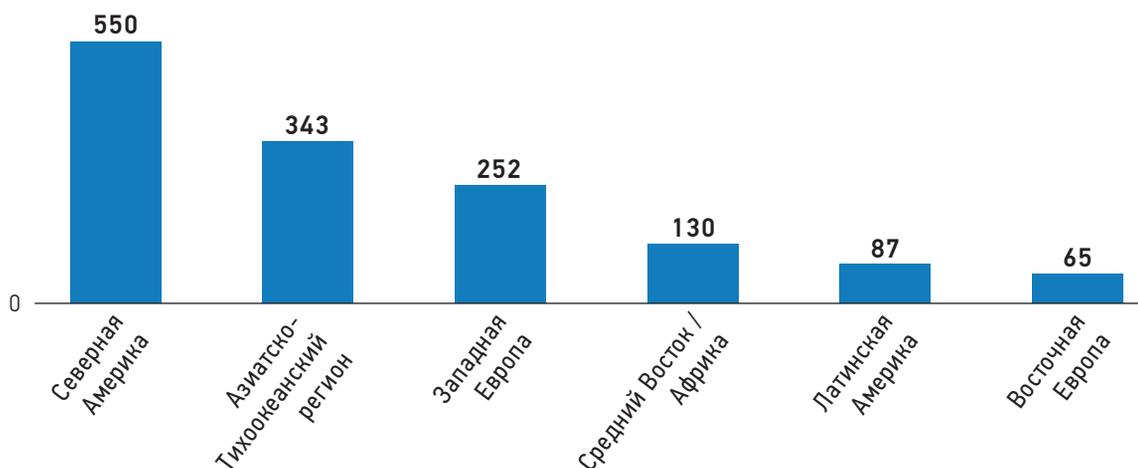
В Западной Европе акцент делается на повышении эффективности весьма затратной системы здравоохранения. Но даже и здесь экономическое оживление (хотя и неустойчивое) позволяет несколько увеличить расходы на здравоохранение.

В связи с окончанием в 2015 г. патентной защиты ряда лекарств таких компаний, как «Novartis», «Otsuka» и др., ожидается усиление конкуренции со стороны дженеринговых компаний. Даже новейшие биотехнологические препараты становятся все более уязвимыми для копирования. Судя по всему, дженеринговые аналоги биотехнологических лекарств найдут широкое применение в 2015 г.

В этих условиях фармацевтические компании стараются осуществить глубокую реструктуризацию, сократить издержки и увеличить расходы на НИОКР. Прогнозируется выпуск новых лекарств такими компаниями, как «Sanofi», «Merck&Co.», «Johnson&Johnson». Появились благоприятные признаки для фармацевтических компаний в странах Азии. В Индии, где государство долгое время было заинтересовано больше в доступности лекарств, чем в защите инноваций, в 2014 г. произошло смягчение контроля над ценами на лекарства. В Китае то же самое может произойти с лекарствами, не входящими в систему государственного субсидирования.

Изменение политики этих двух азиатских гигантов в отношении патентной защиты связано с расширяющимися возможностями в торговле лекарственными препаратами. Индия уже является крупнейшим экспортером дженериков, однако ужесточение правил безопасности в США может угрожать ее потенциальным доходам. Китай также рассматривает фармацевтическую промышленность в качестве источника экономического роста и заинтересован в устранении международных торговых барьеров. В целом глобальная конкуренция в этом секторе может существенно возрасти на фоне увеличения расходов на развитие здравоохранения.

Рис. 10. Расходы на фармацевтическую промышленность по регионам в 2015 г. (прогноз), трлн долл.

Источник: The Economist Intelligence Unit

Телекоммуникации: проблемы взаимодействия

Телекоммуникационный сектор находится в состоянии быстрых структурных изменений. Стремительно растет использование Интернета, возможности подключения и взаимодействия инкорпорируются во все большее число мобильных устройств. Требования потребителей к скорости и качеству доступа к информации, видео- и аудиоматериалам становятся все более жесткими. В результате мобильные операторы, государство и Интернет-провайдеры вынуждены направлять все большие объемы инвестиций на совершенствование устаревающей инфраструктуры.

Мобильным операторам, кроме того, приходится изыскивать средства для оплаты участия в аукционах на получение частот (особенно затратных в развивающихся странах, таких как Индия и Таиланд), что приводит к росту кредитной задолженности. Частичное решение проблем связано с увязкой между собой телевидения, широкополосной связи, фиксированной связи и мобильных услуг. Примером может служить «British Telecom» — британский провайдер фиксированной связи, который в ноябре 2014 г. объявил о намерении приобрести мобильного оператора «O2», после чего акции BT резко взлетели вверх [BT in talks with Telefónica...]. Другая стратегия мобильных операторов — склонять государства в сторону снижения лицензионных платежей и размеров оплаты используемых частот. Эти проблемы могут почувствовать на себе и потребители, когда чрезмерная кредитная задолженность вынудит мобильных операторов поднять цены на свои услуги.

Эксперты прогнозируют, что в 2015 г. пользователями Интернета во всем мире станет половина населения. Однако большинство все еще будет выходить в Интернет традиционными способами с помощью широкополосного подключения через компьютеры дома или на работе. В то же время во многих странах широко распространяются смартфоны, охватывая, по мере совершенствования средств связи, все социальные группы.

Новые возможности хорошо демонстрирует последнее устройство компании «Apple» — iPhone 6. По мере роста количества приложений смартфоны смогут заменять кредитные карточки и денежную наличность. Запущенная в 2014 г. в США платежная система «Apple», которая позволяет пользователям осуществлять платежи с помощью айфонов и Apple Watch, как ожидается, достигнет Европы в 2015 г.

Одной из наиболее острых и противоречивых проблем остается обеспечение «сетевой нейтральности» — принципа одинакового регулирования всех типов информации. Большинство операторов заинтересованы в такой модели, когда провайдеры контента доплачивают за предоставление более быстрых каналов связи и получают определенное преимущество. Потребители, в свою очередь, опасаются, что подобная модель приведет к росту цен на Интернет-услуги и ограничит доступ к ним пользователей с низкими доходами и жителей отдаленных районов.

Особенно острые дискуссии идут в США, где президент Барак Обама в 2014 г. обратился к Федеральной комиссии по телекоммуникациям с просьбой переквалифициро-

вать Интернет в отрасль коммунального хозяйства. Это повлечет за собой регулирование данной сферы по типу водо- и энергоснабжения. Подобные дискуссии в 2015 г., вероятно, не обойдут и другие страны.

Индийская ассоциация операторов сотовой связи (COAI) намеревается обсудить с правительством монетизацию услуг на базе разделения доходов между Интернет-компаниями и операторами мобильной связи. В ЕС на повестке дня жесткие правила сетевой нейтральности, подготовленные Европейским парламентом, которые теперь требуют одобрения Совета министров. До сих пор только Словения и Нидерланды внедрились у себя подобные правила, и существуют серьезные опасения, что другие европейские страны будут тормозить этот процесс. В Латинской Америке аналогичные правила приняли только Бразилия и Чили.

Из других заметных событий 2014 г. необходимо отметить бурный подъем китайской компании «Xiaomi», которую часто называют «Китайская Apple». В третьем квартале 2014 г. темпы ее роста достигли трехзначной величины, превратив компанию в третьего в мире производителя смартфонов. Это стало результатом того, что компания отвоевала значительную долю на внутреннем китайском рынке у корпорации «Samsung». В то же время поддержание достигнутых успехов зависит от завоевания зарубежных рынков. «Xiaomi» планирует начать производство своих смартфонов в Индии и ряде других развивающихся стран.

Четвертое поколение мобильной связи 4G уже стало аренной битвы между операторами. В ближайшее время то же самое произойдет и с 5G. К сентябрю 2015 г. будет завершена и войдет в строй «испытательная площадка» в Великобритании, включающая такие компании, как BT, EE, «Huawei», «Samsung», «Vodafone» и др. Ряд других проектов (как правило, возглавляемых университетами) инициирован в ЕС, Китае, Японии, Южной Корее и США.

Примечания:

- [1] Абэномика — термин, обозначающий кейнсианский план оживления японской экономики премьер-министром страны Синдзо Абэ, объявленный в 2012 г.
- [2] На эту компанию в сентябре 2014 г. приходилось 80% национальных продаж товаров в Интернете. См. например: [Lianna B. Baker, Jessica Toonkel, Ryan Vlastelica...]
- [3] «Нательные» технологии (wearable technologies) — одежда и аксессуары, включающие в себя компьютеры и другие электронные устройства.
- [4] «Быстрая мода» (fast fashion) — ускоренный переход от дизайнерских проектов на подиуме к розничной продаже с целью «оседлать» текущие модные тенденции.
- [5] По оценкам нефтесервисной компании «Baker Hughes», за одну неделю в первых числах января 2015 г. число буровых установок для добычи нефти в США сократилось на 61 и сейчас составляет 1421 ед. Это самое резкое недельное снижение с февраля 1991 г. — тогда цены на нефть были нестабильны из-за войны в Персидском заливе. См., например: [Число нефтегазовых буровых установок...]

Список литературы:

- Число нефтегазовых буровых установок в мире за месяц сократилось на 3% // РБК. Интернет-издание. 11.01. 2015 г. URL: <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/54afe4c29a79476f19039e1b> (дата обращения 21.01.2015)
- Lianna B. Baker, Jessica Toonkel, Ryan Vlastelica Alibaba surges 38 percent on massive demand in market debut // Reuters.19.09.2014. URL: <http://www.reuters.com/article/2014/09/19/us-alibaba-ipo-idUSKBN0HD2CO20140919> (дата обращения 21.01.2015)
- Haier Ranked The #1 Global Major Appliances Brand For 3rd Consecutive Year // Marketwatch.com. 16.12. 2011. URL: <https://web.archive.org/web/20120225035108/http://www.marketwatch.com/story/haier-ranked-the-1-global-major-appliances-brand-for-3rd-consecutive-year-euromonitor-2011-12-16> (дата обращения 21.01.2015)
- Primark to enter US market with Boston store // The Guardian 23.04. 2014. URL: <http://www.theguardian.com/business/2014/apr/23/primark-retail-us-market-boston> (дата обращения 21.01.2015)
- BT in talks with Telefónica to buy O2 // The Guardian. 25.11.2014. URL: <http://www.theguardian.com/business/2014/nov/24/bt-o2-talks-buy-back> (дата обращения 21.01.2015)

Authors

Svetlana CHESNOKOVA — Research Fellow, the Institute of Oriental Studies, RAS; csv7@mail.ru.

François-Xavier COQUIN — French historian, slavist, Professor Emeritus, Collège de France; francois-xavier.coquin@college-de-france.fr.

Vera DUBINA — Associate Professor, Russian State University for Humanities, PhD in History; vera.dubina@gmail.com.

Vladimir KONDRATEV — Head of the Center for Industrial and Investment Studies of the Institute of World Economy and International Relations, RAS (IMEMO); Full Professor, Doctor of Economics; v.b.kondr@imemo.ru.

Natalia NAROCHNITSKAYA — President of the Foundation for Historical Outlook, President of the Institute of Democracy and Cooperation (Paris), Doctor of History; nn@stoletie.ru.

Alexander NAUMOV — Associate Professor, the Lomonosov Moscow State University; Senior Researcher, the Institute of International Security Problems, RAS; PhD in History; anau-mov@mail.ru.

Richard SAKWA — Professor, School of Politics and International Relations, University of Kent (United Kingdom); rsakwa@kent.ac.uk.

Aleksander SALITSKY — Chief Researcher, the Institute of World Economy and International Relations, RAS (IMEMO); Doctor of Economics; sal.55@mail.ru.

Elena SENYAVSKAYA — Leading Researcher, the Institute of Russian History, RAS; Professor, the Russian State University for Humanities; Full Member of the Academy of Military Science; Doctor of History; homobelli@mail.ru.

Alexey SHAKHMATOV — Head of the Secretariat of the Board Chairman of Gazprom; Doctor of Economics; ashakh@gazprom.ru.

Petr YAKOVLEV — Head of the Center for Iberian Studies, the Institute of Latin America, RAS; Professor, Plekhanov Russian University of Economics; Doctor of Economics; petr.p.yakovlev@yandex.ru.

Abstracts and Keywords

Natalia NAROCHNITSKAYA

FROM WAR TO PEACE. YALTA AND COUNTER-YALTA.

Abstract. *The undergoing revision of the Second World War history has changed the interpretation of the very nature and sense of the greatest event of the 20th century. And only those results of the war that were favorable to the Soviet Union are now being questioned and thwarted. The analysis of the Yalta-Potsdam system becomes particularly essential in this context. The most important result of Yalta and Potsdam was the USSR de facto succession in the Russian Empire geopolitical area, combined with its newly acquired might and influence. The Great Victory of 1945 has revived the great power on the territory of historical Russia able to restrain and counterbalance the ambitions of the West. This, in turn, determined the subsequent “cold” reaction to these outcomes and the growing geopolitical pressure on the post-communist Russia. This strategy has been drafted well before 1945 in a number of British and American secret plans for the postwar order. However, in Yalta all the “Big Three” demonstrated the spirit of compromise, recognized and accepted the realities and responsibilities. And this is what the world so desperately needs in the 21st century.*

Keywords: *results of the Second World War, Yalta system, Yalta Conference, plans for the post-war order, transition to the Cold War, geopolitical configurations, the US strategy, geopolitical realities.*

Alexander NAUMOV

THE ORIGINS AND LESSONS OF THE SECOND WORLD WAR: SOME ISSUES OF CURRENT PUBLIC AND POLITICAL DISCOURSE

Abstract. *The paper explores some key aspects of the debate on the origins and results of the World War II, relating to the role of the USSR. The Munich Agreement, the “Molotov-Ribbentrop Pact” and the Crimean (Yalta) Conference are chosen as milestones. What determined the start of the war? And, as to its outcomes, is it legitimate to compare the Munich agreement and the conference in Yalta? An unbiased answer to these questions requires a systematic analysis of international relations. The war became inevitable as a result of the Versailles system collapse and of the games played by UK, France, Germany and other powers. European countries’ reluctance to ally with the Soviet Union against Hitler pushed Moscow to sign the German-Soviet non-aggression pact in 1939. This was a logical conclusion of the appeasement policy, advocated in London and Paris. One of the lessons from the pre-war and post-war experience is that there can be no secure world’s architecture without Russia’s involvement.*

Keywords: *World War II, causes of World War II, role of the Soviet Union in the Second World War, Versailles system, Munich Agreement, policy of appeasement, Molotov-Ribbentrop Pact, German-Soviet non-aggression treaty, Crimean (Yalta) Conference, Yalta system.*

François-Xavier COQUIN**REFLECTIONS ON THE EQUATION OF STALINISM WITH HITLERISM**

Abstract. *Despite a number of formal similarities, Soviet Stalinist communism and Nazism had numerous differences, including some fundamental ones. This is true in particular about their key common feature that is violence. Violence was inherent to the Third Reich regime as it was a part of Nazi racist ideology and program, but in the Soviet Union violence was a distortion of the ideals of socialism. Among other things, the thesis that the German-Soviet pact of 1939 is an evidence of kinship between the two regimes does not withstand historical analysis either. The comparison of Stalinism to Hitlerism, in conflict with historical objectivity, has spread in recent decades, for an array of political reasons. It is used to assert the historical monopoly of Western democracy model, to take revenge on Moscow, and to discredit Soviet victory in the World War II in order to deprive Russia of great power status, as well as to justify the supervision of its internal development.*

Keywords: *equation of nazism and communism, nazism, Hitlerism, Stalinism, Molotov–Ribbentrop Pact, democracy.*

Elena SENYAVSKAYA**FRONT-LINE GENERATION OF THE GREAT PATRIOTIC WAR AS A SOCIAL PSYCHOLOGICAL PHENOMENON**

Abstract. *The outcome of any war is always ultimately determined by people. The USSR withstood the incredible, nearly four-year confrontation with Nazi Germany only because of its “spiritual core” and moral unity. How could the Soviet people collect their strength despite immense losses, reverse the course of war and fight down the Third Reich? The author explores the psychology of this experience. The war also brought a sea change in the consciousness of the front-line generation, that influenced in many respects the following Soviet history.*

Keywords: *Great Patriotic War, War 1941–1945, front-line generation, war generation, Soviet people, psychological aspects of war, Victory 1945.*

Vera DUBINA**SEXUAL VIOLENCE IN WORLD WAR II: MEMORY, DISCOURSE, POLITICAL INSTRUMENTALIZATION**

Abstract. *In the last decade, German and European media have focused a lot on the rape of German women by Soviet soldiers-winners in 1945. The author reviews the development of that discourse as well as its impact on the historical memory of World War II. It is a part of a larger trend, that of constructing a totally “new” image of war. Germany’s fault and the crimes of the Nazi troops on the Eastern Front are ignored, “clean” Wehrmacht is presented in contrast to the SS and the German people are perceived as victims, while the Soviet army is shown mainly as a barbarous horde alien to the civilized European nations. That discourse has provoked critical reactions on the part of professional historians. Also some serious ap-*

proaches, results and problems in researching real sexual violence in the Second World War are introduced.

Keywords: *World War II, sexual violence in war, Germany, Federal Republic of Germany, memory of World War II, image of the Second World War, German's fault, Eastern Front, crimes of the Wehrmacht, rape of German women by Soviet soldiers.*

Richard SAKWA

FROM YALTA TO MALTA AND BACK AGAIN?

Abstract. *We lived for 45 years in the world shaped by the Yalta Conference of 1945, and then another 25 years in the world shaped by the Malta Summit of 1989. Both meetings were about the fate of Europe being decided by the great powers, but with one crucial difference — the reversal of balance of power. The fundamental importance of Yalta is that it entailed recognition of geopolitical and ideological pluralism in international politics. Its meaning was also in the acknowledgement of the Soviet Union's great power status and its interests. It is for this reason that Yalta remains so much appreciated in Russia. The Russian myth of Yalta is a way of freezing Russia's status as a great power. In its turn, the West has rendered the system born at Malta a myth. For the West Malta symbolises the triumph of Atlanticism over Gorbachev's vision. The only way forwards, as so often, is backwards, to Gorbachev's ideas of a Common European Home, some sort of greater European process. Russia needs to transcend Yalta, while the West needs to transcend Malta, to create a new type of Europeanism.*

Keywords: *Yalta Conference, Helsinki Final Act, Malta Summit, postwar order, Yalta system, atlanticism, geopolitical pluralism, Cold War.*

Petr YAKOVLEV

RUSSIA AND LATIN AMERICA AGAINST THE BACKGROUND OF WESTERN SANCTIONS

Abstract. *The article deals with actual relationships between Russia and countries of Latin America. The author points to the intensification of Russian-Latin American cooperation in the political, economic and trade spheres. This trend is particularly important in the context of rising Russia's tensions with the West and Western sanctions against the Russian Federation. The current situation gives Russia an opportunity to become a significant actor on Latin American scene. This would reduce foreign policy risks for Moscow and strengthen its negotiating position.*

Keywords: *Russia, Latin America, political and economic cooperation, Western sanctions against the Russian Federation, "a new Cold War", future world order.*

Aleksander SALITSKY, Svetlana CHESNOKOVA, Alexey SHAKHMATOV

CHINA: ECOLOGICAL REVOLUTION STRONG START

Abstract. *China's exceptional industrial breakthrough, which pulled the country out of poverty, had an equally dramatic, disastrous environmental impact in the form of pollution. But now in the second decade of the 21st century, an ecological revolution of impressive depth and scope has started in China. The paper looks at Chinese electric industry restructuring, which cause analysts to revise the world energy consumption forecasts.*

Keywords: *new energy, coal dependence, green perspective, energy intensity of GDP, renewable energy, environmental diplomacy.*

Vladimir KONDRATEV

THE GLOBAL ECONOMY AND ITS SECTORS IN 2014-2015

Abstract. *The year 2015 promises to be more successful than the previous ones for the world economy and its major sectors. For the automotive industry this means the end of a five-year recession and the transition to the phase of recovery. An increase of retail sales is expected in consumer goods manufacturing. 2015 will be a more stable year for the financial sector. In North America noticeable economic growth has already begun, and there is no reason to predict this trend to stop. In emerging markets growth rates slightly declined. In many countries, however, there are new opportunities for domestic and foreign investors.*

Keywords: *global economy, industries, opportunities and factors of economic growth, developed and developing markets, foreign investment.*

Научный сетевой журнал

«Перспективы. Электронный журнал»

2015

№2

(апрель–июнь)

E-journal «Perspectives and prospects»

2015

№2

(April–June)

journal.perspektivy.info

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС77-61061 от 5 марта 2015 г.

Дизайн обложки Ирина Гортинская

Дизайн-макет Ирина Гортинская

Техническое редактирование и компьютерная верстка Ирина Гортинская

Фонд исторической перспективы

Центр исследований и аналитики

127051, Москва, ул. Трубная, д. 21/11

тел./факс: +7 (495) 789 80 87